

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ
В ОСМЫСЛЕНИИ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**Всероссийская с международным участием очно-заочная
научно-практическая конференция, посвященная 100-летию
образования Республики Башкортостан и 110-летию создания
Башкирского государственного университета**

**УФА
РИЦ БашГУ
2019**

УДК 811.161.1.
ББК 81.2Рус
П76

Редакционная коллегия:
зав. кафедрой современного русского языкознания
канд. филол. наук, доцент Т.В. Григорьева – ответственный редактор;
докт. филол. наук, профессор К.З. Закирьянов;
докт. филол. наук, профессор В.Р. Тимирханов;
канд. филол. наук, доцент Е.В. Евдокимова;
канд. филол. наук, доцент Р.Р. Лукманова;
канд. филол. наук, доцент С.Е. Родионова;
ст. преподаватель Л.А. Попова

П76 **Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства:** сборник материалов Всероссийской с международным участием очно-заочной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования Республики Башкортостан и 110-летию создания Башкирского государственного университета, 27 ноября 2019 г. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. 276 с.
ISBN 978-5-7477-5032-6

Сборник содержит статьи участников Всероссийской научно-практической конференции, которые посвящены актуальным проблемам современного русского языка: состоянию и тенденциям его развития, языку средств массовой информации, актуальным проблемам изучения и преподавания русского языка.

УДК 811.161.1.
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-7477-5032-6

©БашГУ, 2019

СЕКЦИЯ I
ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ПАРАДИГМ РУССКОГО
И ЗАРУБЕЖНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ: ТРАДИЦИИ,
СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 80

Акбулатова Гузалия Зуфаровна
Башкирский государственный университет
zaynagabetdinova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЛИПСИСА В РАССКАЗАХ АНГЛИЙСКОГО
ПИСАТЕЛЯ ЭРНЕСТА МИЛЛЕРА ХЕМИНГУЭЯ

В данной статье рассматривается эллипсис в рассказах Эрнеста Хемингуэя. Приводятся примеры использования данного приема в произведениях автора. Рассматривается эллипсис в тандеме с другими литературными приемами. Уделяется внимание влиянию эллипсиса на сюжет в целом. Отмечается, что эллипсис рассматривается с точки зрения не только литературоведения, но и языкознания.

Ключевые слова: эллипсис, контекст, теория Айсберга, лаконичность, Хемингуэй.

Эллипсис как стилистический прием представляет собой пропуск слов, которые не являются существенными для выражения смысла лексемы. Само слово произошло из древнегреческого языка, где оно переводится как «недостаток». В языкознании принято выделять два вида эллипсиса – субстантивный (штрафной удар – штрафной) и адъективный (чучело огородное – чучело).

В зависимости от контекста данный прием может создать эффект бытовой небрежности, лирической взволнованности, просторечия, лаконизма и т.д. Эллиптические конструкции делают текст более лаконичным, а выражения – эмоциональнее и энергичнее. Отметим, что чаще всего эллипсис подразумевает пропуск глагола.

Данный прием часто использовал в своих произведениях американский писатель, лауреат Пулитцеровской премии 1953 года за повесть «Старик и море» и лауреат Нобелевской премии по литературе Эрнест Хемингуэй. Сущность авторского эллипсиса в данном случае заключается в пропуске несущественных слов, линий, абзацев или даже определенных событий сюжета.

Здесь можно вспомнить о *Теории Айсберга* (или *Теории Упущения*), которая была разработана американским писателем Эрнестом Хемингуэем в 1923 году. Хемингуэй с особым трепетом относился к

этому стилю написания, в котором «опущенная часть усиливает историю»: «Если писатель хорошо знает то, о чем пишет, он может опустить многое из того, что знает, и, если он пишет правдиво, читатель почувствует все опущенное так же сильно, как если бы писатель сказал об этом» [3, с. 21]. Очарование айсберга состоит в том, что нам видна только его одна восьмая часть. Все остальное находится гораздо глубже.

Автор использует умолчание не однобоко, а в совокупности с разнообразными приемами. К ним можно отнести скрытые предупреждения о скором появлении в повествовании новых персонажей и отрывочные упоминания событий, волновавших тогда мир, и даже определенные математические задачи, которые автор позволяет читателю решить вместе с героем.

Например: "...and she decided to leave her inhibitions behind", ...then, "the detectives visit the crime scene to collect evidences" – «...и она решила оставить свои запреты позади», «...затем детективы посещают место преступления, чтобы собрать доказательства». Когда эллипсис оказывается в конце предложения, он следует за полным предложением, поэтому часто можно встретить четыре точки между двумя предложениями: "He thought about it over and over again....until he could not think anymore" – «Он думал об этом снова, и снова, и снова....до тех пор пока не смог больше думать»; "She didn't mean it....or did she?" – «Она же имела в виду не это...или это?».

"To fling my arms wide In the face of the sun, Dance! Whirl! Whirl! Till the quick day is done. Rest at pale evening . . . A tall, slim tree . . . Night coming tenderly Black like me". – «Широко раскинь руки перед лицом солнца, танцуй! Кружись! Кружись! До тех пор пока день не закончится. Отдохни бледным вечером...Высокое, тонкое дерево. Ночь приходит нежно. Черная как я».

Довольно часто лаконичные авторские замечания автора несут в себе едкую иронию, а небольшие реплики его героев блещут остроумием. Такой стиль делает повествование интересным, а текст более выразительным. В качестве примера вспомним рассказ «Кошка под дождем», где леди хочет взять домой котенка, который прячется от дождя. Она видит в нем родную душу, ведь котенок так же одинок, как и она. Никто на него не обращает внимания, как не обращает на нее внимания ее муж – Джордж, имя которого, в отличие от имени леди, Хемингуэй упоминает. Леди ищет котенка, но безуспешно, тогда хозяин гостиницы посылает ей своего толстого жирного кота. Именно здесь прослеживается ирония писателя: "Was it very painful, darling? – Very." – «Это было больно, дорогая? – Очень»; "Darling, why don't you let your hair grow? – How grow? – Just grow a little longer". – «Дорогая, почему ты не

дала своим волосам вырасти? – Как вырасти? – Чуть длиннее»; “How are we for money? –We have plenty” – «Что насчет денег? – У нас их полно».

Итак, в большинстве случаев эллипсис в произведениях Хемингуэя не только влияет на выразительность текста и порождает интерес к сюжету, но и позволяет героям высказываться остроумнее, делает реплики и ситуации ироничнее. Умелое использование эллипсиса рождает неповторимый стиль автора, который многие характеризуют как энергичный и современный.

Литература

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка: учебник (на английском языке). М.: КД Либроком, 2013. 336 с.
2. Гуревич В.В. Стилистика английского языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2015. 72 с.
3. Хемингуэй Э. Собрание сочинений (в 4-х т.). Т. 1. Художественная литература. М.: АСТ, 1968. С. 21-23.

УДК 81-23

Багаева Анна Альбертовна

Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова
annettebagaeva1993@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕНТАЛИТЕТА АНГЛИЙСКОГО И ОСЕТИНСКОГО НАРОДОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК С КОМПОНЕНТОМ «ДОБРО-ЗЛО»

В статье рассматривается структурно-семантический анализ пословиц и поговорок, отражающих отношение осетин и англичан к данным философским феноменам. Впервые проводится сравнительно-сопоставительный анализ осетинских и английских пословиц данной семантической группы. Актуальность работы обусловлена исследованием этических и моральных ценностей, присущих обоим народам.

Ключевые слова: осетинские пословицы, английские пословицы, структурно-семантический анализ, концепт «добро-зло».

Фундаментальные категории морального сознания «добро-зло» являются универсальными философскими понятиями и присущи всем народам мира. Сквозь призму пословиц и поговорок, заключающих в себе данные концепты, можно провести параллели между менталитетом различных народностей – найти сходства или же, наоборот, различия.

В философии «добро» и «зло» – это «морально-этические категории, в которых выражается нравственная оценка поведения людей (групп, классов), а также общественных явлений с определенных классовых позиций» [7]. Под «добром» понимается нечто нравственное, достойное подражания, в то время как «зло» имеет противоположное значение: безнравственное, достойное осуждения [4, с. 76-77].

Анализируя пословицы и поговорки, мы сочли необходимым дифференцировать их по двум группы: 1) содержащие обобщенные философские понятия; 2) более конкретизированные, то есть рассматривающие хорошие и дурные качества человека. К первой группе относятся пословицы о доброте, искренности, справедливости, хорошей репутации и т.д., во второй – пословицы и поговорки о злости, вредности, хитрости, корысти, зависти и т.д.

Следует отметить, что английские пословицы данного тематического поля более конкретизированы, относятся к определенным слоям общества, в то время как осетинские носят обобщенный характер, являясь отражением вековой народной мудрости.

Пословицы, содержащие в себе понятия добра и зла, можно разделить на несколько групп. К первой можно отнести пословицы, делающие акцент на то, что доброта в людях ценится больше всего. “Kind hearts are more than coronets” (Добрые сердца значат больше, чем короны), и ей соответствует группа осетинских пословиц: «Хорз ныхас зардаёй дагъæлу» (Доброе слово – ключ к сердцу), «Хорз ныхасæй къæдзæх бадон вайы» (От доброго слова скала тает). Большинство из них содержит противопоставление, основанное на использовании экспрессивно-значимых лексических компонентов.

Также можно выделить пословицы, выражающие значение – «хорошая репутация превыше всего», например: “A good name is better than riches” (Доброе имя важнее богатства), “A good name is sooner lost than won” (Хорошую репутацию легче утратить, чем приобрести), “A good name is sooner keeps its luster in the dark” (Хорошее имя сохраняет свой блеск и в грязи). Хорошая репутация «хорз ном» является важным качеством осетина, и пословицы носят даже повелительный характер. «æвзаеры ном дыл макуы сбадает!» (Пусть к тебе никогда не пристанет плохое/злое имя!), «Йæ хорз ном, йæ фыдæлты кад» (Его доброе имя, честь предков).

Таким образом, доброе имя, олицетворяющее добродетель и честь, является важным качеством в национально-культурном своеобразии и английского, и осетинского народов.

В следующую группу мы объединили пословицы, выражающие то, что «добрые дела в награде не нуждаются» или «добрые дела не забываются» – “kindness begets kindness”: “A good deed is never lost” (Хороший поступок никогда не забывается), “Virtue is its own reward”

(Добродетель сама по себе награда). Эквивалентом в осетинском языке могут послужить пословицы «Хорз ракæн æмæ адамæй тыххæй куы лидзай, уæддæр дæ нал ауаддзысты» (Сделай добро, и даже если ты захочешь убежать от людей, они тебя не отпустят), «Хорз фидгæйæ у» (На добро надо отвечать), «Хорз фæстæмæ разыны» (Добро возвращается), «Хорз хорзмæ цауы» (Добро к добру ведет). Такое количество перечисленных пословиц свидетельствует о том, что доброта ценится и вознаграждается как в осетинском, так и английском менталитете.

Фиксируются также пословицы со смыслом «нельзя отвечать злом на зло»: “Two blacks do not make a white” (Черное на черное не дает белого (цвета)), “Two wrongs do not make a right” (Два плохих поступка не дают одного хорошего поступка). В данных пословицах наблюдается процесс метафоризации (black – зло, white – добро) и противопоставления за счет лексической антонимии (wrong – right). Соответствующие осетинские пословицы более лаконичны «Æвзæр æвзæрæй нæ фыстæуы» (За зло злом не платят), «Æвзæр æвзæрæй на ивдæуы» (Зло на зло не меняется), «Хорз знагæн дæр лагад кæны» (Добрый и врагу оказывает услугу) и носят назидательный характер.

Таким образом, мы видим значительное сходство в национально-культурном мышлении двух народов на основе структурно-семантического сопоставительного анализа пословиц английского и осетинского языка, раскрывающих философские понятия добро и зло. Сходство английских и осетинских пословиц данной семантической группы связано, на наш взгляд, с универсальностью негативного отношения к злу и признания добра как высшей моральной ценности.

Следует отметить, что наблюдается сходство между английскими и осетинскими пословицами также и на языковом уровне за счет их назидательного характера, что приводит к преимущественному употреблению глаголов, побудительных конструкций. Противопоставление добра и зла репрезентируется посредством сопоставительных и противопоставительных построений. Экспрессивно-оценочная коннотация и образность как в английских, так и в осетинских пословицах создается за счет контраста, параллелизма синтаксических конструкций, нередко за счет включения необычных лексических компонентов.

Литература

1. Dictionary of the Live Great Russian language. Москва.
2. Lexicographers M.V. Bukovskaya et alt.] (1990) М.: Русский язык.
3. Smith W.G. (1970). The Oxford dictionary of English proverbs. UK: Oxford.

4. Даль В.И. (1994). Толковый словарь живого великорусского языка [Dahl V.I. Explanatory].
5. Жуков В.П. (1990). Словарь русских пословиц и поговорок [Zhukov V.P. Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Москва.
6. Иванова Е.В. (2006). Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие [Ivanova E.V. Peace in Russian and English proverbs: Textbook]. СПб.: изд-во СПбГУ; изд-во «Политическая литература».
7. Словарь по этике / под ред. И.С. Кона (1981) [Dictionary on Ethics / Ed. I.S. Kon]. Москва.
8. Словарь употребительных пословиц / Сост. М.В. Буковская и др. [Dictionary of widely used].
9. Хъазиты М. (2013) Ирон Хæзна (1аг чыныг)
10. <https://studfile.net/preview/6431309/page:3/>

УДК 81

Байшукурова Гулнур Жолаушыбаевна
Казахский национальный педагогический
университет им. Абая
baishukurova@mail.ru

Иргебаева Акерке Байновна
Египетский университет
исламской культуры «Нур-Мубарак»
kaldanov70@mail.ru

СОБЫТИЕ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПАРАМЕТР ДИСКУРСА

Статья посвящена изучению в когнитивном аспекте события как экзистенциального параметра дискурса. На примере дискурса Л.Н. Толстого рассматривается концепт смерти как одно из значимых событий общественной и личной жизни человека.

Ключевые слова: дискурс, событие, язык, ситуация, концепт «смерть».

Анализ дискурса писателя позволяет рассмотреть авторскую картину мира с точки зрения ее художественного выражения. Язык и языковая картина мира реализуются в речи и в дискурсе как совокупности всех текстов, порождаемых и воспринимаемых личностью или обществом. Именно в дискурсе воспроизводится вся сложная система индивидуальных смыслов, ассоциаций, коннотаций, отражающих уровень и направленность познавательной и ценностной активности на уровне отдельной личности и народа.

В романах Л.Н. Толстого представлена широкая панорама современной ему действительности, в которой изображение человека, его духовного мира занимает центральное место. Реалистичная и психологически достоверная картина смерти в романах Л.Н. Толстого отражает сложную систему представлений о смерти. Социальный аспект концепта смерти характеризуется пониманием умирания человека как события общественной и индивидуальной значимости, при этом обнаруживается отношение к гибели (в том числе и к самоубийству) как к средству решения личных проблем, к убийству человека человеком (казни и дуэли) как средству решения личных и социальных проблем. В обоих случаях факт смерти получает общественный резонанс.

В последнее время интерес лингвистов «переключился с предметно-пространственного аспекта мира на его событийно-временные характеристики и соответствующие им концепты» [1, с. 101]. «Под событием в самом общем смысле понимается полное описание некоторого явления во всей совокупности актуализирующих его временных и пространственных параметров» [2, с. 199]. Событие в экзистенциальном аспекте представляет собой крупный фрагмент положения дел в мире. В художественном произведении событие – всесторонне пережитый ценностный состав действительности, обобщенное название типовых событий, которые совершаются или не совершаются в реальности, в любом случае – это «воображаемые миры» автора, представляемые им как реальность.

Антропоцентрическая трактовка события связывает его только с миром человека; явления и процессы, происходящие в физическом мире, становятся событием лишь при их понимании как фрагментов языкового мира.

Ситуация – совокупность обстоятельств, обстановка, трактуется как составная часть события либо самостоятельное, частное явление. Этому узкому пониманию сущности ситуации противостоит определение ее как некоторого фрагмента мира, представлений о предметах или людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях или об их сложном сплетении. Как видим, в широком смысле понятия ситуации и события сближаются.

Экзистенциальному параметру дискурса – событию в когнитивных исследованиях соответствует денотативно-когнитивный параметр – модель события. Модель события или ситуации «составляет конструирующее ядро, находящееся в памяти и когнитивно реконструируемое при последовательном описании фрагментов мира. Модель события служит представлением авторизованной картины мира (индивидуально-авторским отражением реальности)» [3, с. 134]. Событие

представляет собой единицу фонового знания, или иначе, невербализованный фрагмент опыта, взаимодействующий в речемыслительной деятельности с вербально оформленными фрагментами целостной системы знаний о мире. В свою очередь, концепт представляет собой часть события. В данном случае концепт выступает элементом фоновых знаний.

Концепт смерти в дискурсе Л.Н. Толстого реализуется как одно из значимых событий общественной и личной жизни, а именно смерть отдельно взятого человека изображается как событие повседневной жизни.

...Печальная сторона *события* невольно в здешнем петербургском мире сгруппировалась около одного *события смерти Кутайсова* [4, т. 7, с. 2]; *События* последнего года: пожар Москвы и бегство из нее, *смерть князя Андрея* и отчаяние Наташи, *смерть Пети*, горе графини – все это, как удар за ударом падало на голову старого графа [4, т. 7, с. 258].

Смерть человека – событие текущей жизни, элемент общественных связей и отношений. В таком понимании смерть становится предметом разговоров, толков, писем, документов, то есть информацией, отражающей восприятие живых людей, общественное мнение.

Проснувшись утром, она (Анна Михайловна) рассказывала всем знакомым *подробности смерти графа Безухова*. Она говорила, что *граф умер* так, как и *она желала бы умереть, что конец его был не только трогателен, но и назидателен...* [4, т. 4, с. 101]; ...начался уж несмолкаемый разговор о Герцеговине, о княжне Корзинской, о думе и *скоропостижной смерти Апраксиной* [5, с. 589]; Обвинительный акт был такой: «17 января 188* года в гостинице «Мавритания» *скоропостижно умер* приезжий – курганский 2-й гильдии купец Феропонт Емельянович Смельков» [6, с. 35].

Информативный характер концепта смерти подчеркивается контекстуальным окружением: лексемами «новость» и «известие».

Главная новость, занимающая всю Москву – *смерть старого графа Безухова* и его наследство...» [4, т. 4, с. 118]; ...присоединилась еще одна *страшная новость*. Графиня Безухова *скоропостижно умерла* от этой страшной болезни, которую так приятно было выговаривать [4, т. 7, с. 12]; Прошло два месяца *после получения известий* в Лысых Горах об Аустерлицком сражении и *о погибели князя Андрея* [4, т. 5, с. 37]; Николай был с русскими войсками в Париже, когда к нему пришло *известие о смерти отца* [4, т. 7, с. 25]; Когда он (Левин) проснулся, вместо *известия о смерти брата*, которого он ждал, он узнал, что больной пришел в прежнее состояние [6, с. 434].

Смерть в качестве житейской ситуации служит предметом светской болтовни. В подобном освещении она выступает в

повторяющихся типичных фрагментах, передающих условность и формальность человеческих отношений. Стандартные и банальные фразы снижают трагический пафос смерти.

В этот день все встречались с словами:

– Как удивительно случилось. В самый молебен... *А какая потеря Кутайсов!* Ах, как жаль! [4, т. 7, с. 12];

– Да, я слышал... *Какая скоропостижная смерть*, – сказал Левин.

Пришла графиня, села на диван и спросила тоже про жену и про концерт. Левин ответил и повторил *вопрос про скоропостижность смерти Апраксиной* [5, с. 592]; – Разве вы не слышали?...*ее сын убит на дуэли*. Дрались с Позеном. Единственный сын. Ужасно. Мать так убита [5, с. 261]; – *А какое ужасное событие с Каменским!* – сказал он. – Прекрасный молодой человек. Единственный сын. Особенно положение матери, – говорил он, повторяя почти слово в слово все то, что все в Петербурге говорили в это время о Каменском [5, с. 265].

Эвфемизм «потеря», «потерять кого-л.» – этикетное обозначение смерти, которое выступает как выражение искреннего сочувствия и щадящего отношения и выражение формального сочувствия и общепринятых норм поведения.

Сочувствие, искренность, глубина переживаний:

– И оттого, – продолжал Пьер, – что только тот человек, который верит в то, что есть бог, управляющий нами, может перенести такую потерю, как ее и ...ваша, – сказал Пьер [4, т. 7, с. 229].

Светская неискренность, пустословие:

– Бедная графиня Апраксина *потеряла мужа*. Глаза выплакала бедняжка, – говорила она (маленькая княгиня), все более и более оживляясь [4, т. 4, с. 131]; «Ваша *потеря* так ужасна, что я иначе не могу объяснить ее, как особенной милостью бога, который хочет испытать...» [4, т. 5, с. 240]; «Одно, что я могу сказать против, это то, что, *потеряв* Marie, я говорил себе, что останусь верен ее памяти...» [6, с. 486].

Смерть – объективное явление жизни, характеризующееся конкретной пространственно-временной соотнесенностью. Событие смерти предстает как временной и локальный фрагмент целостной и реалистичной картины мира. Временной аспект события смерти передается такими лексическими единицами, как *день, более месяца, недавно, три месяца тому назад, в тот же день, после женитьбы*. Пространственный аспект смерти обозначается лексемами *в Ярославле, за границей, дом, комната, гостиная*. Все это и придает произведениям Л.Н. Толстого широкую эпичность и достоверность.

В день своего освобождения он (Пьер) видел *труп Пети Ростова*. В этот же день он узнал, что князь Андрей был жив более месяца после Бородинского сражения и только *недавно умер в Ярославле, в доме*

Ростовых. И в тот же день Денисов, сообщивший эту новость Пьеру, между разговором упомянул *о смерти Элен*...[4, т. 7, с. 216]; Брат был самый близкий ему (Каренину) по душе человек, но он служил по министерству иностранных дел, жил всегда за границей, где он и умер скоро после женитьбы Алексея Александровича [6, с. 438]; Дом был большой, старинный...дом этот был целый мир для Левина. *Это был мир, в котором жили и умерли его отец и мать* [5, с. 85]; Комната эта – гостиная – была та самая, в которой *три месяца тому назад умерла его мать* [6, с. 102].

Особенно четко в дискурсе писателя проявляется временной план события смерти. Смерть человека становится своеобразной точкой отсчета, хронологическим параметром в последовательности определенных жизненных событий. Особое место в хронологии и памяти близких людей занимают последний период жизни и день смерти.

Одна за другой представлялись ей (княжне Марье) картины близкого прошедшего – *болезни и последних минут отца* [4, т. 6, с. 162]; *Последние дни князя Андрея* связали Наташу с княжной Марьей [4, т. 7, с. 189]; «Он и тогда хотел сказать мне то, что он сказал мне *в день своей смерти*, – думала она... – Может быть, он тогда же бы сказал мне то, что он сказал *в день смерти*...». И княжна Марья вслух произнесла то ласковое слово, которое он сказал ей *в день смерти* [4, т. 6, с. 163].

Хронологический подход позволяет выделить разные периоды, обозначаемые предположно-падежными конструкциями:

до смерти

...Я живу и в этом не виноват, стало быть, надо как-нибудь получше, никому не мешая, дожить *до смерти* [4, т. 5, с. 119]; Он чувствовал, что образ жизни его определен теперь раз навсегда, *до смерти*, что изменить его не в его власти...[4, т. 7, с. 288].

перед смертью

Она (княжна Марья) знала, что он скажет ей тихие, нежные слова, как те, которые сказал ей отец перед смертью...[4, т. 7, с. 62]; Левин, которого давно занимала мысль о том, чтобы помирить братьев хотя перед смертью, писал брату Сергею Ивановичу... [5, с. 20]; Весь день накануне и всю последнюю перед смертью ночь Смельков провел с проституткой Любкой... [6, с. 36].

после смерти

После смерти своих братьев она (Жюли) стала очень богата [4, т. 5, с. 322]; В последнее время одно из любимых занятий князя было занятие над бумагами, которые должны были остаться *после его смерти*...[4, т. 6, с. 114]; С остановившейся улыбкой сострадания к себе она (Анна) сидела на кресле..., живо с разных сторон представляя себе его чувства *после ее смерти* [5, с. 642]; ...Евфимия Бочкова на другой день *после кончины*

Смелькова внесла на свой счет в местный коммерческий банк 1 800 рублей серебром [6, с. 36].

со смерти/со смертью

Со смерти графа Безухова он (князь Василий) не выпускал из рук Пьера... [4, т. 4, с. 255]; ...*со смертью* его распалась старая семья [4, т. 7, с. 258].

Таким образом, в социальном аспекте смерть человека в дискурсе Л.Н. Толстого представляет собой пространственно-временной фрагмент картины мира, закономерный этап и событие повседневной жизни.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
2. Николаева Т.М. «Событие» как характеристика текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М.: Наука, 1980.
3. Диброва Е.И. Коммуникативно-когнитивная модель текстопорождения // Семантика языковых единиц / Доклады междунаро. конф. Т.2. М., 1996. С. 130-137.
4. Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22-х томах. Тт. 4-7. М.: Художественная литература, 1979.
5. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Художественная литература, 1976.
6. Толстой Л.Н. Воскресение. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1987.

УДК 81

Григорьева Татьяна Владимировна
Башкирский государственный университет
Tagrig8@mail.ru

**РОЛЬ МЕТАФОРЫ СОДЕРЖАНИЯ В ВЫРАЖЕНИИ
ОЦЕНОЧНОСТИ ОППОЗИЦИЕЙ *ВЫСОКИЙ – НИЗКИЙ***

В статье описываются особенности выражения метафоры содержания, основанной на мифологических представлениях древних людей о верхе и низе, и ее отличия от количественной метафоры, которая призвана передать динамику изменений, происходящих в объекте, и не связана с оценкой.

Ключевые слова: высокий, низкий, оппозиция, оценка, метафора.

Оценочность оппозиции *высокий – низкий* базируется на мифологических представлениях людей, возникших благодаря

наблюдениям древнего человека за собственным телом и стремлению соотнести окружающие явления в соответствии с его анатомическим строением и положением на поверхности. Эти мифологические представления легли в основу символических оценочных значений, которые прочно закрепились в языковом сознании и реализуются в сочетаемости имен оппозиции в основном с абстрактными именами для выражения оценочного отношения к явлениям разных уопостигаемых сфер жизнедеятельности человека: этической, гносеологической, эмоциональной, религиозной, социальной.

При выражении оценки оппозиции важна метафора содержания, которая основана на мифологической значимости верха (расположении его рядом с душой, сердцем) и отдаленности от них низа и помогает субъекту оценить внутреннее содержание объекта или его качество.

Говоря об оценочных возможностях оппозиции *высокий – низкий*, важно отличать количественную метафору, которая не имеет оценки, и качественную, содержательную метафору, выражающую оценочное отношение. Первая позволяет представлять синтаксический объект, имеющий количественную составляющую, как шкалу – возрастающую или понижающуюся: *высокая посещаемость* – «большое количество посещений по сравнению с нормой»; *низкая посещаемость* – «небольшое количество посещений по сравнению с нормой» (ср.: *Чрезмерно высокая посещаемость архипелага и неупорядоченная рекреационная деятельность в недавнем прошлом негативно воздействовали на экологическую лесную среду. «Лесное хозяйство», 2004; Но я по наивности решил, что с нами хотят обсудить причины низкой посещаемости лекций Егоровой. Е. Рубин [1]). Вторая помогает оценить содержание объекта, его качество: *высокий уровень диссертации* – «хорошо выполненная диссертация»; *низкий уровень занятий* – «некачественно проведенные занятия» (ср.: *Была сделана превосходная диссертация на очень высоком уровне, автор не только выучил множество древних языков, но и написал учебники по арабскому языку, по эфиопскому. В. Воробьев, А. Данилова; Проблема сегодняшних вузов – очень низкий уровень практических занятий. «Эксперт», 2015 [1]).**

Количественная метафора возникает при сочетании прилагательных *высокий* и *низкий* с именами объектов, которые хорошо шкалируются: *устойчивость, кредитоспособность, заболеваемость, зарплата, достижения* и под. (ср.: *Отмечена высокая эффективность использования резонансных инвариантов сепаратрисного отображения в области средних частот. «Журнал технической физики», 2004; Низкая стоимость разработок, возможность создания силами одной небольшой лаборатории с двумя-тремя высококвалифицированными специалистами-биотехнологами. «Вестник РАН», 2004 [1]).*

Качественная метафора тоже может возникать при сочетании прилагательных *высокий* и *низкий* с именами хорошо шкалируемых объектов, однако акцент в таких контекстах смещается с количества на качество (ср.: *Нижегородские архитекторы из года в год подтверждают свой **высокий профессиональный уровень**, входят в число лидеров архитектуры России*. М. Ермакова; *Свобода от цензуры в сфере популярной песни привела к тому, что в эфир стало возможным попадание певцов, музыки и текстов крайне **низкого профессионального уровня***. А. Козлов [1]). Оценивается в таких предложениях не количество, а содержание, качество. Сравните примеры с сочетанием *высокий уровень*, в которых нет оценки и в которых есть оценка:

Нет оценки	Есть оценка
<p><i>В частности, у большинства детей с ЗПП выявлен высокий уровень развития произвольного внимания и умственной работоспособности в пределах коротких временных интервалов.</i> «Вопросы психологии», 2004;</p>	<p><i>Этот трудный спектакль отличался достаточно высоким режиссёрским и исполнительским уровнем, за что и получил диплом первой степени.</i> «Народное творчество», 2004;</p>
<p><i>Более применимы, по-видимому, концепции европейских социологов, особенно представителей тех стран, для которых в недавнем прошлом был характерен высокий уровень коррупции, значительная социальная дифференциация и тоталитарное устройство общества.</i> «Отечественные записки», 2003 [1].</p>	<p><i>Толстые журналы и ныне живут своим богатым культурным опытом: у них есть свой читатель, привычно просматривающий и прочитывающий свежие номера от корки до корки, свои профессиональные критики, которые поддерживают высокий уровень рецензий и обзоров.</i> «Октябрь», 2003 [1].</p>

Стереотипными шкалированными элементами, помогающими как определять количество, так и оценивать содержание объектов, являются уровень («условная горизонтальная линия или плоскость, являющаяся границей высоты чего-либо» [2, с. 874]) и класс («в научной терминологии: совокупность, группа предметов или явлений с общими признаками; разряд, категория» [2, с. 271]). Имена названных элементов, взаимодействуя с прилагательными *высокий*, *низкий*, создают сочетания: *высокий / низкий уровень*, *высокий / низкий класс*, – при помощи которых языковой коллектив, с одной стороны, может описывать степень изменений, происходящих в развитии определенного явления (ср.: *Все*

результаты оценивались в балах; определялся **высокий, средний и низкий уровни развития каждой функции**. «Вопросы психологии», 2004 [1]), или констатировать наличие признаков, позволяющих говорить о принадлежности явления к определенной категории (ср.: **Насаждения низкого класса пожароустойчивости в целом занимают 17 % площади, среднего – 65, высокого – 18 %**. «Лесное хозяйство», 2004 [1]). С другой стороны, выражения **высокий / низкий уровень** и **высокий / низкий класс**, приобретая связанный характер сочетаемостных отношений компонентов, могут выступать оценочными маркерами при оценке качества или содержания объекта: **работа высокого уровня (класса) – ‘хорошая, качественно выполненная работа’** (ср.: **Фестиваль был безусловно интересен, потому что на нем представлены работы высокого уровня**. «Народное творчество», 2003 [1]); **перевод низкого уровня (класса) – «плохой, некачественно выполненный перевод»** (ср.: **Мне уже приходилось отмечать характерный для неё низкий уровень перевода и дубляжа...** «Известия», 2002 [1]).

Сигналами появления метафоры содержания и, соответственно, оценочных сем являются следующие компоненты:

– прилагательные, эксплицирующие основание оценки (ср.: **В основном, приезжают те, кто здесь уже был, и не раз сформировано некое фольклорное сообщество достаточно высокого исполнительского уровня, открытое для всех**. «Народное творчество», 2004; **Но выявился на процессе и низкий профессиональный уровень некоторых наших следственных органов, призванных бороться с коррупцией**. «Звезда», 2002 [1]);

– наименования человека, работающего в определенной профессиональной сфере (ср.: **Так, наверное, музыканты высокого класса никому не позволяют играть на своём инструменте**. «Новый Мир», 1998; **Актер тогда будет выглядеть органичнее, нежели в акции подражательства, ибо подражательство лишено души и униительно. Артист-подражатель – художник низкого класса**. Е. Весник [1]);

– наименования продукта, результата деятельности и самой деятельности (ср.: **Надеюсь, что физических данных ему хватит, а знания помогут ему показать самый высокий класс игры**. «Русский репортер», 2008; **За ужином в «Пушкине» мы обсудили ужасную переводчицу, низкий уровень музыкальной журналистики в Москве, хамские вопросы**. С. Спивакова [1]).

Несмотря на возможную взаимозаменяемость сочетаний **высокий / низкий уровень** и **высокий / низкий класс** во многих контекстах, у этих выражений есть ограничения в сочетаемости. Так, например, при оценке качества предметов – продуктов деятельности человека – употребляется только сочетание **высокий / низкий класс** (ср.: **Один наш собеседник**

представляет фирму, поставляющую исключительно импортное **оборудование высокого класса**. «Бизнес-журнал», 2004; *Часть российской продукции идет и в Европу: спросом пользуются электронные схемы более низкого класса, нежели те, которые производят лидеры западной индустрии*. «Коммерсантъ-Daily», 1996 [1]). Такую избирательность в сочетаемости можно объяснить тем, что лексема *уровень* сочетается со словами, которые называют объекты, предполагающими некое развитие, динамику, что не свойственно неодушевленным предметам.

Элементом, имя которого вступает в сочетаемостные отношения с прилагательными *высокий* и *низкий* и в единой связке с ними помогает оценить профессиональные способности и навыки человека, является квалификация («степень подготовленности к какому-л. виду деятельности» [2, с. 267]): *высокая / низкая квалификация* (ср.: **Специалист высокой квалификации, он активно участвует в модернизации лабораторного практикума, а также в научно-исследовательской работе кафедры**. «За науку», 2013; **Среди мигрантов преобладают торговцы, строители, люди с низкой квалификацией**. «Знание – сила», 2005 [1]). Безусловно, квалификация – хорошо шкалируемый элемент, и его имя в сочетании с прилагательными *высокий* и *низкий* несет в себе семантику ранжирования – принадлежности человека к определенной профессиональной категории (ср.: **По окончании его я получил диплом инженера человеческих душ средней квалификации и стал осторожно проламываться в литературу, чтобы не обрушить на себя её хрупкие и вместе с тем увесистые своды**. Ф. Искандер [1]). Объективно существующее разрядное деление работников в зависимости от приобретенных знаний и навыков не предполагает оценки (ср.: **Потом нас послали в парники чинить рамы, так как ещё в школе мы получили квалификацию плотников 3-го разряда**. В. Аксенов [1]). Однако субъективное определение профессиональной категории (без конкретной нумерации) так или иначе связано с оценкой. Нормой является высокая квалификация, она положительно оценивается (**Очень важно, чтобы врач, назначающий лечение, имел высокую квалификацию**. «Огонек», 2015 [1]); средняя и низкая квалификация получают в обществе отрицательную оценку (**Когда достаточно адекватная информационная модель уже создана, написание соответствующего комплекса программ становится заурядной задачей для программиста средней квалификации**. «Наука в Сибири», 2001; **Опасаются не те, кто живет в условиях высокой безработицы, а люди с низкой квалификацией и плохим образованием**. «Известия», 2003 [1]).

Для выражения оценки профессиональной пригодности человека используются все три описанных выше сочетания: *высокой / низкой*

квалификации, высокого / низкого уровня, высокого / низкого класса, – в контекстах они оценочно взаимозаменяемы. Для усиления оценки названные выражения сочетаются с положительно заряженным словом *мастер* (ср.: *Рабфак машиностроительного института подводит нашего коммунара непосредственно к втузу, но он входит в него не только подготовленным студентом – он уже и **мастер высокой квалификации***. А. Макаренко; *Этот врач – **мастер высокого уровня**, имеет практический стаж по специальности врача-иглорефлексотерапевта 23 года, образование получил в Китае. Медицина и здоровье (форум), 2005; Возможно, для работ кого-то из этих ребят тоже будет выделена целая комната – честь, которой удостоиваются **мастера высокого класса***. «Народное творчество», 2004 [1]). Следует отметить, что в сочетании с лексемой *мастер* вступают в основном только выражения с прилагательным *высокий*, подкрепляя ее положительную оценку. В контексте *мастер низкой квалификации* оценочность гасится у обоих компонентов и уходит на второй план (ср.: *Основными причинами этих трудностей являются: разнохарактерность кустарных промыслов города; близость кустаря к рынку; наличие среди кустарей **мастеров низкой квалификации** (балчужники, починщики обуви и т. п.* «Нижегородский кооператор», 1928 [1]).

Лексема *мастер* сочетается с прилагательным *высокий* и в других контекстах, например: *мастер высокой статьи, высокой моды, высокой поэзии, высокой прозы, высокой комедии, высокого стиля* (ср.: *При последнем управляющем его вовсе из заводу вытолкнули. Не поглядели, что **мастер высокой статьи***. П. Бажов; *Пуловер из ангоры явно тоже был создан по проекту **мастера высокой моды**, так же как и кипенно-белая рубашечка*. М. Баконина; *Будучи и в прозе и стихах **мастером высокого и строгого стиля**, в идеологии своей Федор Сологуб отразил упадочные и порой даже болезненные настроения русской интеллигенции до и после 5-го года, настроения безволия, уныния и общественной апатии*. М. Пришвин [1]).

Интересны сочетания качественной оценки, переданной в лексеме *мастер*, и количественной, содержащейся в прилагательном *высокий*: *мастер высоких удоев, мастер высокого урожая*, встречающиеся в СМИ советского периода (ср.: *Каждая доярка на основе мичуринских принципов в животноводстве, улучшая содержание и кормление скота, придавая большое значение влиянию внешней среды для повышения продуктивности стада, может стать **мастером высоких удоев***. «Наука и жизнь», 1952; *В Ленинском, Балашихинском и Каширском районах не проводятся лекции **мастеров высокого урожая** и животноводства – Героев Социалистического Труда*. «Наука и жизнь», 1950 [1]).

К оценочным выражениям, эксплицирующим оценку содержания объектов, относятся и сочетания *высокое / низкое качество*, которые языковое сообщество использует для характеристики ценности и содержательного наполнения в первую очередь:

– предметов (ср.: *Галстук Долматова был серый, узорный, высокого качества*. В. Шаламов; *Местные прохладительные напитки в большинстве своем низкого качества и довольно дороги*. «Вокруг света», 2004);

– результатов деятельности или самой деятельности (*Теперь о нём вспоминают с некоторой ностальгией, потому что студенты сами заинтересованы в высоком качестве знаний и строгом контроле*. «Коммерсантъ-Власть», 2002; *Отсюда безынициативность, дефицит новых идей, нерешённые вопросы, низкое качество общественной дискуссии, в том числе и критических выступлений*. Д. Медведев [1]).

Выражения *высокого / низкого качества*, употребляемые по отношению к человеку, совмещают метафорический и метонимический перенос и очень редко встречаются в литературе (например: *Сейчас мы можем констатировать, что у нас есть популярные и непопулярные вузы, вузы с высоким и низким качеством студентов, есть слабые по науке и сильные, умеющие и не умеющие зарабатывать деньги*. «Огонек», 2013 [1]).

Еще одним элементом, имя которого в сочетании с прилагательными *высокий / низкий* создает устойчивое выражение, выступающее оценочным маркером, является проба («количество весовых частей благородного металла, заключающееся в определённом числе весовых долей сплава; клеймо на слитках благородного металла и изделиях из него, указывающее на это количество» [2, с. 624]). В первичной семантике в выражениях *высокой / низкой пробы* реализуется количественная метафора, эксплицирующая семы 'много' / 'мало' (ср.: *По вашим словам, там золото очень высокой пробы и его охотно продают по три три с половиной тысячи иен за золотник*. В. Аничков; *В золотых сплавах более низких проб (500 и ниже) сравнительно много меди, и азотная кислота оставляет на их поверхности темные пятна*. «Химия и жизнь», 1968 [1]).

Словосочетания *высокой пробы* и *низкой пробы* не симметричны в выражении оценки и применяются для характеристики содержания разных объектов. Объектами, для оценочной интерпретации которых используют сочетание *высокой пробы*, выступают такие, как правило, умопостигаемые явления действительности, имена которых либо оценочно не заряжены, либо содержат положительные коннотации:

– юмор (*Тончайший артистизм и юмор самой высокой пробы, казалось, не оставляли его ни на миг*. Г. Шергова);

– человек определенной профессии (ср.: *Этот необразованный и, прямо скажем, малограмотный человек мог с достоинством вести себя в компании учёных, врачей, интеллектуалов самой высокой пробы* – интуитивно чувствовал, что сказать, а когда и лучше промолчать. И. Кию);

– человеческие качества (ср.: *Человеческие качества Черняева были высокой пробы и мешали ему считать себя «достойным», хотя другие в его достоинствах не сомневались*. В. Аграновский);

– способности (ср.: *О художественном даре, вкусе и понимании искусства я уж не говорю – они были самой высокой пробы*. С. Лунгин);

– продукты творческой деятельности и др. (ср.: *Я развернул наугад и начал с середины (так всегда начинают, если имеют в руках чтиво высокой пробы)*. В. Ерофеев; *Это – самое настоящее искусство, искусство высокой пробы*. А. Пантелеев [1]).

Объекты, для оценки которых используется словосочетание *низкой пробы*, как правило, уже отрицательно заряжены (ср.: *В зачет пошли не только киевские подвиги, но и предыдущие похождения героев, многолетне промышлявших шарлатанством очень низкой пробы*. «Эксперт», 2004; *Рассказ последней, ее слезы и неподдельное отчаяние не оставляли никакого сомнения в том, что это не шантажистка и что она действительно послужила лишь предметом бездушной и надоевшей затем забавы для дон-жуана низкой пробы*. А. Кони [1]).

Лексема *низкопробный* ведет себя иначе: она чаще сочетается с нейтральными в оценочном отношении словами (ср.: *Словом, эти низкопробные люди навязывали Репину свой собственный нрав*. К. Чуковский; *Даже в самом низкопробном комиксе герою всегда везет!..* А. Рубанов), и лишь в 10% случаев – со словами, которые содержат отрицательную оценку разной степени интенсивности (ср.: *Сначала – серии фотографий, печатавшихся в низкопробных журнальчиках*. Т. Моспан; *Воистину сын Отечества никогда не поймет отпетога негодяя или низкопробного дельца*. «Солдат удачи», 2004 [1]).

В русском языке существует еще одно оценочное выражение, которое содержит в своем составе лексему с отрицательными коннотациями *пошиб* («неодобр. Свойственная кому-, чему-л. манера, повадка, стиль» [2, с. 593]), сочетающуюся только с прилагательным *низкий*. Объектами для оценки чаще всего выступают:

– вербальные компоненты (ср.: – *Что, редко с ним встречались? Ну это, положим, шутка низкого пошиба... – Да... что же делать?* Д. Рубина);

– человек (ср.: *...о председателе комиссии выразился ещё более резко: прибудет мерзавец высокого ранга, но более низкого пошиба, чем здесь присутствующий плут Аркашка Кальцатый*. А. Азольский);

– его качества (ср.: *Либо некорректно, но понятно и просто – и тогда мы утонем в цинизме самого низкопробного пошиба.* В. Пелевин);

– продукты, результаты и предметы человеческой деятельности (ср.: *И тянется советский еврей – «русский» израильтянин – к оставшимся еще ошметкам русской культуры в лице газет, пусть и низкого пошиба, телевидения – пошиба еще более низкого – и интернета.* Интернет-альманах «Лебедь», 2003 [1]).

Как показывает анализ материала, лексемы *высокий* и *низкий* не всегда симметрично выражают оценку. Например, только первый компонент помогает оценочно охарактеризовать объекты, связанные с творчеством и искусством: *высокое мастерство, высокое творчество, высокая мода, высокая кухня* и под. (ср.: *Высокое ее актерское мастерство, ее, бесспорно, громадный темперамент известен, и я не только не вижу лучшей, но и вообще какой-либо иной актрисы, которая так же хорошо могла бы справиться с ролью Старицкой.* А. Щеглов; *Тут уже не поймешь: высокая кухня стала пропуском в мир высокой моды или наоборот.* «Огонек», 2015 [1]). В представленных контекстах также реализуется метафора содержания, раскрывающая оценку качества описываемых объектов.

Итак, главным выразителем общей оценочной семантики оппозиции *высокий* – *низкий* в русском языке выступает метафора содержания, которая помогает субъекту оценить внутреннее наполнение объекта или его качество. Эта метафора противопоставляется количественной метафоре, которая призвана передать динамику изменений, происходящих в объекте, и не связана с оценкой. Главными помощниками при оценивании содержания являются следующие элементы: уровень, класс, квалификация, качество, проба, – имена которых в сочетании с прилагательными *высокий* и *низкий* выступают в качестве аксиологических маркеров при оценке человека или продуктов и результатов его жизнедеятельности. При общем однонаправленном характере оценочной работы *высокий* и *низкий* не всегда симметричны при реализации метафоры содержания: так, только первый компонент помогает оценочно охарактеризовать объекты, связанные с творчеством и искусством (*высокое мастерство, высокое творчество, высокая мода, высокая кухня*), и только второй компонент участвует в создании маркеров *низкого пошиба, низкопробный*.

Литература

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (даты обращения: 2017-2019 гг.)

2. Большой толковый словарь русского языка / Ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 959 с.

УДК 81.42

Дробан Виктория Владиславовна
Краснодарское высшее военное летное
авиационное училище летчиков
имени героя Советского союза А.К. Серова
v.droban@mail.ru

Исаева Лидия Алексеевна
Кубанский государственный университет
vlisaev@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «МИР» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

В статье рассматриваются особенности репрезентации концепта «мир» в пословицах и поговорках русского народа, выступающих вербализаторами национального сознания. В процессе анализа контекстов выявляются смысловые возможности лексемы «мир» в русских поговорках, формируются ключевые семантические признаки. Проведенное исследование позволяет утверждать, что концепт «мир» является одним из самых значимых и сложных концептов русской языковой картины мира.

Ключевые слова: концепт, пословицы, поговорки, языковая картина мира.

Концепт «мир» является базовым концептом, имеющим общекультурное значение и участвующим в отражении архетипического представления народа об окружающей действительности. Он является универсальным, поскольку конкретизирует и включает в свое смысловое поле такие базовые концепты, как «жизнь», «пространство», «время» и т.д. [2; с. 127]. Ю.С. Степанов называет концепт «мир» архетипичным, подчеркивая его производность от более древнего концепта «своичужие», который занимал важное место в сознании русского народа, поскольку был связан с крестьянской общиной. «Мир» является частью духовной составляющей русского народа, поскольку именно исследуемый концепт вошел в основу построения идеи ментального мира [2, с. 125].

Выявленные признаки позволяют характеризовать «мир» как один из самых важных и сложных концептов русской культуры, что подтверждается частотностью его репрезентации в русском языке, а

также объемностью структуры своего концептуально-семантического поля.

Смысловое ядро концепта «мир» сформировалась в пословицах и поговорках, являющихся одними из ключевых средств актуализации концепта в коммуникативной деятельности носителей того или иного языка. Паремии «отражают культурно-исторический опыт народ, превратившийся в исторический запас смысла и квалифицируемый последующими поколениями как народная мудрость» [3, с. 75].

Именно в фольклорных текстах, рассмотренных нами на примере русских паремий, в которых употребляется лексема «мир», выступающая именем одноименного концепта и его базовым репрезентантом, отражается динамика семантического наполнения концепта «мир», связанная с экстралингвистическими факторами и осознанием новых типов пространства, выходящих за пределы мира-общины (мир-универсум и т.д.).

Для выявления паремиологических репрезентантов концепта «мир» в национальной картине мира русского народа методом сплошной выборки из словаря В.И. Даля «Пословицы русского народа» [1] были отобраны и проанализированы при помощи метода семантического анализа 129 контекстов, содержащих лексему «мир» и ее производные.

Паремиологическое содержание концепта «мир» шире лексического. Анализ паремий позволил расширить лексическое содержание данного концепта, выявить некоторые приращенные значения и когнитивные признаки:

Мир – общность своих людей, которые, проживая совместно (в общине), способны к проявлению недюжинной силы и бесстрашия как в делах общины, так и в защите своего от чужого: *«Коли всем миром вдохнут – до царя дойдут»*. Эти смыслы реализуются при помощи гиперболы. К примеру: *«Мир зинет – камень треснет»*. В русской национальной картине мира концепт «мир» связан с концептом «свои-чужие», что реализуется в проявлении идеи защиты «своего» от «чужого», именно поэтому наиболее частотным и близким к ядру концепта «мир» является концептуальный признак «способность к проявлению силы» (*К миру приложился – головою заложился*).

«Мир» как община связан и с наличием общей судьбы: «Мир»-община воспринимается как единый организм: *«Один вор – всему миру разоренье»*. Данное единство связано с представлением русского народа о единой тяжелой доле мира-общины. К примеру, данный смысл репрезентуется следующими единицами: *«постылое тягло»*, *«налог»*, *«тягота»*: *«Постылое тягло на мир полегло»*. Мир мыслится как некий «велик человек», чья «толстая шея» способна снести все неприятности: *«Вали на мир: мир все снесет»*.

«Мир» включает компонент «совместная помощь»: *«С миру по нитке – голому рубаха»*. Только находясь «в миру» (в народе), человек может пережить неудачи: *«На миру и смерть красна», «С миром и беда не убыток»*. Наличие данного когнитивного признака объясняется древнейшим представлением русского народа о мире как ладе и отсутствии войны, которое возможно только в пределах своей общины или крещенного света.

Для русского народа характерна связь мира с добром. Добро реализуется в коллективной помощи «своих»: *«Мир не без добрых людей»*. *«С миру по нитке – голому рубаха»*. Наличие данной репрезентации связано с восприятием «мира»-общины как силы, способной дойти до царя и разломить всеобщими усилиями камень.

Концепт «мир» связан с судом и законом. В сознании русского народа мир характеризуется независимым положением по отношению к земному суду и закону. Например: *«Мира никто не судит», «Что миром положено, тому и быть так»*. Мир способен «рассудить», «порядить», «поволить», приговорить». Данные глаголы входят в понятийное поле концепта «суд». В данном случае «мир» – свои, община, которая может вершить суд, принимать решения.

Устойчивое сочетание «ходить по миру» актуализирует значение 'высшего наказания, отсутствия спокойствия и гармонии': *«Себя изведу, а тебя дойму», «Сам наг пойду, а тебя по миру пушу»*.

В русских пословицах «мир» – «творение Бога, управляемое Его волей»: *«Все в мире творится не нашим умом, а Божьим судом»*. Составляющая «Божий суд» ставится выше суда общины, мирского суда, и представляется единственной силой, перед которой уступает сила «мира»-общины. «Мир»-община воспринимает себя как «творение Бога», которое живет в соответствии с Божьим замыслом: *«На мир суда нет», «Мир один Бог судит»*.

Очевидно, что в донаучном русском языковом сознании «мир» в большинстве случаев – это русский народ, а не люди, населяющие весь Земной шар. Достоверность данного суждения подкрепляется фактом, гласящим о том, что в период появления рассматриваемых нами пословиц русский народ еще не имел представления обо всем мире и, как отмечает Ю.С. Степанов, «мир» еще не разросся в их сознании до значения «Вселенная», «универсум» [2, с. 129].

Мир предстает и как «высшее состояние спокойствия», желаемое состояние гармонии. В сознании русского народа сложилось представление о мире как о высшей степени благополучия, которое возможно достигнуть только всеобщими усилиями, живя среди «своих» [2, с. 131]. Например: *«В мире жить – с миром жить»*. Наличие

дружного отношения между «соседом» является необходим и важным для русского народа: «С соседом жить в миру – все к добру» [2; с. 126].

Состояние мира-порядка, дружелюбного отношения между людьми для русского народа связано со счастьем, кладом. Мир между людьми ценнее богатства: «Лад и согласие – первое счастье», «Где мир и лад, не нужен и клад». Торжество мира как спокойствие определяет степень «милости» человека всем членам общества: «С кем мил лад, то мил и брат». Однако следует отметить, что для русского народа не всякий мир хорош: «Вечный мир до первой брани». Пожелания мира для русского народа связано как с миром реальным (благополучие в доме, достаток и т.д.), так и с миром ирреальным (загробным) («покойся с миром», «мир праху»). В последнем случае «мир» – состояние тишины, покой, который душа обретает на «том свете».

Таким образом, концепт «мир» прошел сложный путь трансформации от мира-общины и мира – отсутствия вражды между членами общины до мира-Вселенной, ментальной сущности, согласия во всеобщем значении. Такое расширение становится возможным в связи с формированием этого концепта на грани реального и идеального. Семантические признаки «связь с общиной» и «лад», возможный в пределах своих, являются ведущими и образуют ядро паремиологического поля концепта «мир».

Литература

1. Даль В.И. Пословицы русского народа [Текст]: в 3-х т. М.: Азбука, 2007. Т. 2. 544 с.
 2. Степанов Ю.С. Константы русской культуры. М.: Флинта, 2004. С. 124-131.
 3. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 75.
- УДК 808.56-057.87**

**Дрянгина Елена Анатольевна
Чучкин Павел Александрович**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва
lasina.83@mail.ru

КОМПЛИМЕНТ НА ОСНОВЕ СРАВНЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

Для современной коммуникации комплимент является одним из важнейших компонентов, приемом активизации беседы, он позволяет гармонизировать межличностные отношения, достигать особой эффективности в общении. Оправдано использование комплимента и в

межкультурной коммуникации. На уроках РКИ студенты обучаются построению комплимента, используя один из простых ходов: сравнение с животным. Однако следует учитывать, что ассоциации, вызываемые тем или иным названием животного или птицы, у представителей разных культур могут значительно различаться. Изучению восприятия студентами-иностранцами названий определенных животных и птиц, а также рассмотрению использования некоторых из них в составе комплимента и посвящена данная работа. Если сравнения с известными личностями – распространенный прием, достаточно часто используемый участниками опроса, то сравнения с животными во многом противоречивы.

Ключевые слова: гармонизация общения, комплимент, сравнение, названия животных и птиц.

В процессе коммуникации для получения намеченных длительных результатов используются стратегии речевого поведения, то есть последовательность действий, с помощью которых достигается коммуникативная цель.

Успешное установление контакта является главной целью стратегии гармонизации общения. По Н.И. Кузнецову, этот процесс протекает через несколько стадий [3]:

1. Преодоление психологических барьеров.
2. Поиск общих интересов.
3. Выявление принципов коммуникации.
4. Нахождение качеств, которые могут помешать общению.
5. Привыкание собеседников друг к другу и установление контакта.

Для преодоления первых этапов начинающегося общения эффективным средством в рамках стратегии гармонизации общения может стать комплимент.

Главная функция комплимента – установление контакта и поддержание доброго, позитивного фона диалога. Стратегической задачей комплимента является стремление расположить собеседника к себе и пробудить в нем чувство симпатии к говорящему. В связи с этим отличительной чертой комплимента следует считать явную демонстрацию интенции говорящего – его желания сказать нечто приятное собеседнику.

К удачному применению тактики комплимента приводят следующие условия:

- Говорящий отмечает для себя в адресате какой-либо положительный, по его мнению, признак.
- Он выражает желание сообщить о нем слушающему.

- Говорящий думает, что услышанное адресату понравится и что высказанная фраза не станет содержать в себе некий скрытый смысл, который ранил бы адресата.

- Адресант должен быть искренним, чтобы его не заподозрили в корысти.

Таким образом, комплимент представляет собой попытку дать понять собеседнику, что он или отдельные его качества нравятся говорящему [2].

Существует целый ряд речевых ходов комплимента: прямая номинация, риторическое восклицание, комплимент «чужими устами», риторический вопрос, удивление, привлечение имен известных лиц, признание уникальности объекта оценки, комплимент через ребенка адресату, комплимент через ощущения и др. [1]. При этом некоторые речевые ходы предполагают наличие явно выраженной национальной специфики, то есть связь каких-то особенностей в построении комплимента с менталитетом народа.

Целью данной статьи является изучение восприятия названий определенных животных и птиц студентами-иностранцами и русскими учащимися и дальнейшее рассмотрение использования подобных наименований при построении комплимента, основанного на сравнении с животным. При этом акцент в большей степени делается на работы иностранных студентов.

Материалом для исследования послужили выполненные студентами упражнения (в данной статье анализируется одно из них). На вопросы ответили 42 студента-иностранца и 38 обучающихся, для которых русский язык является родным.

Границы возраста испытуемых – от 18 до 23 лет.

Большая часть студентов-иностранцев, участвовавших в опросе, – уроженцы Туркменистана. Также в опросе участвовали представители Таджикистана и Узбекистана.

Обучающимся предлагалось ответить на следующие вопросы:

Известны ли Вам приведенные ниже названия животных и птиц? С какими качествами человека они ассоциируются у Вас? Можно сравнить человека с каким-то из этих животных и птиц, чтобы сделать ему приятное?

Медведь, орел, собака, ласточка, кот, лебедь, слон, голубь, лиса, кукушка, лев, мышь, змея, пчела, петух, черепаха, сова, муравей, курица, бабочка.

Результаты показали, что *медведь* ассоциируется у студентов-иностранцев с такими качествами, как ленивый, страшный, огромный, сильный, медленный. Однако на вопрос «Подходит ли сравнение с медведем

для комплимента?» большая часть опрошиваемых дала положительный ответ. *Орел*, по мнению обучающихся, зоркий, смелый, активный, красивый, неглупый. Интересно, что никто не привел привычное для русского человека сочетание «гордый орел», то есть при выраженной в целом положительной оценке, акцент пришелся на другие качества. Можно указать на подобную же особенность употребления слов *собака* и *лебедь*. К первому были приведены ассоциации верная, добрая, однако никто не отметил отрицательную оценку (в русской группе же семь раз указывалось выражение «злая, как собака»). Лебедя охарактеризовали как красивого, прекрасного, высокого, длинного. Однако ни в одной работе не было самого распространенного ответа русских студентов: верный. И даже в процессе устного обсуждения на вопрос «А с верностью у вас лебедь ассоциируется?» был получен ответ «Нет». С минимальным количеством качеств у студентов ассоциируется *ласточка*. В работах студентов-иностранцев это слово либо пропускалось совсем, либо указывалось прилагательное «красивая». У русских студентов эта птица ассоциируется с легкостью, изящностью, переменчивостью.

Интересное обсуждение вызвало слово *кот*. Учащиеся из Туркменистана указали как положительные (умный, хитрый, милый, добрый), так и отрицательные качества (ленивый, жадный) этого животного. Общее мнение выразил автор одной из работ, заметив: «Я думаю, можно и похвалить, и обидеть, сравнив с котом». При рассмотрении слов *слон* и *мышь*, наряду с общими для иностранцев и русских студентов ассоциациями (большой, огромный, трудолюбивый и глупая, трусливая, хитрая, вор, противная) проявились и неочевидные качества зверей: слон – слабый и трусливый («Он же боится мышей», – прокомментировали студенты-иностранцы), а мышь – храбрая и сильная. *Голубь* был охарактеризован как белый, дружный, сообщающий хорошую весть, почтовый. Подобные же варианты представлены и в текстах русских учащихся.

Однако самый «дружные» ассоциации вызвала *лиса*, которая абсолютно во всех работах была охарактеризована как хитрая. При этом стоит заметить, что мнения как иностранных, так и русских студентов относительно уместности употребления слова *лиса* в комплименте разошлись. Были озвучены мнения, что указание на хитрость, то есть нечестность, лживость, умение выкрутиться из любой ситуации не может являться комплиментом. С другой же стороны, хитрость – это и смекалка, и быстрота реакции, то есть в определенном контексте сравнение с лисой может звучать и как похвала. Слово *кукушка* вызвало максимальные затруднения у иностранцев. Почти во всех их работах оно оказалось пропущено, лишь в двух указана характеристика «пестрая», связанная, конечно же, не с определенными ассоциациями с теми или иными качествами, а исключительно с внешним видом птицы.

Как обладающий исключительно положительными качествами был описан *лев*: сильный, отважный, великолепный, страшный. Практически все опрошенные (даже девушки) заявили, что остались бы довольны, если бы в их адрес прозвучал комплимент, построенный на сравнении со львом. В работах русских студентов также были отмечены сила, власть, гордость и в целом уместность сравнения со львом для подчеркивания определенных достоинств человека. Положительные ассоциации вызывает и сравнение с *бабочкой*. И те, и другие учащиеся отметили, что оно позволяет подчеркнуть красоту, легкость, свободу.

Очень интересны следующие характеристики, предложенные иностранными студентами: *змея* – злая, ядовитая, но при этом большая, активная, веселая (последних трех ассоциаций в русских работах нет); *пчела* – наряду с привычным и частотным в русских работах вариантом трудолюбивая также были указаны активная и несравненная (На вопрос «Почему?» студентка ответила «Потому что я люблю пчел»), *сова* была охарактеризована внешне: с большими глазами, страшная; общим с работами русскоязычных студентов стало указание на ум птицы, но в двух работах встретилось достаточно странное сочетание «кночное видеонаблюдение». Можно предположить, что недостаточный словарный запас не позволил студентам более корректно выразить их ассоциации. Так, *курицу* также от нехватки лексической оснащенности иностранные студенты часто называли безумной (наряду с глупой и без мозгов). Случай своеобразной «метонимии» произошел с *петухом*: он оказался глупым, потому что «это муж курицы», хотя в 60% работ он был назван сильным и гордым. *Черепашу* многие называли безобидной, спокойной, тихой, расценив, что эти качества вполне подходят для комплимента. Для *муравья* были выделены ассоциации трудолюбивый и сильный. Учащиеся из Туркменистана (в процессе устного обсуждения) пришли к выводу, что сравнение человека с муравьем вполне может лечь в основу комплимента, однако русскоязычные студенты с ними категорически не согласились, отметив, что муравей, конечно трудолюбивый (труженик, трудоголик, тудяга и т.п.), дисциплинированный, но «уж совсем ничкемно мелкий».

Таким образом, при работе с комплиментом не случайно столько времени уделяется ассоциациям иностранцев. Сравнение – один из наиболее популярных тропов и удобных активных ходов при составлении комплимента. Тактика сравнения с животными или птицами – тот прием, который можно преподнести студентам, заводя речь о таком сложном явлении как комплемент. Однако неправильные ассоциации и недонесенное должным образом сравнение становятся оружием, направленным на подрыв межличностных отношений, могут привести к

конфронтации. Особенно это важно учитывать в процессе межкультурной коммуникации.

Литература

1. Аршинова О.С. Обучение речевому акту «комплимент» как стратегия гармонизации общения в курсе русского языка как иностранного [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-rechevomuaktu-kompliment-kak-strategiya-garmonizatsii-obscheniya-vkurse-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo>.

2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи // Автореф. ... дис. д-ра. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 35 с.

3. Кузнецов Н.И. Деловое общение. Деловой этикет. М.: Юнити-Дана, 2005. 431 с.

УДК 81'37

Евдокимова Елена Викторовна

Тужилова Ксения Валерьевна

Башкирский государственный университет
uralskaja@mail.ru; kseniya.tuzhilov@mail.ru

ЛЕКСИКА ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА В РУССКОМ ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования лексики прядения и ткачества в текстах русских народных песен, выявляются некоторые закономерности использования терминологии ткачества в песенном фольклоре.

Ключевые слова: лексика, терминология, ткачество, прядение, песенный фольклор, языковая игра.

В словарном составе русского языка особое место занимает лексика, связанная с народными промыслами, – в ней отражаются элементы материальной культуры этноса, которая сохраняет многовековой опыт народа, его представления о мире, о связи природы и быта, об укладе семейной и общинной жизни.

Изготовление пряжи и тканей – одно из древнейших и жизненно необходимых для человека ремесел, поскольку в условиях натурального или полунатурального хозяйства ткачество обслуживало одну из главных потребностей любой семьи. Известный этимолог и диалектолог Ю.П. Чумакова отмечала: «Ручное ткачество было распространено в русской деревне повсеместно... Народное ткачество не являлось

промыслом, которым занимается лишь группа специалистов или жители определенной местности. Ткачихой была каждая крестьянка. В обработке волокна и других подготовительных и смежных работах участвовала вся семья [3, с. 4]. Вплоть до середины XX века основы примитивной, кустарной техники и технологии изготовления пряжи и тканей продолжали сохраняться в домашнем деревенском текстильном производстве, а значит, продолжали функционировать и соответствующие термины, возникшие ещё в глубокой древности.

Этот пласт русской лексики включает много устаревших или устаревающих и диалектных слов, поскольку ручное ткачество сегодня относится к народным промыслам. Раньше терминология, связанная с ткацким производством, была в общем употреблении у жителей деревень. Переезжая в город, что было не редкостью в конце XIX и начале XX века, они привносили слова данной группы в городской быт и в обиход фабричного ткачества, тем более что домашние и машинные ткацкие станки имели похожее устройство.

Тема текстильного труда, представления, связанные с этим промыслом, и соответствующие наименования нашли отражение и в произведениях фольклора. Мы исследовали песенные тексты (в том числе записанные в Башкирии), которые содержат лексику прядения и ткачества. Наша выборка насчитывает более 70 лексем, значения которых были выяснены по словарю В.И. Даля (их толкования приводятся в скобках).

Наиболее частотными являются слова, называющие этапы производства, причем от самого начала процесса (сеяние и выращивание льна – самой распространенной сельскохозяйственной культуры для ткачества) и до получения результата, т.е. ниток и ткани. Это, например, глаголы *рассеять*, *полоть*, *брать (лен)*, *молотить*, *трепать*, *мять*, *толочь*, *сновасть*, *мотать*, *ткать*, *белишь (холст)*. Также большой частотностью отличается лексика, которая обозначает либо части прялки как главного орудия для получения пряжи, ниток, либо части ткацкого станка.

Производство ткани включает два процесса – получение пряжи (прядение) и получение холста (собственно ткачество). Поэтому в фольклорных текстах часто встречаются пары *пряха – ткаха*, *прясть – ткать*: «*Не пряха была, не ткаха была... Не тужи, мати, не печалься! Уж мы станем учить – переучивать. У нас будет ткаха, у нас будет пряха*». Наименований, которые используются для обозначения лиц, связанных с промыслом, немного – в нашей выборке это только *пряха*, *ткаха*, *тонкопряха*. А вот названия орудий производства (частей прялки и ткацкого станка) встречаются часто и многократно повторяются – это *кросна*, *бердышко*, *мутовило*, *коклюшки*, *подножки*, *челнок* и др. Саму

прялку тоже раньше могли называть *пряхой*, кроме того, она получает красивые наименования лирического плана – *прялица*, *кокорица*, *прялочка* (кокорица – подставка, сделанная из корневища). Обращение к ней молодой женщины или девушки часто служит зачином песни: «*Уж ты прялица, кокорица моя...*». Ласково называют и приготовленный для пряжи пучок льна – *куделица*, *куделюшка*.

Тексты песен, содержащие данную лексику, можно разделить на две группы: в первую входят тексты, посвященные процессу прядения и/или ткачества; ко второй относятся шуточные и игровые, где лексика раскрывает сюжетную линию или образно характеризует персонажей.

Песни **первой группы** последовательно воспроизводят весь процесс получения ниток и ткани. Так, песни «Лен зеленОй» и «Научи-ка мне, мать...» – это своеобразное руководство для мастериц. Сначала нужно **вспахать пашню**, на которой позже **рассеять лен**, затем **полоть лен**, **брать его** (*выдергивать из земли*), далее **молотить** (*околачивать ударами цепа верхушки стеблей конопли*), **стелить** (*лен тонким слоем раскладывать по поверхности земли для мочки его дождём и росой*), **сымать** (*убирать со стлица вылежавшийся лен*), **мять** (*очищать волокно льна от костры при помощи мялки*), **трепать** (*вытрясать изломанные в результате мытья и толченья жесткие частички стеблей из обрабатываемого волокна*), **толочь** (*измягать измятое и вытрепанное волокно*), **мыкать** (*расчесывать, расправлять волокно поскони после толченья и трепанья*), а только потом **прясть** (*производить нить, скручивая волокно*), **паятычки матать** (*навивать, накручивать готовую пряжу с веретена на катушку или с катушки в моток*), **основу снавать** (*натягивать в определенном порядке продольные нити будущей ткани – «основу»*), **основу ткать** (*производить ткань, переплетая на ткацком станке определенным способом нити утка и основы*), **холсты белить** (*лишать суровый холст или суровую пряжу естественного серого цвета*). Со временем эти песни стали игровыми и хороводными, сейчас исполнители используют песню как игру – во время пения нужно какими-то движениями лишь изобразить действия, для этого иногда выбирают одну-двух участниц, которые в кругу «играют» песню, как называют это деревенские певцы. Специальными песнями «А мы просо сеяли», «На горе мак» сопровождалась игра «Просо» и «Мак», они содержали мотив обучения девушки прядению. Во время исполнения хороводной песни «По улице шла, клубок ниток нашла» присоединение к хороводу новой девушки происходило на словах «*Клубок катится — нитка тянется*» – так воспроизводилось прядение нити, создавался повторяющийся монотонный рисунок игры, поэтому она могла продолжаться довольно долго в кругу играющих, объединенных общим движением.

То же можно сказать об обрядовых песнях, например, о веснянках, которые носят заклинительный характер. Девочки и девушки весной выходили за деревню и зазывали птиц, просили принести весну и всё, что необходимо для рукоделия: *«Жаворонки... принесите весну... С пряльцем, с донцем, с кривым веретёнцем!»*. Ритуал был связан с надеждой на дружную весну, чтобы можно было вырастить лён или коноплю, а потом получить нитки и ткани. Постепенно в таких песнях-закличках связь с ткачеством забылась.

В песнях **второй** группы лексика прядения и ткачества поддерживает сюжет, обыгрывается, характеризует персонажей. Можно показать это на примере песни села Красный Зилим Архангельского района Башкирии *«Уж я прясть была горазда»* [2]. Зачин её ироничен: *«Уж я прясть была горазда и мотать-то мастеров, уж я пряла и мотала по три ниточки в денек...»*. Он сразу настраивает на шуточный лад. А дальше высмеивается неумелая или ленивая пряха: *«Что годок – то моток, мутавила с локоток», «Я поставила красна, да им девятая весна», «На коколюшках, на подножках трава выросла»*. Это означает, что пряха за год смотала пряжи длиной всего с локоть, а катушка для плетения кружев и нижняя часть ткацкого станка поросли травой – так редко к ним прикасались. С развертыванием сюжета ирония усиливается, и в конце возникает абсурдная ситуация: у этой хозяйки, оказывается, ещё с прошлого года дрова в печи (*они переУголились*), вся еда выкипела (*все горшочки-черепушки принаселися кипеть*), и даже *«нерОжено дитя принаплакалася»*.

В плясовой *«Овечушки-косматушки»*, также бытующей в Красном Зилиме, ритм работы ткацкого станка передается рифмующимися лексемами и повторами: *«Красна ткутся, нитки рвутся; Челнок свищит, нитку ищит; А я прибивала, ничего не знала ... Прибивай, прибивай, мое бердишко*. Рифмующиеся слова передают ритм пляски. Постепенно в сюжет включаются новые персонажи: *«Нитки рвутся, солдатики вьются. Уж вейтисся, да вы не вейтисся, на меня, на молоду да не надейтисся», «Раскинулась душа Настюшка, пришёл к Насте Афанасьюшка»*. И уже исчезает мотив ткачества, речь пойдет о встрече влюбленных. Можно назвать языковой игрой рифмование глаголов *рвутся – вьются, вейтисся – не вейтисся – не надейтисся*, которая задает ритм и внутреннее развитие сюжета. Такие песенные тексты наиболее интересны, в них прослеживается роль лексики в формировании системы образных средств фольклорного произведения.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М., 2004.

2. Русская песенная традиция Архангельского района Башкортостана / Сост. Л.И. Брянцева. Уфа: Гилем, 2006. 288 с.

3. Чумакова Ю.П. Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика) // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1995. 228 с.

УДК 80

Зайцева Мария Владимировна

Башкирский государственный университет

Avenue122@ya.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ДИНАМИКИ КОНЦЕПТА ДЕНЬГИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье показана динамика ценностных приоритетов наивного носителя русского языка за последнюю четверть минувшего XX века. Компаративный анализ лексикографических данных словаря сочетаемости слов русского языка и русского ассоциативного словаря, включающих словарные статьи со словом (стимулом) *деньги*, выявил динамику концепта Деньги в русском языковом сознании за период 1980-2000 годов прошлого столетия (и тысячелетия). Автором сделан вывод о том, что в когнитивном ощущении россиян деньги стали обладать большей значимостью и ценностью, что свидетельствует об аксиологической направленности динамики ключевого концепта в национальном языковом сознании представителей русской лингвокультуры. Выявленные качественные и количественные сдвиги в структуре и содержании ключевого концепта свидетельствуют об изменении отношения к деньгам, формированию нового национального менталитета.

Ключевые слова: деньги, концепт, русское языковое сознание, ценность, словарь, сочетаемость, ассоциативный словарь.

Деньги в русском языковом сознании являются неотъемлемой частью национальной картины мира и занимают одну из основных позиций в системе ценностей носителя современной русской лингвокультуры. Ю.С. Степанов [9] относит деньги к ключевым константам русской культуры. Согласно проведенным исследованиям, деньги формируют ядро нашего национального сознания наряду с такими понятиями, как счастье, дом, любовь, семья, жизнь, друг, дети, добро, радость, человек [6, с. 7].

Деньги – это социокультурный феномен. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно ...), этот феномен формирует в данной культуре концепт [3, с. 77]. Очевидно, что, учитывая ценностное отношение к деньгам носителей русского языка и культуры, данный феномен сформировал в русской лингвокультуре один из ключевых концептов. Данные выводы соотносятся с сегодняшними реалиями и характеризуют современный национальный менталитет русского народа.

Между тем, в советский период в обществе преобладали несколько иные ценности, чем в новейшей истории России. Так, в словаре ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) [7] в списках стимульных слов, отобранных по принципу наибольшей частотности и сочетаемости с другими языковыми единицами в русском языке, слово *деньги* отсутствовало. В словаре сочетаемости слов русского языка (СССРЯ) [8, с. 135], изданном позднее¹, уже присутствует словарная статья сочетающихся с лексемой *деньги* языковых единиц.

Мы сопоставили словарные статьи словарей – СССРЯ и Русского ассоциативного словаря (РАС) [5], включающие языковые единицы сочетаемости с лексемой *деньги* и ассоциативную сферу *денег* соответственно, с тем чтобы выяснить, какие изменения в структуре и содержании концепта произошли за последнюю четверть двадцатого века и как они повлияли на ценностные ориентиры носителей русского языка нынешнего поколения россиян. СССРЯ позволяет сделать выводы о ценности денег в языковом сознании представителей русской лингвокультуры по состоянию на конец 70-х годов прошлого столетия, в то время как РАС охватывает временной период 1990-х годов минувшего тысячелетия.

Исследовательский корпус составила совокупность языковых реакций на стимульное слово *деньги* по данным РАС и языковые единицы сочетаемости с лексемой *деньги*, представленные в СССРЯ.

Сравнительно-сопоставительный анализ данных словарей показал как общие, так и отличительные черты *денег* в русском языковом сознании на начало и конец последней четверти XX столетия.

Во-первых, в сочетаемости проявилась присущая деньгам амбивалентность (выявленная нами ранее в [1]): *новые – старые; крупные – мелкие; большие – малые; свои, собственные – чужие; собственные – государственные, казенные; бумажные – металлические; серебро – золото; наличие – отсутствие; есть – нет, бывают; обращение – хранение; обесценивание, трата – накопление; потеря – получение; использовать, тратить, растратить, расходовать,*

1 В 1978 году (примеч. автора)

транжирить – откладывать, экономить, беречь, собирать; *брать* – дать; *лежат* – летят; *прибыль* – плата, благополучие – зло, *радость* – злость и др. В рамках лингвокультурного направления отечественной когнитивной лингвистики показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов [3, с. 77], что позволяет нам сделать вывод об аксиологической направленности указанных сочетаемых единиц.

Во-вторых, в когнитивном ощущении россиян деньги стали обладать большей значимостью и ценностью. По лексикографическим данным словарной статьи РАС выявлена жаргонная лексика, отображающая пренебрежительное отношение к деньгам: *труха, хлам, халтура, фантики, деревянные, блат, конопля, гроши, копейки*. В соответствии с теорией М.М. Бахтина, основные ценности той или иной культуры непременно подвергаются карнавалному снижению [3, с. 79]. По данным обоих словарей сохранилась тенденция к стилистическому снижению денег в русском языковом сознании. Она выявлена в устойчивых словосочетаниях: *деньги на бочку, на ветер, бешеные деньги* и т.д.

В-третьих, широкая номинативная сфера (около 280 языковых единиц сочетаемости со словом *деньги* в словарной статье СССРЯ и 534 языковые реакции на стимул *деньги* в РАС) также свидетельствует о значимости и ценности ключевого концепта в русском языковом сознании с тенденцией к её повышению.

В-четвёртых, по данным РАС было получено 246 различных реакций на стимульное слово *деньги* (46% от всех полученных реакций), которые составили множество индивидуальных когнитивных признаков концепта. Наличие такого количества единичных примеров объективизации ключевого концепта указывает на его широкую распространённость в русской лингвокультуре, доказывая аксиологическую значимость концепта в русском языковом сознании.

В-пятых, сам факт присутствия ключевой лексемы в словарях свидетельствует о ценностной значимости денег для представителя русской лингвокультуры (для сравнения: в САНРЯ слово *деньги* отсутствовало). В СССРЯ приведены, по словам его авторов, наиболее употребительные слова русского языка, среди которых присутствует и слово *деньги*. Основным содержанием словарной статьи СССРЯ являются ряды свободных сочетаний, в которые входит заголовочное слово (существительное, прилагательное, глагол). В РАС Ю.Н. Караулова представлены общие и повторяющиеся, одиночные и множественные языковые реакции респондентов на стимул *деньги*.

Указанные словари дают нам достаточно полное описание сочетательных свойств денег, что составляет относительную ценность

(информация о способности слова вступать в различные парадигматические отношения с другими словами, о его стилистической и статистической ценности, внутренней форме и др.) и сочетательную ценность (информация о способности слова сочетаться определенным образом с определенными словами) сущности слова как объекта описания в словаре. Абсолютную же ценность составляет информация об обозначаемом внеязыковом факте – в СССРЯ представленная в описании семантики слова *деньги*² [8, с. 4-5].

Хотя энциклопедические, толковые, финансовые и экономические словари содержат дефиниции денег как экономической и финансовой категории, они не вполне отражают обыденное сознание людей и их отношение к деньгам. Между тем, люди испытывают разные, но, как правило, сильные чувства и эмоции по отношению к данному социокультурному феномену, что характеризует денежную сферу как эмоционально напряженную, контрастную (или амбивалентную). По мнению Ю.Н. Караулова³, ассоциативный словарь дает картину сочетаемости слов в живой речи носителей языка (<...> в нем можно найти элементы наивной языковой картины мира и черты национального характера [6, с. 2]. Таким образом, обращение к РАС расширяет границы познания концепта с точки зрения выявления национальных ценностных предпочтений, приоткрывая таинственную завесу над святой святых, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего [3, с. 750].

Мы – наше и предшествующее поколение – миновали исторический рубеж веков и тысячелетий, став свидетелями смены эпохи – века и тысячелетия. Одна социально-экономическая формация сменила другую. Начало третьего тысячелетия и нового века в России охарактеризованы сменой политического курса, по стране прошла волна социально-экономических кризисов. Возникли новые реалии, связанные со сферой частного предпринимательства, бизнеса, товарно-денежных, финансовых и денежно-кредитных отношений. В сложившихся социально-экономических условиях возросла роль *денег* в обществе как всеобщего эквивалента, средства обмена, а также как источника накопления капитала.

Создаваемая человеком картина мира финансов изначально антропоцентрична: этот мир строится разумом человека, который концептуализирует финансово-экономические реалии, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира. Деньги в

2 Металлические или бумажные знаки, которые являются мерой стоимости при купле-продаже [8, с. 135].

3 Основатель ведущей научной школы «Русская языковая личность»

когнитивном ощущении большинства россиян стали обязательством, средством для существования, тяжбой, презренным металлом, а также предметом обращения, товаром, удобством, спокойствием, эквивалентом (обмена), целью (жизни), признаком хорошей жизни, ценой и ценностью [2, с. 145].

Начало новой вехи (века) в истории России ознаменовалось сменой экономической формации, что отразили язык, а затем и лексика словарей. Преобразования в общественной жизни отразились в ментальном сознании людей и проявились в языке, трансформировав словарный состав русского языка.

Выявленные качественные и количественные сдвиги в структуре и содержании ключевого концепта свидетельствуют об изменении отношения к деньгам, формированию нового национального менталитета.

Деньги занимают важное место в системе ценностей человека, живущего в XXI веке в капиталистическом обществе, в современных рыночных реалиях. Аксиологическая составляющая ключевого концепта для современного поколения носителей русского языка – представителей национальной лингвокультуры – представляется нам очевидной.

Литература

1. Григорьева Т.В., Зайцева М.В. Когнитивная интерпретация концепта «Деньги» в русском языковом сознании конца XX века // «Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода»: материалы VII Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 79-82.

2. Зайцева М.В. Методы исследования динамики концепта «деньги» в русском языковом сознании конца XX – начала XXI века // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода. Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции: в 2 т. Т. I. Методы в лингвистике. Пенза: ПГУ, 2019. С. 141-145.

3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / И.А. Стернин. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75-80.

4. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Русский ассоциативный словарь: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 750-782.

5. Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь: от стимула к реакции [Электронный ресурс] / Ю.Н. Караулов и др. // Русский ассоциативный тезаурус. Ассоциативные эксперименты и словари онлайн. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (даты обращения: 22.12.2018-30.11.2019).

6. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004.

7. Словарь ассоциативных норм русского языка. Прямой / А.А. Леонтьев. М., 1973.

8. Словарь сочетаемости слов русского языка / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина // П.Н. Денисов, В.В. Морковкин. Рус. яз., 1983.

9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.

УДК 81-11

Зиянгилова Екатерина Леонидовна
Башкирский государственный университет
katerina-leonidovna@list.ru

ТРАНСТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В МЕТАЯЗЫК ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

В данной статье говорится о лингвистических терминах, функционирующих в рамках метаязыка юрислингвистики. В некоторых случаях лингвистические понятия, попадая в новый дискурс, подвергаются вынужденному процессу транстерминологизации.

Ключевые слова: термин, юрислингвистика, транстерминологизация.

Транстерминологизация – один из ключевых, важнейших способов пополнения терминологической базы метаязыка юрислингвистики. Вот что об этом процессе пишет А.В. Суперанская, один из крупнейших специалистов в области терминоведения: «транстерминологизация – это перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным его переосмыслением и превращением в межотраслевой омоним» [2, с. 194]. Т.В. Рыженкова считает, что под «транстерминологизацией понимается перенос термина из одной терминологической системы в другую, сопровождающийся различного рода семантическими изменениями этого термина» [1, с. 22]. Действительно, транстерминологизация, являясь одним из способов формирования и пополнения терминологического инструментария какой-либо предметной области, может вызывать определенные затруднения в профессиональном общении, провоцируя коммуникативную неудачу.

Транстерминологизация – это не просто переход терминов одной отрасли знания в другую, это некоторое качественное изменение, необходимое для адаптации термина в новой отрасли знания.

Так, лингвистический термин, транстерминологизируясь в дискурс юрислингвистики, подвергается качественной переработке дефиниции, а именно: в качестве основы дефиниции привлекается понимание терминологической единицы в широком смысле, далее на этой семантической базе возникают специфические характеристики, имеющие принципиальное значение для юрислингвистического дискурса. К подобному типу лингвистических терминов, функционирующих в юрислингвистическом дискурсе, относится большинство латинизированных терминов-дублетов, например, *лексема – слово, адъективный – прилагательный, компаративный – сравнительный, адвербиальный – наречный, полисемия – многозначность* и другие. Их русскоязычные термины-дублеты характеризуются прозрачной мотивированностью и связью с естественным языком, поэтому вопрос их интерпретации не представляется проблемой, чего нельзя сказать об их латинизированных терминах-дублетах, которые, в свою очередь, не способствуют смысловой прозрачности прикладных юрислингвистических текстов.

Вынужденный перенос лингвистических понятий в сферу юриспруденции затормаживает процесс проведения лингвокриминалистических (лингвистических, юрислингвистических) экспертиз ввиду отсутствия их специального аутентичного понимания всеми участниками судебного процесса, а не только лингвистами. К подобным терминам можно отнести, к примеру, такие, как: *антитеза, арго, арготизм, антоним, гипербола, градация, вульгаризм, жаргон, зоологизм, идиома, ирония, оксюморон, пародия, олицетворение, перифраза, синоним, скатологизм, эвфемизм* и прочие, чаще всего указывающие на средства художественной выразительности и способы эмоционально-экспрессивной окраски, так как подобные языковые феномены зачастую являются показательными для юрислингвистического исследования текста. Такие понятия должны быть адаптированы к условиям юрислингвистического дискурса следующим образом: их дефиниция должна отражать, во-первых, упрощенное толкование понятия, во-вторых, функции и свойства единицы, характерные для юрислингвистического дискурса, в-третьих, информацию о возможной юридической ответственности за использование данного понятия. Существование подобных дефиниций позволит унифицировать, значительно упростить и сделать прозрачней процедуру проведения юрислингвистических экспертиз, так как для специалистов (юристов и лингвистов) не будет необходимости «расшифровывать» данные терминологические единицы в своем дискурсе при каждом употреблении.

Литература

1. Рыженкова Т.В. Специфика процесса транстерминологизации в отраслевой терминосистеме: Автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
2. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

УДК 81

Ишмуратова Лидия Наимьяновна
Башкирский государственный университет
lidiya.ishmuratova@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ ОРУДИЙНОСТИ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

В работе дается описание лексического поля орудийности, его гетерогенной структуры с учётом тематической классификации и области функционирования языковых единиц; анализ способов номинации орудийной лексики, выделение наиболее употребительных словообразовательных моделей и типов составных наименований; исследование типологии орудийных ситуаций; выявление когнитивных моделей орудийности и раскрытие их роли в развёртывании текстов.

Ключевые слова: когнитивность, антропоцентризм, концепт «действие», орудийные микро- и макроситуации.

Выбор данной темы продиктован необходимостью описания языковых категорий в функционально-когнитивном аспекте, то есть с учётом их поведения в речевой коммуникации с опорой на познавательную деятельность человека.

Функциональный подход способствует наиболее адекватному и полному описанию языка во всём его многообразии, предусматривает новую интерпретацию языковых единиц всех уровней и подсистем – лексики, словообразования, грамматики, позволяет выявить закономерности употребления языковых категорий, их участие в передаче содержания высказывания и дифференцировать словообразовательный материал на основе динамических свойств, ориентированных на употребление дериватов в речевой коммуникации.

Когнитивный подход к описанию языковых явлений основывается на положении о том, что язык есть функция человеческого интеллекта и относится к числу наиболее характерных типов когнитивной деятельности человека.

Когнитивность понимается как свойство языка представлять в отвлечённом и обобщённом виде познанные человеком явления и свойства как окружающей действительности, так и внутреннего мира человека [1, с. 23].

Когнитивность позволяет по-новому интерпретировать содержание языковых категорий, их иерархическое строение, поскольку предусматривает систематизацию всех типов знаний, имеющих опору на познавательную деятельность человека. В свете когнитивности каждая языковая категория рассматривается как отражение определённых пластов человеческого опыта, зафиксированных в языке. В связи с этим при анализе языковых категорий необходимо выявить, какую структуру знаний фиксирует каждая категория, какую роль играет в сжатии и развёртывании знаний, в различной степени их детализации и в достижении определённого прагматического эффекта [2, с. 37].

В основу данной концепции положены главные принципы языка: принцип отражения, иерархичность языковых категорий, взаимодействие лексики, словообразования, грамматики, антропоцентризм, когнитивность – всё это позволяет получить объёмное представление о всех имеющихся в русском языке средствах выражения орудийности и особенностях их функционирования в речи.

Функционально-семантическая категория орудийности тесно связана с действием и входит в объёмную функционально-семантическую сферу деятельности как её составная часть. Базу функционально-семантических сфер составляют концепты, то есть характерные для данного языка «стереотипы» сознания, обобщённые типы значения. Эти обобщённые понятия можно рассматривать как семантические компоненты, с помощью которых описывается содержательная сторона словаря.

Концепт «действие» формирует обширную функционально-семантическую сферу и состоит из ряда крупных блоков, значительное место в которых принадлежит категории орудийности [4, с. 23].

Лексика с орудийным значением образует одно из важнейших семантических полей, основной особенностью которого является то, что оно находится в постоянном развитии, пополняясь новыми лексическими единицами. Ядро поля орудийности, как его семантическую доминанту, образует лексическая единица о р у д и е, выражающая общее инвариантное значение «конкретный предмет, созданный руками человека и предназначенный для совершения тех или иных действий». На первом уровне членения лексико-семантического поля орудийности выделяются объёмные функциональные разряды, конкретизаторами которых выступают слова: инструмент, прибор, аппарат, машина, приспособление, механизм и т.д.

На следующих уровнях членения каждый функциональный разряд подразделяется на более мелкие подразряды, характеризующие орудийные отношения по сфере употребления. Так, дифференциация понятия "инструмент" осуществляется в составных наименованиях: *слесарный, столярный, горный, ударный, музыкальный инструмент; измерительные, хирургические, медицинские инструменты* и т.д. Вокруг перечисленных ключевых слов и словосочетаний объединяются наименования конкретных орудий, которые образуют многочисленные лексико-семантические группы. Так, парадигму "столярный инструмент" образуют лексемы *долото, колун, обух, рашиль, рубанок, тесло, топор, стамеска, скобель, шерхебель* и др.

Особо выделяется орудийная лексика собирательного значения, обозначающая "совокупность различных устройств, приборов, механизмов, приспособлений, применяемых в общественном производстве, отраслях того или иного рода, например: аппаратура, оборудование, техника, транспорт, каждый из которых образуют лексико-семантические группы: сельскохозяйственный транспорт, военный транспорт, санитарный транспорт.

В русском языке категория орудийности представлена богатой, разветвлённой системой, которая отличается значительным своеобразием в плане тематической классификации, способов номинации и особенностей функционирования.

Орудийная лексика по тематическому принципу подразделяется на макрогруппы – бытовые орудия жизнедеятельности (*зажигалка, мочалка, кочерга, утюг, вилка, грелка, самовар, спицы*) и орудия общественной деятельности человека (*калькулятор, опылитель, радиатор, трактор, микроскоп, огнетушитель*), выделяющиеся по сфере функционирования, способу использования и принципу работы. Названия орудий общественной деятельности связаны со специальной лексикой, обслуживающей различные области профессионального общения. Можно отметить термины, относящиеся к медицине (*пинцет, стерилизатор, скальпель, электрокардиостимулятор, шприц*), сельскому хозяйству (*культиватор, плуг, серп, комбайн, сеялка, сноповязалка*), наименования, обозначающие музыкальные инструменты (*гусли, клавесин, саксофон, арфа, балалайка, скрипка, флейта*) и т.д.

Классификация способов использования орудия позволяет выявить отчётливую тенденцию в выборе средств выражения орудийного значения: каждому способу использования орудия соответствует определённая форма выражения (режущие – *сверло, секатор, нож, пила, топор, фреза*; точильные – *брусок, напильник, точило*; измеряющие – *ватерпас, линейка, рулетка* и т.д.). Технологические наименования орудий классифицируются по принципу работы (электрические –

аккумулятор, вентилятор; механические – барометр, велотренажёр; оптические – бинокляр, микроскоп, перископ; тепловые – примус, радиатор, тепловизор и т.д.).

Функциональное описание лексики тесно связано с теорией языковой номинации, которая предполагает описание общих закономерностей образования языковых единиц, когнитивного аспекта взаимодействия мышления, языка и действительности в этих процессах, роли человеческого фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации.

Обозначения орудийных значений характеризуются значительным своеобразием. Для наименования предмета-орудия может быть использовано исконное непроизводное слово (*нож, коса, жерлица, пила*) или заимствование (*флюгер, ятаган, рапшиль*).

Частотными в макросистеме орудий являются производные слова, образованные по определённым словообразовательным моделям. Орудия тесно связаны с трудовой деятельностью человека, то есть с действием, поэтому чаще всего в словообразовательных моделях мотивирующей основой является глагол. Самыми продуктивными в наименованиях действия являются суффиксы *-тель* (*очиститель, выключатель, рыхлитель*), *-к(а)* (*вертушка, скрепка, молотилка*), *-ник* (*пробойник, будильник*) и др. В наименования орудий труда включаются не только названия действий, но и объектов, которые охватываются действием: в таких случаях образуются сложные слова (*зерносушилка, мясорубка, ножеточка, бомбодержатель, лесопогрузчик, светоловушка*). Широко представлены сложные слова с усечёнными основами (*газовоз, болотоход*), а также с заимствованными опорными компонентами (*арифмометр, кодоскоп, барограф*) и т.д.

В составных наименованиях орудийного значения прилагательное указывает на метод или способ, при помощи которого носитель действия осуществляет своё назначение (*моторная лодка, пневматическое оружие, роликовые коньки, маятниковые часы*); дифференцирует орудие по величине, грузоподъёмности и мощности (*короткоствольный автомат, тяжёлогрузное судно, мало мощный мотор*); указывает на скорость движения орудий или расстояние, протяжённость действия орудий (*быстроходный комбайн, сверхзвуковой истребитель, длинноволновый приёмник, глубоководный термометр*); характеризует орудие по форме (*остроконечная кирка, плоскодонная лодка*); указывает на количественный признак орудия (*одномачтовое судно, шестизарядный карабин*) и т.д.

Таким образом, в лексической микросистеме орудий труда ярко выражен функциональный принцип номинации, обусловленный тем, что в лексемах проявляется связь с действием.

Особенностью слов с орудийным значением является то, что в составе предложений они употребляются с глаголами действия и движения. Сочетание орудийной лексики с определёнными разрядами глаголов позволяет выявить типологию ситуаций с орудийным значением.

Общеорудийная ситуация обозначает процесс использования и применения орудий: *использовать приборы, пользоваться телефоном, воспользоваться лодкой, орудовать топором, управляться с техникой, работать на компьютере, владеть ипагой, вооружаться копьями, водить машину*. Ср.: *Два пильщика: один, стоя наверху, на козлах, другой – внизу – работают большой продольной пилой* (Солоухин).

Конкретно-орудийная ситуация отражает действия, выполняемые с помощью специально приспособленных для этого орудий: *резать хлеб ножом, копать землю лопатой, тесать бревно топором, сверлить отверстие на токарном станке, стрелять по мишени из ружья, чистить ковёр пылесосом*. Ср.: *Он помог ей тяжёлой кувалдой раздробивать большие валуны, которые иначе трудно было бы поднять в автомашину* (Солоухин).

Регулятивная (исполнительская) орудийная ситуация раскрывает последовательные взаимосвязанные фазы деятельностного акта: процесс подготовки функционирования (*приспособить механизм, установить деталь на станке, настроить прибор, испытывать двигатель, включить мотор, подготовить самолёт к полёту*), функционирование (*сигнализация действует, станок работает*), ликвидацию функционирования (*выключить телевизор, заглушить машину, остановить поезд, уничтожить аппарат, взорвать корабль*). Ср.: *Доктор, эти господа, вероятно второпях, забыли положить пулю в мой пистолет: прошу вас зарядить его снова* (Лермонтов).

Результативная орудийная ситуация является последней фазой деятельностного акта, осуществляемого субъектом действия: *изобретать машину, совершенствовать механизм, вырезать ножом фигурку, выгравировать зубилом рисунок на камне, откупорить штопором пробку, обкорнать секатором деревья, расколоть щипцами сахар, заострить топором колья*. Ср.: *Николай снял колесо, вынул камеру, зачистил её подпилком, вырезал ножом заплатку и наклеил* (Иванов).

Оценочная орудийная ситуация выражает положительную или отрицательную характеристику предмета, обусловленную признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств каким-либо ценностным критериям: *исправный мотор, негодный механизм, надёжный двигатель, испорченный прибор, испытанный аппарат*. Ср.: *Весь этот день до вечера он вырезал ножом из старой фанерки объёмные буквы. Буквы*

получались весьма корявые, тупой нож плохо резал фанеру, которая местами расслаивалась и ломалась (Быков).

Ситуация движения, в которой участвуют транспортные средства, передаёт общий способ осуществления действия и характеризует перемещение чего-либо в определённом направлении. Способы использования того или иного транспортного средства конкретны и узуальны. Любое указание на тип предмета, с помощью которого осуществляется передвижение в пространстве, сопряжено с представлением о свойствах предмета и среде, в которой движется предмет: *лететь самолётом, ехать автобусом, плыть парходом, нестись на моторной лодке, тащиться на тракторе, отплыть на яхте, приблизиться на шлюпке к причалу*.

В микроситуациях в орудийном значении могут выступать наименования, обозначающие предметы, существующие в природе (*палка, хворостина, дубина, жердь, шест, кол, прут, трость*). Ср.: *Старик, матёрый и сильный, отбился от напавших грабителей увесистой дубиной и ускакал* (Шолохов).

Очень часто во внеязыковых ситуациях в качестве неотчуждаемых орудий эксплицитно или имплицитно выступают части тела человека – *рука (ладонь, пальцы, мизинец, ногти, локти, кулак), нога, зубы, голова* и др. Ср.: *Он с силой ударил огромной бугристой ладонью своей в ладонь Ильи* (Бондарев).

Нередко в микроситуациях выступают когнитивные модели, в которых обозначения орудий не выводятся на поверхностный уровень, а выражается имплицитно в семантике глаголов действия и движения: Ср.: *Луга убрали и только что собирались косить рожь* (Толстой); *Они распилили столб на аккуратные поленья* (Иванов).

В описаниях микроситуаций реже используются когнитивные модели, в которых само действие проявляется имплицитно, то есть выражается через орудие, объект. Ср.: *Не в первый раз выходил на зверя с рогатинной да с ножом*.

В микроситуациях могут быть реализованы когнитивные модели, в которых действие выражается через особенности функционирования орудий, в первую очередь, через звуковое сопровождение или световое восприятие действия (*колокольчик звенит, гудят станки, стучат колёса, падают пулёмтные вспышки, светятся зенитные разрывы*). Ср.: *Гул невидимых самолётов накалённо дрожал над головами, и бледно в померкшем небе распустились, разбрызгивая свет и поплыли над лесами первые "фонари"; Впереди с громом рванулось двойное пламя, и в лесу ахнуло, загремело, как в пустых коридорах* (Бондарев).

Если в микроситуациях названия орудий выполняют вспомогательную роль по отношению к действию, то в тексте названия

орудий проявляют способность разворачивать различные типы оружейных ситуаций, создающих глобальную, объёмную макроситуацию.

В макроситуациях выявляются различные когнитивные модели: описываются результаты действия орудий (*грянул выстрел – и олень, как стрела понёсся вперёд*), в ситуации указываются отдельные этапы, фазы действия (*взял ружьё – зарядил – научил держать и целиться – дал выстрелить; схватила – прицелилась – спустила курок*).

В развитии макроситуации ведущую роль занимают ключевые слова, которые «притягивают к себе» многообразные когнитивные модели оружейных ситуаций (эксплицитная, имплицитная, результативная, звуковая, световая и др.).

Мать утаптывает снег вокруг берёзки. Потом, скинув рукавицы, делает первый удар, второй, третий. Берёзка тихо вздрагивает и сыплет крохотными сверкающими блёстками. Сталь топора хищно всплскивает холодным огнём и раз за разом всё глубже взгрызается в белый упругий ствол.

Ванька тоже пробует рубить, когда мать отдыхает, но после десяти-двенадцати ударов горячий туман застилает ему глаза. Гладкое топорнице рвётся из рук.

Снова рубит мать.

Берёзка охнула и повалилась набок. Срубили ещё одну – поменьше – Ваньке и, взвалив их на плечи, вышли на дорогу (В. Шукшин).

Когнитивный аспект данного текста проявляется в том, что одна и та же оружейная ситуация описывается с разных сторон. Взаимодействие ключевого глагола *р у б и т ь* и связанного с ним орудия *т о п о р* раскрывается через кванты действия (*удар, второй, третий*), конкретизацию частей орудия, материал, из которого оно изготовлено (*сталь топора, гладкое топорнице*), световое восприятие (*всплскивает холодным огнём*) и результат – первичный (*топор всё глубже взгрызается в ствол*) и конечный (*берёзка охнула и повалилась набок*).

Ср. также: *Бомбёжка* длилась минут сорок. В чёрном до зенита небе, неуклюже выстраиваясь, с тугим гулом уходили немецкие самолёты. Они шли низко над лесами на запад, в сторону мутно-красного шара солнца, которое, казалось, пульсировало в клубящейся мгле... Всё горело, рвалось, трещало на путях, и там, где ещё недавно стояла за пакгаузом старая закопчённая водокачка, теперь среди рельсов дымилась гора обугленных кирпичей; клочья горячего пепла опадали в нагретом воздухе. Полковник Гуляев, морщась от звона в ушах, осторожно потёр обожжённую шею... То, что горело сейчас на этой приднепровской станции, лопалось, взрывалось, трещало, и малиновыми молниями вылетало из вагонов, и то, что было покрыто на платформах

тлеющими чехлами... Все гибло, пропадало в огне, обугливалось, стреляло после более получасовой бомбежки (Ю. Бондарев).

В данном тексте раскрывается орудийная макроситуация, связанная с *б о м б ё ж к о й*, то есть сбрасыванием бомб. Здесь ярко выражаются такие типы орудийных ситуаций, как результат действия (*всё горело, рвалось, лопалось, гибло, пропадало в огне, обугливалось, стреляло без цели*), звуковое сопровождение действия (*трещало, звон в ушах*), световое восприятие действия (*малиновыми молниями вылетало*), протяженность во времени (*получасовая бомбёжка*).

Именно с ключевыми словами связаны фреймы, описывающие упорядоченную во времени последовательность стереотипных событий. Фреймы – это пакеты информации, которые хранятся в памяти и которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Такие структуры выполняют весьма значимую роль в функционировании языка: они помогают устанавливать связность текста и прогнозировать события на основе уже встречавшихся сходных событий [1, с. 67].

Таким образом, рассматривая семантическую категорию орудийности с позиций функционально-когнитивного аспекта, мы получаем объёмное представление обо всех имеющихся в языке средствах выражения данного значения.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // *Аспекты семантических исследований*. М.: Наука. 1980. 299 с.
2. Бондарко А.В. *Функциональная грамматика*. Л.: Наука. 1984. С. 62-65.
3. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка. // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс. 1988. Вып. 23. С. 5-11.
4. Кильдибекова Т.А. *Глаголы действия в современном русском языке*. Саратов, 1985. 160 с.
5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс. 1988. Вып. 23. С. 52-92.
6. Бондарев Ю. *Батальоны просят огня*. М., 1990. 51-52.
7. Солоухин В. *Капля крови*. Уфа, 1971. 128 с.
8. Шукшин В. *Собрание сочинений*. Т. 2. Екатеринбург, 1994. С. 54-55.

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ПАРАМЕТРАХ ДИСКУРСА

В статье рассмотрена проблема дискурсивной обусловленности фразеопотребления. Определённые характеристики речевого произведения, рассматриваемого как дискурс, выступают как некие параметры, задающие возможность фразеопотребления и его характер. Проанализирована специфика функционирования фразеологии в текстах С.А. Есенина, выявлена роль таких параметров дискурса, как характер информации, объективируемой дискурсом, и соотносимые с этим параметром форма словесного выражения, эмоционально-оценочный фон произведения, стилистический регистр знаков, составляющих текстовое полотно произведения.

Ключевые слова: дискурс, фразеология, интердискурс, фразеологическая семантика, С.А. Есенин.

Когнитивная фразеология рассматривает знак косвенно-производной номинации в его соотнесенности с продуктом речевой деятельности, поскольку когнитивная наука ориентируется «на изучение закономерных связей и отношений языковой системы со средой» [1, с. 36]. Термин «когнитивный» мы используем «для указания на те системы человеческого интеллекта и мозга, которые ориентированы на обработку информации – память, внимание, сознание, представление знаний, категоризация...» [5, с. 26]. Иными словами, фразеологическая единица в когнитивном аспекте предстаёт как особый знак косвенно-производной номинации, способный объективировать определённый объём информации, обнаруживающий этнокультурную специфику категоризации действительности и т.д. Если рассуждать о фразеологической единице и её связях с дискурсом, то, судя по исследованиям последних лет, обнаруживаются как минимум два вектора в понимании этих связей. Во-первых, дискурс воспринимается как фразеопорождающая когнитивная субстанция, «причём такое фразеопорождающее взаимодействие языка и мышления понимается как синергетически нелинейный процесс, где синергия полей есть проявленная форма самоорганизации косвенно-производного смыслообразования» [2, с. 58].

Во-вторых, дискурс изучается как среда, в которой реализуется прагматический потенциал ФЕ. Функционирование ФЕ в дискурсе –

активно изучаемая проблематика. Учёные отвечают на вопросы: «Какую роль играет ФЕ в дискурсе? Какие свойства раскрываются в процессе функционирования ФЕ в дискурсе?». Например, обращаясь к творчеству Т. Толстой, Н.В.Лукина и М.Л. Лаптева выявляют специфику фразеому потребления: «Писателю удалось обновить структуру, семантику и экспрессивно-стилистические свойства фразеологизмов, которые приобрели в художественном пространстве её произведений новое художественное качество» [6, с. 48].

В меньшей степени изучена проблема восприятия фразеологической единицы, а ведь в результате восприятия рождается новое речевое произведение – некая формация, находящаяся на пересечении авторской интенции и способности интерпретировать, а также двух картин мира – автора и читателя: «Глубина и широта ассоциаций, вызываемых дискурсом, зависит от многих факторов, что способствует формированию в каждом новом дискурсе личностных элементов вербализуемого фраземой концепта» [2, с. 59].

Следовательно, можно говорить о трёх типах дискурса в отношении к фразеологии как особому ресурсу языка – 1) фразеомобразующий или фразеопорождающий дискурс; 2) дискурс, в котором ФЕ выступает как функциональная единица, используемая автором для реализации авторской интенции, и 3) дискурс как результат декодирования авторской интенции читателем. Однако второй пункт, на наш взгляд, требует уточнения. Очень много работ посвящено специфике функционирования ФЕ в дискурсе (Ю.В. Архангельская, О.В. Ломакина, Е.Г. Озерова, М.Л. Лаптева и др.). В данной статье хотелось бы остановиться на несколько ином ракурсе этой проблемы, на влиянии параметров дискурса на фразеому потребление.

Если обратиться, например, к тексту «Поэмы о 36» С.А. Есенина, то без труда можно обнаружить, что в произведении практически нет фразеологии. Начало произведения показательное: «*Много в России// Троп. // **Что ни тропа** – // То гроб. // **Что ни верста** – То крест. // До енисейских мест // **Шесть тысяч один** // Сугроб*». Сам факт, что фразеологизмов в том или ином фрагменте произведения нет или практически нет, уже даёт пищу для размышления. В «Поэме о 36» очень специфические рамки воплощения художественного замысла. Безусловно, речь идёт прежде всего о характере стихотворной формы, которая, образно говоря, задаёт чёткий ритм, но при этом обуславливает некоторую скованность в выборе средств речевой выразительности.

Аллитерация (игра звуко сочетаний [тр]: троп, тропа; [гр]: гроб, сугроб; [кр]: крест) помогает погрузиться в атмосферу поэмы, «услышать» хруст снега под сапогами идущих. Повтор фразеологизированной конструкции *что ни* акцентирует внимание на монотонности долгого похода

путника, у которого «*вязнет в снегу нога*». Сам выбор одно- и двусложных слов, обусловленный заданными рамками стихотворной формы, не позволяет свободно использовать знаки косвенно-производной номинации, характеризующиеся образностью и эмоционально-оценочным содержанием их семантики. С другой стороны, образность и экспрессивность достигается за счёт других ресурсов. Например, за счёт фонетического рисунка, в котором превалирует аллитерация, акцентирующая внимание на звуковых ассоциациях. Действительно, рождению образов в сознании читателя могут способствовать не только яркие в эмоциональном плане, обладающие богатой внутренней формой знаки косвенно-производной номинации, но и весь комплекс единиц в целом, не имеющий таких семантических доминант.

Какие образы рождаются у читателя при прочтении первых строк «Поэмы о 36»? Мы провели небольшой эксперимент, предложив его участникам ответить на вопрос о том, какие эмоции передают строки поэмы, какие ассоциации, образы рождаются при чтении фрагмента произведения. Несмотря на отсутствие ярких эмотивных единиц, это образы эмоционально окрашенные, в ответах встречаются эпитеты «мрачно», «уныло», «серое, печальное», в целом «стихотворение грустное», «настраивает на тяжёлые события, что-то очень глубокое и трагическое». На наш взгляд, такому восприятию способствует ассоциативный эмотивный фон лексем *гроб, крест*.

Фразеологизированная синтаксическая конструкция *что ни* имеет значение ‘всегда, каждый раз, каждый’. Отрицательной оценочной семантики она не объективирует: *Весной сорок пятого года что ни вечер – дупили в небо артиллерийские салюты, брали, брали, брали города – Кенигсберг, Бреслау, Франкфурт, Берлин, Прагу* (А. Солженицын. В кругу первом. 1968) *Многие старинные сооружения принадлежали в давнюю пору его предкам или на худой конец были освящены их визитом. Что ни дворец, то прабабкино приданое, что ни церковь – место крещения прадеда* (А. Снегирёв. Вера. 2015). *Что ни город – то какие-то фонетические дуновения, искры, бенгальские огни* (М. Гиголашвили. Красный озноб Тингитаны: Записки о Марокко. 2006). Как видим, эмоционально-оценочная семантика анализируемой ФЕ может быть охарактеризована как нейтральная. Функция знака косвенно-производной номинации в данном случае в ином – подчеркнуть монотонность действия.

Наши наблюдения за «поведением» ФЕ в разных произведениях С.А. Есенина натолкнули на мысль о том, что сам дискурс задаёт определённые возможности фразеопотребления. «В нашей концепции под дискурсом понимается, прежде всего, не речь и не совокупность произведенных кем-либо текстов одной стилевой архитектоники, а сложное коммуникативно-когнитивное событие. Опорным здесь является

слово событие – не явление, факт, случай или эпизод, а некий личностный конструкт – идея или мыслительная конфигурация сценария воспринимаемого объекта. Определение «коммуникативно-когнитивное» означает, что личностный конструкт – гипотетически создаваемое построение, отображающее понимание наблюдаемых явлений с целью координации своих действий с другими» [3, с. 6]. Возникает предположение, что параметры дискурса «разрешают», допускают использование одних и не допускают использование других ФЕ. Понятно, что речь может идти о стилистическом регистре текста, то есть о разнице в особенностях фразеопотребления в текстах разных стилей, например, художественном или публицистическом – и научном или официально-деловом. Идиостиль художника слова, фразеологический состав его тезауруса, безусловно, имеют решающее значение при выборе ФЕ в дискурсе. Но если взять тексты одного стиля, одного автора, например, художественные произведения С.А. Есенина, допустим, поэтические: стихи (маленькие поэмы) и поэмы, – то какие параметры дискурса влияют на фразеопотребление? Как эти параметры задают направление лингвокреативной деятельности автора речевого произведения? В когнитивной лингвистике эти вопросы звучат актуально, поскольку помогают смоделировать фрагмент речетворческой деятельности носителя лингвокультуры. В одной из работ мы рассмотрели частное письмо как поле смысловой реализации фразеологического значения и выяснили, что «специфика этого поля обусловлена близостью эпистолярной коммуникации к ситуации прямого неподготовленного общения» [4, с. 40]. Анализируя произведения С.А. Есенина, мы заметили, что разные произведения «предоставляют» различные условия реализации фразеологии, то есть уже задают формой и содержанием использование фразеологии.

Поэма «Марфа посадница» С.А. Есенина отсылает читателя к историческим событиям: *Не чернец беседует с Господом в затворе — // Царь московский антихриста вызывает: // «Ой, Виельзевуле, горе мое, горе, // Новгород мне вольный ног не лобызает!»* Кстати, «неопознанными», по данным эксперимента, оказываются как лексемы *чернец, Виельзевуле*, так и компонент ФЕ *ног не лобызает*. Действительно, «дискурсивное событие – это когнитивная партитура, рожденная дискурсивным сознанием семантическая запись полифонического коммуникативного события, в которой проецируются речевые партии всех участников дискурсивной деятельности». [3, с. 6]. В связи с этим о содержании дискурса можно говорить с учётом результата восприятия его читателем.

В другом фрагменте поэмы используется литературная ФЕ *челом бить*, в которой компонент *челом* является устаревшим словом:

«Государь ты мой, – шомонит жена, – // Моему ль уму судить суд тебе!.. // Тебе власть дана, тебе воля дана, // Ты **целом** лишь **бьешь** одной судьбе...» (С.А. Есенин. Марфа Посадница. 1914). Авторский замысел реализуется обращением к устаревшей лексике и фразеологии, а современному читателю необходим комментарий к этим единицам, чтобы они могли проникнуть в идею произведения.

Значимыми для раскрытия идейного содержания поэмы, на наш взгляд, представляются компоненты ФЕ, включённых в следующие контексты: *И писал Господь своей верной рабе:// «Не гони метлой тучу вихристу;// Как московский царь на кровавой гульбе // **Продал душу** свою антихристу...»*; *А и минуло теперь четыреста лет.// Не пора ли нам, ребята, **взяться за ум**, // Исполнить святой Марфин завет // Заглушить удалю московский шум?; Как по больнице тропинка пролегла;// А пойдёмте стольный Киев звать! // Ой ли вы, с Кремля колокола, // А пора небось и **честь** вам **знать!*** Если учесть, что всего поэма содержит 5 ФЕ, из них 2 единицы играют роль транслятора этнокультурологической информации, а 3 единицы имеют в своем составе ключевые слова: *душа*, *ум*, *честь*, то роль этих семантических доминант в дискурсе трудно переоценить. Нельзя сказать, явилось ли это результатом специального кодирования, но мы видим, что подбор ФЕ оказался не случайным. ФЕ как знаки с высоким уровнем экспрессии имеют большую силу воздействия на читателя, а потому включение ФЕ с важными для понимания идейного содержания поэмы ключевыми словами оказывается интересным приёмом организации дискурсивного пространства.

Таким образом, параметры дискурса как очертания будущего коммуникативного события становятся теми направляющими, которые регулируют выбор ФЕ как языковых единиц особой когнитивно-семантической насыщенности. К этим параметрам относятся эмоционально-оценочное содержание дискурса, тема, идея речевого произведения и т.д. ФЕ, в свою очередь, позволяет автору максимально эффективно объективировать подлежащую вербализации информацию.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-семиологические аспекты лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1 (6). С. 36-44.
2. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная фразеология: pro et contra / Н.Ф. Алефиренко; БелГУ // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. Минск, 2010. С. 58-65.

3. Алефиренко Н.Ф. Дискурс в свете нейролингвистики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 7. С. 512.

4. Калёнова Н.А. Частное письмо как поле смысловой реализации фразеологического значения // Вестник социально-педагогического университета. 2012. № 2 (5). С. 36-40.

5. Кибрик А.А. Анализ дикурса в когнитивной перспективе: дисс. д-ра филол. наук. Москва, 2003. 90 с.

6. Лукина Н.В., Лаптева М.Л. Структурно-семантические трансформации фразеологических единиц в художественных текстах Т. Толстой // Гуманитарные исследования. 2019. № 1. С. 41-48.

УДК 811.511.152.1(045)

Каштанова Пелагея Викторовна
Нестерова Наталья Анатольевна
Мордовский государственный педагогический
институт имени М.Е. Евсевьева
pvkashtanova@mail.ru; nesterova.80@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЭРЗЯ-МОРДОВСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ К.Г. АБРАМОВА)

В статье на материале художественной прозы К.Г. Абрамова рассматривается типология бессоюзного сложного предложения в эрзя-мордовском языке.

Ключевые слова: бессоюзное сложное предложение, средства связи, синтаксические связи, открытая структура, закрытая структура.

В современном языкознании существуют несколько классификаций бессоюзных сложных предложений, все они строятся с учетом особенностей их структуры и семантики.

Наиболее признанной и полной, на наш взгляд, является классификация В.А. Белошапковой, в которой четко и последовательно учитывается и роль дополнительных средств связи (интонации, соотношения видо-временных форм глаголов-сказуемых в сочетающихся предикативных единицах, лексических показателей, наличие указательных слов, анафорических местоимений и т. п.) в реализации синтаксических значений [2]. Данная классификация построена на основе русского языка, однако, мы полагаем, что она может быть использована и при дифференциации бессоюзных сложных предложений в мордовских языках.

Придерживаясь классификации В.А. Белошапковой, проанализируем структурно-семантические особенности бессоюзных сложных предложений, извлеченных из художественных произведений К.Г. Абрамова [1].

В лингвистике в сфере бессоюзия противопоставлены предложения открытой структуры и закрытой. Для мордовской грамматической традиции характерно неразличение сложных предложений открытой и закрытой структуры. Но как показывает анализируемый материал, в эрзя-мордовском языке данные структурные типы сложных предложений тоже выделяются.

Бессоюзные сложные предложения открытой структуры – это синтаксические построения, которые способны включать в свою структуру неопределенное количество предикативных единиц (две, три и более). Например: *Пейдемадонть Петр Ивановьмем коське рунгозо сорнозевсь, сельмензэ ды поки судонзо перька сормсевкстнэ пурнавсть вейс* (К. Абрамов). – *От смеха сухое тело Петра Ивановича затряслось, задрожало, морщины вокруг его глаз и большого носа слились* (букв.: *собрались вместе*).

Отличительной особенностью данных синтаксических построений служит однотипность частей: они имеют одинаковую модальность и целенаправленность. Синтаксическое единство предусматривает сходство их семантического состава, который выражается в целом в однородности содержания и т. п.

Предложения открытой структуры имеют типовое значение соединительного перечисления однородных явлений. Это значение создается самим фактом открытости структуры и однотипностью частей, составляющих конституирующий признак сложных предложений открытой структуры.

В эрзя-мордовском языке среди соединительных предложений выделяются две разновидности: одновременности и последовательности. В синтаксических построениях одновременности предикативные единицы соединяет общность временного значения, которое выражается соотношением временных форм сказуемых. Например: *Раужо черензэ аштит лавтовонзо лангс новолезь, сельмензэ валдот, цитнить, теке антрацит* (К. Абрамов). – *Его черные волосы спущены на плечи, светлые глаза его блестят, словно антрациты*.

В предложениях со значением последовательности сообщается о нескольких следующих друг за другом событиях, в них каждая предикативная единица имеет свое временное значение. Например: *Чокшне ёнов вармалгадсь, тусь начко лов* (К. Абрамов). – *К вечеру подул ветер, пошел мокрый снег*.

Сложные предложения закрытой структуры состоят всегда из двух предикативных единиц и не допускают включения последующих. В подобных синтаксических построениях обнаруживается особый вид связи – недифференцированная синтаксическая связь. Данный вид связи представлен только в сложных предложениях и не характерен для словосочетаний, т. е. на уровне связи форм слов подобный вид связи не встречается.

Недифференцированная синтаксическая связь в сложных синтаксических построениях представлена двумя структурными типами: типизированные структуры и нетипизированные.

Первый тип представлен бессоюзными предложениями, части которых характеризуются специфической формальной организацией.

Второй тип представлен бессоюзными предложениями, структуры которых не содержат специфической формальной организации.

Следует отметить, что грамматические описания мордовских языков не выделяют бессоюзные сложные предложения типизированной и нетипизированной структуры, т. е. для мордовского языкознания не характерно различие данных структур. Но как показывает собранный языковой материал, в эрзя-мордовском языке классификацию сложных бессоюзных предложений закрытой структуры можно построить подобным способом.

Итак, среди бессоюзных сложных предложений типизированной структуры в эрзя-мордовском языке по характеру формальной организации можно выделить три вида.

1. Предложения с анафорическим элементом в одной из предикативных единиц. В этих конструкциях одна из предикативных единиц содержит слово с анафорической функцией (информативно недостаточный элемент). Подобные слова выполняют связующую роль, являются семантическими скрепами.

В данных предложениях в зависимости от того, в какой из частей содержится анафорический элемент могут выражаться восполняющие или вмещающие отношения.

Если выражаются восполняющие отношения, то анафорический элемент находится в первой части конструкции. Здесь в качестве анафорического элемента может быть использовано любое слово с информативной недостаточностью. Например: *Скалтиэнь коест истят: эсь поревксэст порить удомстоак* (К. Абрамов). – *У коров привычка такая: свою жвачку жуют и во время сна.*

Если анафорический элемент имеется во второй части конструкции, то между ее частями устанавливаются вмещающие (или распространительные) отношения. Роль анафорического элемента в подобных синтаксических построениях выполняют указательные

местоимения. Например: *Уроксо кияк кортазеви или пейдезеви – те маряви соненээ покш зыянокс* (К. Абрамов). – *На уроке кто-нибудь заговорит или засмеется – это кажется ей большой погрешностью.*

2. Предложения с незамещенной синтаксической позицией в составе одной из предикативных частей (как правило, она бывает первой). Структурные схемы данных предложений предполагают:

– наличие в одной из частей опорного слова определенной семантики, с которым соотносится вторая часть предложения;

– отсутствие при опорном слове распространяющей его формы, которая является альтернантом части сложного предложения, т. е. наличие незамещенной синтаксической позиции. Например: *Танянь седеезэ марьясь икелепелев: сынст семиясо тееви кодамо-бути полявкс* (К. Абрамов). – *Сердце Тани как бы чувствовало: в их семье произойдет какое-то изменение.*

3. Предложения с факультативной позицией заключительной частицы.

Данные конструкции реально или потенциально перед второй предикативной частью включают заключительную частицу *так* (реже *то*). Предложения этого типа имеют недифференцированное значение временной соотнесенности и обусловленности между двумя событиями.

В анализируемых произведениях структурных аналогов данного типа предложений нами не обнаружено, хотя мы допускаем, что подобные структуры бессоюзных сложных предложений в эрзя-мордовском языке существуют. Указанное недифференцированное значение временной соотнесенности и обусловленности между двумя событиями в анализируемых художественных текстах передаются бессоюзными сложными объяснительными и сопоставительными предложениями нетипизированной структуры, которые не содержат специальных формальных примет с заключительной частицей во второй предикативной части. Например: *Овсе а максомс – пижнеме карми* (К. Абрамов). – *Совсем не дать – кричать будет.*

Приступая к рассмотрению бессоюзных сложных предложений нетипизированной структуры, отметим, что в эрзя-мордовском языке данный структурный тип самый частотный. В структуре нетипизированных бессоюзных сложных предложений нет выразительных формальных примет, которые позволили бы выделить среди них подтипы на формальных основаниях. Классификационным критерием для этих бессоюзных сложных предложений служит характер смысловых отношений между предикативными частями, т. е. они различаются по значению.

Как показывает языковой материал, наиболее употребительны в эрзя-мордовском языке две семантические разновидности бессоюзных

предложений нетипизированной структуры: объяснительные и сопоставительные.

В объяснительных бессоюзных предложениях первая предикативная единица сообщает о каком-либо событии, факте, а вторая комментирует это сообщение, давая ему мотивирующее или уточняющее пояснение.

В предложениях мотивирующего пояснения вторая предикативная единица содержит обоснование того, что сказано в первой. Например: *Кудов Таня эзь пачкоде: ульцява молемстэ ялгатне вастызь сынст* (К. Абрамов). – *До дома Таня не дошла: на улице подруги встретили их.*

Второй вид объяснительных предложений представлен синтаксическими конструкциями, в которых предикативные единицы по-разному передают информацию (в первой предикативной единице содержится более общая информация). Например: *Ялатеке мезеяк эзь маря, покитясь корты састо* (К. Абрамов). – *Все равно ничего не слышал, дед говорил тихо.*

В сопоставительных бессоюзных предложениях говорится о несоответствии в содержании предикативных единиц, что выражается наличием антонимических пар, противопоставленностью частей по утвердительности-отрицательности т. п. Подобные синтаксические построения характеризуются соотносительностью семантики составляющих его частей. Например: *Менелесь кармавты туме, рунгось ды пильгетне а кунсолоть* (К. Абрамов) – *Небо заставляет уйти, тело и ноги не слушаются.*

В заключение хотелось бы отметить, что исследуемая в данной статье актуальная проблема мордовского языкознания пока еще недостаточно изучена и нуждается в дальнейшей, более обстоятельной и углубленной разработке.

Литература

1. Абрамов К.Г. Собрание сочинений: в 7 томах / К.Г. Абрамов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1997–1999.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык: учебник для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова. М.: Высшая школа, 1989. С. 763–770.

УДК 811.161

Кирчанов Максим Валерьевич
Воронежский государственный университет
maksymkirchanoff@gmail.com

РЕВИЗИОНИСТСКИЕ ДЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ИЗУЧЕНИИ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Автор анализирует ревизионистские точки зрения на историю восточнославянских языков. Историки и филологи ревизионистской ориентации полагают, что концепты “восточнославянские языки”, “древнерусский язык” и “древнерусская народность” стали политическими и идеологическими конструкциями. Отвергая точку зрения официальной историографии, ревизионисты полагают, что восточные славяне были гетерогенными сообществами, единого древнерусского языка не существовало, жители регионов Киевской Руси могли иметь западное или южное славянское происхождение и поэтому не все языки, ранее определяемые как “восточнославянские”, принадлежали к этой группе. Ревизионисты полагают, что отдельные западнославянские племена участвовали в генезисе “восточных” славян и только политические и идеологические мотивы вынуждали историков и филологов вообразить их как “восточных славян”.

Ключевые слова: восточнославянские языки, западнославянские языки, ревизионизм, древненовгородский язык, история идей.

Специфика современной лингвистики как науки состоит в одновременном сосуществовании ряда парадигм [15], используемых для изучения феномена языка в его различных аспектах – от исторического до функционального. Языковая история восточных славян на протяжении длительного времени была пространством последовательной политизации. Русские дореволюционные историки фактически предложили историческую парадигму описания восточнославянского языкового пространства, которая предусматривала существование единого русского языка, что нивелировало украинский и белорусский до статуса диалектов. Советские лингвисты внесли корректировки в эту парадигму, признав независимый статус украинского и белорусского языков, но включив их предков в состав т.н. древнерусской народности, а сами языки – в число восточнославянских языков. Эта стройная концепция начала размываться в 1980-е годы, когда некоторые советские филологи усомнились в неизбежности исторической парадигмы, предложив фактически ревизионистскую точку зрения, основанную на пересмотре самой концепции истории древнерусского языка и, как следствие, существования древнерусской народности и восточнославянских языков как ее исторических наследников.

Целью автора этой статьи является анализ попыток некоторых исследователей поставить под сомнение историческую парадигму, поэтому в статье будут проанализированы ревизионистские концепции

истории древнерусского языка и восточнославянских языков как его прямых продолжений, которые, начиная с 1980-х годов, дискутируются в академическом сообществе.

Американский историк Джэймс МакФерсон, комментируя роль ревизионизма в развитии гуманитарных наук, подчеркивает, что «ревизия является жизненной основой... науки. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным... Не существует единой, вечной и неизменной истины о событиях прошлого... Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой» [24]. Ревизионистские концепции играют особую роль в современном языкознании, представляя радикальное течение эпистемологии лингвистических исследований. Ревизионизм в филологии отличается от ревизионизма в истории тем, что ревизионистские штудии менее политизированы, будучи направленными преимущественно на пересмотр более ранних концепций, а не на смену политических или идеологических предпочтений того или иного общества.

В современной отечественной историографии и филологии доминирует «историческая парадигма», согласно которой территория Киевской Руси была населена единой древнерусской народностью; предками древнерусской народности были восточнославянские племена; потомками древнерусского языка стали русский, украинский и белорусский, которые определяются как восточнославянские языки [12]. «Историческая парадигма» в этой интеллектуальной ситуации несет в себе родовые травмы позитивизма, в недрах которого она и возникла – поэтому, сторонники традиционной эпистемологии склонны к тому, чтобы «в “универсальном” масштабе “выстроить” отдельные лингвистические системы при помощи системы таксономических категорий» [25]. Эта точка зрения, которая в научной литературе описана лучше других [19], в современной ситуации не является формально доминирующей (она преобладает фактически) в силу того, что некоторые исследователи указывают на необходимость ее ревизии и пересмотра. Томас Кун полагал, что «увеличение конкурирующих вариантов, готовность опробовать что-либо ещё, выражение явного недовольства, обращение за помощью к философии» [21] свидетельствует о готовности той или иной науки к ревизии своих теоретических оснований, хотя современная российская историческая лингвистика в отношении истории восточно-славянских языков фактически «не встраивается» в эту концепцию.

Ревизионистские точки зрения относительно «исторической парадигмы» связаны с попытками предложить альтернативный подход к изучению истории древнерусской народности и восточного славянства.

Российский историк Игорь Данилевский полагает, что «в этническом плане – сегодня это уже достаточно ясно – население Киевской Руси нельзя представить в виде единой древнерусской народности. Жители Древней Руси достаточно четко делились на несколько этнических групп – с разной внешностью, языком, материальной и духовной культурой» [2]. Историки стали первыми, кто усомнился в существовании древнерусской народности, актуализировав проблемы и возможности пересмотра истории восточнославянских языков, осознав, что население региона было гетерогенным, а прародины предков его обитателей были различны [3; 9].

Сторонники ревизионистского восприятия и деконструкции «исторической парадигмы» полагают, что идея о существовании восточно-славянских языков и древнерусской народности, как той общности, которая положила начало их истории, стала не более чем воображенной и изобретенной интеллектуальной традицией. В-третьих, сторонники критики доминирующей парадигмы настаивают, что в типологизации языков следует отказаться от географического принципа, выбрав для классификации другие критерии, которые актуализировали бы структурные и грамматические особенности языков. Сторонники пересмотра канонической парадигмы указывают на значительные особенности и отличия диалектов того языка, который традиционно определяется как «древнерусский». По мнению ряда авторов, древненовгородский диалект не только значительно отличался от других диалектов, но и генетически восходил не к правосточнославянскому, но к праславянскому этапу [7].

Сторонники ревизионистской парадигмы, вероятно, следуя за уорфианской идеей «относительности всех понятийных систем» [26] в лингвистике, полагают, что те говоры, которые легли в основу древненовгородского диалекта, исторически формировались и развивались самостоятельно от восточнославянского языкового ареала [14]. Таким образом, новгородский диалект развивался отлично от южных диалектов, что позволяет сторонникам этой точки зрения полагать, что концепт «восточнославянские языки» является изобретенной идеологической традицией, не более чем политическим и идеологическим конструктом. Поэтому критика парадигмы строится на актуализации особенностей древненовгородского диалекта как следствий его хронологической, архаичности [18] и его генетических связей с западными пралежитскими, прасерболужицами [22; 23] и балканскими праюжнославянскими [5] диалектами. Поэтому, критики парадигмы вводят термин «северо-западные славянские языки» [16] для обозначения древненовгородского, древнепсковского и кривического языков, что разрушает традиционное деление славянских языков на западные, восточные и южные.

Сторонники радикально ревизионистской эпистемологии

полагают, что древненовгородский язык принадлежал к западнославянским языкам [8]. Развивая это предположение и пересматривая «историческую парадигму», сторонники ревизионистских концепций исключают из числа восточных славян ильменских словен (как предков средневекового населения Новгорода и Пскова) и кривичей [4; 17] (как предков современных белорусов) [10]. Советский и российский балтист В.В. Топоров также связывал генезис кривичей с западными славянами [13], а А.А. Зализняк локализовал древненовгородский язык между западнославянскими (севернолехитскими) и южнославянскими (словенскими) диалектами [20].

В конце 1980-х годов А.А. Зализняк [6] несколько модифицировал доводы критиков исторической парадигмы, предположив, что диалект кривичей входил в особую северо-западную группу славянских языков вместе с польским, северно-лехитским и лужицкими языками; ильменский диалект принадлежал к другой группе славянских языков, определяемой как юго-восточная, куда также входили болгарский, сербский, хорватский и словенский. Параллели новгородской топонимии с западнославянскими языками [1; 11] позволяют локализовать новгородский диалект, в ряде случаев определяемый как самостоятельный язык, среди западных славянских языков, что содействует ослаблению классической «исторической парадигмы», деконструкции теории древнерусской народности и древнерусского языка, нивелируя роль концепта «восточнославянских языков».

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов.

«Историческая парадигма», несмотря на ее критику и попытки ревизионистской деконструкции, продолжает доминировать. Конструктивистская парадигма, воспринимающая современные языки как политические и идеологические конструкты, порожденные процессами социальной и культурной модернизации, менее заметна в лингвистике, хотя популярна среди историков и социологов. «Консервативное большинство» российских лингвистов не принимает идею, что написанная история той науки, к которой они себя относят, является не более чем изобретенной традицией, которая может и должна подвергаться ревизии. Ревизионистская точка зрения на историю восточнославянских языков в современной российской историографии и филологии является маргинальной в силу доминирования инерционной модели развития, а перспективы пересмотра парадигмы являются неопределенными, потому что после смерти А.А. Зализняка практически не осталось ее активных популяризаторов.

В целом, ревизионистские подходы к истории восточнославянских

языков и попытки деконструкции классического научного наследия в форме исторической парадигмы следует признать позитивным фактором для развития отечественного академического сообщества в силу того, что ревизия сложившихся ранее теорий и концептов гипотетически может расширить горизонты возможных интерпретаций, стимулируя междисциплинарный синтез как различных парадигм современной лингвистики, так и достижений историографии.

Литература

1. Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2005. 468 с.
2. Данилевский И.В. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). М.: Аспект пресс, 1998. 398 с.
3. Емялянчык В. Антрапалагічныя аспекты славянізацыі Беларускага Падзвіння (да пастаноўкі праблемы) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 21 – 23 кастрычніка 1997 г.). Полацк, 1998. С. 100-107.
4. Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. Мн.: Мастацкая літэратура, 1990. 366 с.
5. Журавлев А.Ф. Лексико-семантическое моделирование системы славянского языкового родства. М.: Индрик. 1994. 254 с.
6. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 года) / ред. И.Н. Толстой. М.: Наука, 1988. С. 175-176.
7. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: «Языки славянской культуры», 2004. 872 с.
8. Крысько В.Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 74-93.
9. Мядзведзеў А. Аб часе прыходу славян на тэрыторыю Беларусі (да пастаноўкі праблемы) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы). Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў (Мінск, 3 – 5 лютага 1993 г.). Мн.: Навука і тэхніка, 1994. Ч. 1. Гісторыя Беларусі. С. 20-24.
10. Николаев С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов (Кривичский племенной язык) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 23-49.
11. Рогалеў А. Крывіцкія «сляды» ў тапаніміі Беларусі // Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. 1987. № 3. С. 109-115.
12. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 416 с.; Третьяков П.Н. У истоков древнерусской

народности. М.: Наука, 1970. 160 с.

13. Топоров В. Значение белорусского ареала в этногенетических исследованиях // Славяне: адзінства і мнагастайнасць: Міжнародная канферэнцыя (Мінск, 24 – 27 мая 1990 г.): Тэзісы дакладаў і паведамленняў. Секцыя 2. Этнагенез славян. Мн.: Навука і тэхніка, 1990. С. 87-90.

14. Хабургаев Г.А. Восточнославянские языки. Древнерусский язык // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 418-438.

15. Хамутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). С. 142-151.

16. Шахматов А.А. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг.: Научное дело, 1916. 148 с.

17. Штыхаў Г.В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў ў паўночнай Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка. 1992. 191 с.

18. Шустер-Шевц Х. К вопросу о так называемых праславянских архаизмах в древненовгородском диалекте русского языка // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 3-10.

19. Юсова Н.М. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця: Консоль, 2005. 545 с.

20. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977 – 1983 гг.). М.: Наука, 1986. 310 с.

21. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 264 p.

22. Lehr-Splawiński T. Gramatyka połabska. Lwów: Nakład i własność K. S. Jakubowskiego, 1929. 289 s.

23. Mańczak W. Język czy dialekt kaszubski? Czyli o wpływie polskim na kaszubszczyznę // Słowiańskie pogranicza językowe / red. K. Handke. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1992. S. 73-83.

24. McPherson J. Revisionist Historians // Perspectives on History: Newsletter of American Historical Association. 2003. Vol. 41. No. 6. September 1. P. 1.

25. Silverstein M. Whorfianism and the Linguistic Imagination of Nationality // Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities / ed. P. Kroskrity. Santa Fe: SARP, 2000. P. 85-138.

Whorf B.L. Linguistics as an Exact Science // Language, Thought, and Reality / ed. J.B. Carroll. Cambridge: MIT Press, 1956. P. 220-232.

Кислова Елена Павловна
Новоселова Дарья Андреевна
Башкирский государственный университет
kislovabashgu@mail.ru; miumiu_25@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье описываются результаты эксперимента, проведенного с целью выявления наиболее значимых ценностей. Автор приходит к выводу, что нравственные ценности выступают сводом негласных правил, ориентиров, которым осознанно или неосознанно следует каждый индивид, чтобы оставаться частью культуры.

Ключевые слова: ценности, оценка, картина мира, культура, эксперимент.

Ценностная картина мира отражает систему идеалов социума. Основным фактором формирования ценностной картины мира является оценка. В каждой культуре складываются свои представления о том, что ценно, а также о том, каким должен быть мир действительности, представления о норме. Эти представления составляют понятие «языковая картина мира» (далее ЯКМ).

Ю.Н. Караулов понимает под ЯКМ «отраженное в языке и выраженное с помощью языка упорядоченное представление об устройстве окружающей реальности» [6, с. 161]. Также, говоря о содержательной интерпретации термина, он делает вывод, что основными составляющими элементами этого понятия являются семантические поля, «тогда как концептуальная модель складывается из единиц более высоких уровней – групп и сверхпонятий, представляющих собой «константы сознания» [5, с. 271]. Ю.Н. Караулов также утверждает, что границы между этими терминами не имеют четкого определения, поскольку с лингвистической точки зрения за противопоставлением языковой и концептуальной картин мира стоит вечная для языкознания проблема понятия и значения. Поэтому различие между двумя понятиями он видит в следующем: «языковая картина мира – это взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [5, с. 246], ведь именно в языке репрезентируется «первоначальный и глубинный взгляд на мир», а также формируется «иерархия духовных представлений», присущих тому или иному этносу [4, с. 158].

В последние годы исследователи чаще рассматривают ЯКМ совместно с национальной культурой: «обращение исследователей к

культурным ценностям и к формам их отражения в национальном языке» [7, с. 10].

По мнению Н.В. Уфимцевой, ЯКМ – «результат преломления реальности в языковых категориях и формах» [7, с. 15]. Кроме того, картина мира может быть изучена как модель, в виде языковой репрезентации ключевых понятий культуры константами или концептами, которые обозначаются единицами национального языка [7, с. 13].

Также Н.В. Уфимцева считает, что для описания языковой картины мира наибольший интерес представляют ассоциативные тезаурусы (на русском и английском языках), поскольку ассоциативно-вербальная сеть, построенная на их основе, дает четкое представление об устройстве языкового сознания/обыденного образа мира и может рассматриваться в качестве модели языковой картины мира (языкового сознания) [7, с. 13].

Таким образом, модель отражает структуру, объективно присущую носителю той или иной культуры, поскольку, как указано выше, человек видит мир с учётом системы предметных значений, «наложенных» на восприятие этого мира [7, с. 14].

Исходя из этого, ЯКМ занимает значительное место в картине мира, поскольку «знания, предлагаемые человеку на родном языке, значительно превышают объем и качественное разнообразие знаний, полученных из всех других источников вместе взятых» [3]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что «ценностная картина мира общества включает в себя определенный набор и иерархию ценностей, выраженных в оценках» [1, с. 131].

Таким образом, картина мира любого человека, а также картина мира всего сообщества тесно связана с языком – важнейшим способом формирования и существования человеческих знаний о мире. Отражая в процессе деятельности предметный мир, человек фиксирует в языке результаты познания.

При анализе и описании ценностной картины мира учитываются следующие положения:

1) ценностная картина мира в языке содержит универсальную и специфическую части;

2) ценностная картина мира в языке реконструируется в форме взаимосвязанных ценностных суждений, которые соотносятся с правовым, моральным и религиозным кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, а также с типичными фольклорными (национально специфическими) сюжетами;

3) в ценностной картине мира представлены наиболее важные для конкретной культуры ценностные доминанты, совокупность которых

формирует определенный тип культуры, который поддерживается и сохраняется в языке;

4) в рамках одной языковой культуры ценностная картина мира является неоднородным образованием, поскольку разные социальные или возрастные группы могут иметь разные ценности;

5) ценностная картина мира существует как в индивидуальном, так и в коллективном сознании [4, с. 5].

Выявление и анализ ценностных ориентиров общества даёт «ключ» к пониманию мировоззренческих позиций социума.

Оценка является одним из главных психических процессов человека, результатом которой чаще всего является оценочное слово или высказывание, устанавливающее абсолютную либо сравнительную ценность какого-либо объекта. Она выражает отношение субъекта к объекту, она может быть положительной, нейтральной или отрицательной. Объекты и явления, вызывающие общенациональную положительную оценку, признающиеся этносом как высокозначимые, становятся национальными ценностями.

Нами был проведен эксперимент с целью выявления наиболее значимых ценностей. Основным методом исследования стал метод шкалирования, предложенный Густавом Фехнером. Участникам эксперимента предлагалось оценить каждое понятие в перечне по десятибалльной шкале, в соответствии с приоритетностью, где 1 – минимальный балл, 10 – максимальный (см. табл. 1). Всего в опросе участвовало 50 человек из разных социальных групп.

Перечень ценностей условно можно разделить на моральные (честность, любовь, долг), социокультурные (жизнь, семья, свобода, предприимчивость) и материальные (деньги, успех, комфорт) ценности.

Таблица 1

Оцените представленные понятия от 1 до 10, в соответствии с приоритетностью в Вашей жизни, где 1 – минимальный балл, а 10 – максимальный.	
Жизнь	
Честность	
Семья	
Свобода	
Любовь	
Долг	
Деньги	
Успех	
Комфорт	

Наиболее высокие баллы получили: *семья, любовь, деньги*. Далее *жизнь, свобода, успех и комфорт* (приблизительно равные баллы). И ниже всего участники эксперимента оценили *долг* и *предприимчивость*.

«Семье» преимущественно отводится от 9 до 10 баллов. «Любви» – 9 баллов.

Около 10% опрошенных поставили в среднем от 1 до 2 баллов понятиям *жизнь, семья и свобода*, а также от 7 до 8 баллов понятию *предприимчивость*.

Самым «ровным» по распределению показателей можно считать понятие «*деньги*»: баллы находятся в диапазоне от 6 до 8.

По итогам эксперимента оценки распределилась следующим образом:

1. Семья; 2. Любовь; 3. Деньги; 4. Жизнь; 5. Свобода; 6. Успех; 7. Комфорт; 8. Честность; 9. Долг; 10. Предприимчивость.

Стоит подчеркнуть, что приоритеты при оценке данных понятий неразрывно связаны с уровнем образованности опрошенных, их возрастной группой и социальной средой. В частности, именно часть опрошенных, совершеннолетних работающих и не состоящих в браке, поставили самую низкую оценку понятиям «*семья*» и «*жизнь*». Некоторые школьники и студенты на второе место (после «*семьи*») поставили «*свободу*», а следом «*деньги*». Люди же старшей возрастной группы (пенсионеры) поставили «*свободе*» самый низкий балл.

Таким образом, нравственные ценности выступают сводом негласных правил, ориентиров, которым следует каждый индивид, осознанно или неосознанно, чтобы оставаться частью культуры, определяя в качестве приоритета наиболее подходящие для себя понятия.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
2. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-bektlingvisticheskogo-opisaniya>
3. Емельянова Е.В. Языковая картина мира и языковое сознание // Инновационная наука. 2015. №10-1.
4. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // В.И. Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166-205.

5. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М., 2016. 360 с.

6. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования. М., 2009.

7. Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблема моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 238-249.

УДК 81'42

Макевнина Ирина Анатольевна

Волгоградский государственный технический университет
makevnina_ira@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЧАСТОТНЫХ ЛЕКСЕМ *ЧЕРНЫЙ* И *БЕЛЫЙ* И ИХ ПРОИЗВОДНЫХ В ПОЭТИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

В статье анализируется семантическое функционирование частотных лексем *черный* и *белый* и их производных в поэтических контекстах Варлама Шаламова. Детально рассматривается использование Шаламовым лексем *черный* и *белый* в номинативном, метафорическом и символическом значениях. Выявляются потенциальные возможности цветолексем и их производных, анализируется амбивалентное звучание цветовых слов в поэтических контекстах Шаламова.

Ключевые слова: семантический цветообраз, номинативное, обобщенно-символическое значение, производные лексемы, временной контент.

В искусствоведении принято считать, что цветное слово *черный* уже в древности имело неограниченную сочетаемость, являясь одним из средств создания словесной живописности, конкретной художественной образности.

В лирике В. Шаламова *черный* предстает одним из частотных семантических цветообразов. Причем передача черного цвета представлена и опосредованно (прилагательным *темный* и существительным *тьма*).

В контексте шаламовских текстов данное цветообозначение употребляется в сочетании с существительными разных тематических групп: «бытовые постройки», «описание природных реалий», «описание насекомых», «описание веществ». Оно функционирует как в номинативном, так и в обобщенно-символическом значении, реализуя описательную и оценочно-изобразительную функцию.

В номинативном значении лексема *черный* используется, как правило, для указания:

1) Цветовых природных реалий: *К родным могилам, в сад весны, / На теплый чернозем, / Куда миражи, грезы, сны / Мы оба принесем* [2, т. 3, с. 36].

2) Окраса животных: *И, взобравшись мне на плечи, / Легендарный черный кот, / Не имея дара речи, / Умилительно поет* [2, т. 3, с. 214].

3) Цвета одежды: *Ты шагала в черной юбке / За решительной судьбой. / Я тащил твои покупки, / Улыбаясь за тобой* [2, т. 3, с. 284].

Номинативное значение цветолексемы *черный* проецирует разветвленную сеть обобщенно-эстетических ассоциаций. Это вполне объяснимо: описание колымских реалий с помощью черного цветообраза связано с идейно-тематической контекстуальной заданностью и местовременными контентом. Колымские пейзажи Шаламова смоделированные в соответствии с внутренним состоянием героя, характеризуются простотой, а подчас, и аскетизмом. *Она заманит чудесами / Грозы покажет фейерверк / И птиц над черными лесами, / Шутя, подбрасывает вверх* [2, т. 3, с. 23]. Или. *И было нужно так немного: / Ударить ветру мне в лицо, / Вернуть хотя бы с полдороги / На это черное крыльцо* [2, т. 3, с. 97].

В стихотворении «В сияющем известняке...» *черный* выступает цветовым стержнем, смысловым индикатором строфы, воспроизводящим сложные проявления человеческих чувств. Внешне окрашивая природную реалию, *черный* функционирует в качестве зеркального отражения психологического облика героя – «тревожного, хмурого»: *В сияющем известняке, / В граните черно – буром, / Гора спускается к реке, / Зажав подснежники в руке, / Навстречу людям хмурым* [2, т. 3, с. 108].

Стихотворный контекст «Где жизнь? Хоть шелестом листа» преподносит неоднократно встречаемый в поэзии Шаламова образ «леса». Данный образ подвергается экспрессивному влиянию лексем *черный*, расширяя семантический ракурс цветообраза. Дорога в *черный* лес связана с падением в черную яму, символически ассоциирующую «безрадостное будущее»; *черный* лес – грядущая пугающая безысходность.

Взаимодействие символических значений существительного и слова *черный*, в рамках авторского контекста рождает у слова *черный* новую эстетическую ассоциацию, а именно: «предстоящая дорога в пугающее будущее»:

*Где жизнь? Хоть шелестом листа
Проговорилась бы она.
Но за спиной – пустота,*

*Но за спиною – тишина.
И страшно мне шагнуть вперед,
Шагнуть, как в яму, в черный лес
Где память за руку берет
И – нет небес [2, т. 3, с. 221].*

Апокалиптическим настроением пронизано стихотворение «Не то метель ночная...», где лирический герой страдает от своего одиночества. Отрицательный экспрессивно-эмоциональный характер контекста «черного леса и черного снега» создают эмоциональную напряженность черного, в результате чего происходит сгущение сквозного образа строфы. Планомерно и чеканно задействуются автором «темные эпитеты»: «метель ночная», «черный лес», «черный снег». В результате троякого цветового синтеза «черный» ассоциирует новое символическое значение трагической фатальности судьбы:

*Не то метель ночная:
Черный лес и черный снег,
В ней судьба твоя иная,
Безрассудный человек.
В двух шагах умрешь от дома,
Опрокинутый в сугроб,
В мире, вовсе незнакомом,
Без дорожек и без троп [2, т. 3, с. 237].*

Во всех шести колымских циклах *белый* является одной из магистральных лексем. Являясь амбивалентным, белый цвет способен преломлять полярные человеческие представления о жизни и смерти. Все нюансы семантики слова *белый*, номинативные, метафорические или символические, нашли отражение во всех шести поэтических циклах колымской лирики.

В номинативном значении цветообозначение *белый* используется в описательно-изобразительных целях для указания цвета:

- 1) предметов: «белая страница»;
- 2) деталей пейзажа: «белая пыльца», «белый снег», белое небо», «белый простор», «белый дым»;
- 3) предметов одежды: «серебряная одежда», «белое платье», «белоснежный платок»;
- 5) окраски животных и птиц: «белый пудель», «белые медведи», «лебедь белая», «седые олени», «белая птица»;
- 6) веществ: «белая пыльца».

При этом в поэтике Шаламова номинативная основа слова *белый* приобретает вторичные ассоциации, усиливая или, напротив, ослабляя первоначальное значение. Так, положительное звучание преподносит стихотворение «Тихий ветер по саду ступает...»: *Ветер*

пыльные тучи взметает / Белый вишенный цвет улетает, / Поднимается выше и выше / Легкий цвет, белый цвет нашей вишни [2, т. 3, с. 393].

Черета «воздушных глаголов» сливаясь с белым «цветообразом», задает однозначно мажорное восприятие, проецирует медленный меланхоличный стихотворный ритм, вызывая положительную ассоциативную цепочку: белый вишенный цвет как ощущение гармонии, легкости, самодостаточности, полноты бытия.

Помимо традиционной семантики в поэзии Шаламова *белый* – один из поли – и амбивалентных тонов – наполняется более емким символическим значением.

Так, в стихотворении «Ты держись, моя лебедь белая...», образ «белой лебеди» коррелирует магистральную антитезу стихотворения, отчетливо вызывая символические ассоциации.

Как известно, символика лебедя практически однородна у большинства народов мира. С этим образом связываются чистота, изящество, поэтическая изысканность. «Мантуальским лебедем» называли *Виргилия*; «боберфельдским» – *Мартина Опица*, «царскосельским – Жуковского» [3, с. 272].

Между тем, образ северного лебедя – своеобразная антитеза *юга – севера, тепла – холода*. Лебедь Шаламова – птица исконно северная, белая. И в то же время, она благостный предвестник долгожданного тепла, весны, природообновления. Рожденная на севере, она желанна и на юге. Столь смелая антитеза совершенно отчетливо реализована в следующих строках: *Птица ты? Или льдина ты? / Но в любую влетая страну, / Обещаешь ей лебедину, / Разгуляющую весну* [2, т. 3, с. 11].

Очевидно, что северные коннотации в первых двух четверостишиях создают соответствующие эпитеты: «окраскою севера», «белой родиной ледяной». Причем от «белого» эпитета исходит визуальное осязаемое ощущение холодного безмолвия; белый север совершенно отчетливо представляется непреступной, неразрушимой, уходящей в бесконечность «холодной стеной».

Белый цвет задает камертон непреступного безмолвия, которое кажется абсолютным. Тем не менее, это безмолвие не мертво, но полно возможностей. В последующих четверостишиях *белый* развертывает вполне отчетливую антитезу; происходит своего рода эмоциональная трансформация цвета – он плавно обретает живительную силу, перевоплощаясь из безжизненно белого в белый жизнеутверждающий, *южный*.

Следующий поэтический контекст «Девочка-пурга», мобилизует белый как символ красоты, душевной и физической силы. Образ девочки – выюги заряжает положительной аурой весь стихотворный контекст,

вызывая положительные эстетические ассоциации. При этом нагнетание белизны достигается разветвленной сетью «белых» лексем, определенной тавтологической нагроможденностью: *белое небо – белые снега – девочка пурга – белые камни*.

«Девочка-пурга» синтезирует красоту и силу. Развивая далее ассоциативную стихотворную нить, этот образ подспудно ассоциируется с сутрамой, серебряной нитью Ариадны (часто встречаемой в поэзии Шаламова), способной вывести лирического героя на «зеленые теплые луга».

Подчас в условиях контекста, связанного с темой творческого дара, в образном содержании цветového прилагательного *белый* рождается метафорический план иного смысла: «божественный», «свободный», «пугливый», «осторожный», «полуночный», «прелестный». Поэтический мир лирического героя материализуется в «белую страницу»:

*Луна, точно снежная сойка,
Влетает в окошко ко мне
И крыльями машет над койкой,
Когтями скребет по стене.
И бьется на белых страницах,
Пугаясь людского жилья,
Моя полуночная птица,
Бездомная прелесть моя* [2, т. 3, с. 12].

Образ луны, возглавляющий ассоциативную цепочку, плавно трансформируется в образ снежной сойки, далее преломляясь в мотиве «творческой мысли», «бьющейся на белой странице».

Тема «ночного, лунного вдохновения» звучит во многих других стихах Шаламова.

Эту тему некогда затронул и К.Г. Юнг, говоря о двух взаимодополняющих реализациях человека – «о лунном» в противоположность «солнечному» пути, «связанному борьбой с самим собой, а не ориентированном на социальную борьбу с другими, развитию, с процессом личного роста. Человек с «лунным темпераментом» использует, прежде всего, интуицию, а не практический разум, и сначала создает, а потом проверяет и изучает то, что дано в интуиции. Поэтому лунному темпераменту более свойственна интроверсия (созерцание), в то время как солнечный характеризуется преимущественно экстраверсией» [3, с. 300].

Думается, что лунный стереотип мышления скорее навязан Шаламову вынужденным пребыванием на Колыме, где многолетним спутником автора являлась именно луна. Образ же солнца нивелировался до понятия луны, поскольку колымское солнце редко светило и скупое грело.

Следующее стихотворение «*Я – море, меня поднимает луна*», оформленное «в белом ключе», подтверждает вышесказанную мысль, выстраивая ассоциативную цепочку *море – луна – отравленный белый далекий простор – палач-луна—боль: Я – море, меня поднимает луна, / И волны души отзываются стоном. / Пропитанный болью до самого дна, / Я – весь на виду. Я стою на балконе.* [2, т. 3, с. 165].

Белый цвет, однозначно пропитанный негативной эстетической наполненностью, вкупе с отрицательно воспринимаемым лунным образом, конструирует необычную ассоциацию: *луна-палач, луна-убийца творческого дара*. Очевидно, что данный поэтический контекст находится в положении некой антитезы к стихотворению «Луна точно снежная сойка...», где луна воспринимается в сугубо положительном эстетическом аспекте.

Разветвленная сеть *белых* эпитетов и слов, несущих семантику белого цвета, – «светлые одежды», «яблоня в цвету» – фокусируют амбивалентность *белого* в стихотворении «Мне жить остаться – нет надежды...»: *Мне жить остаться – нет надежды. / Всю ночь беснуется пурга, / И снега светлые одежды / Трясет драконова рука* [2, т. 3, с. 174].

Беспросветный пессимизм, подкрепленный «беснующейся пургой», плавно сменяется «желанием восстать из пепла» «белой яблоней». Причем, образ цветущей яблони противоречив: она красива и несмела, запах ее тревожен и упоителен, белые яблоневоцветы сродни хлопьям снега, а яблоневоцветы сыры и заплаканы. Третье четверостишие предьявляет новую ипостась поэтического образа – образа «белой птицы», ассоциирующейся с образом поэта, прощающего обиду аду за «рожденный желанный яблоневоцвет сад».

Итак, цветовые лексемы *белый/черный* и их производные, а также слова, выражающие белый и черный цвет опосредованно, реализуют в поэтическом контексте Шаламова свои потенциальные возможности, обогащаясь новыми эстетическими смыслами.

Литература

1. Макевнина И.А. Поэзия Варлама Шаламова: эстетика и поэтика: диссертация кандидата филологических наук. Волгоград, 2006. 257 с.
2. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. Лит., 1998.
3. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 556 с.

ЗООТРОПЫ ЖЕНСКОГО РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются названия животных женского рода, которые в современном русском языке имеют переносные значения и обозначают лиц женского пола, то есть являются зоотропами. В качестве материала исследования привлекаются лексикография, Национальный корпус русского языка (основной и газетный корпусы). Зоотропы женского рода возникают при семантической деривации, мотивирующими словами выступают названия рыб, птиц, животных, змей, насекомых. Такие слова используются в функции ласкового обращения, для выражения положительной или отрицательной оценки внешних и внутренних качеств женщин.

Ключевые слова: семантика, название животного, феминитив, женский род, зоотроп.

Сравнение свойств, качеств человека и животного обуславливает появление своего рода универсалий в разных языках. В русском языке традиционно употребление названий животных для выражения оценочного отношения к человеку, выступающему в таком случае референтом. *Птичка, ласточка, котик, зайчик* – привычные для русской речи обращения к близкому человеку, семантика данных номинаций включает мелиоративные компоненты. *Осел, козел, баран, обезьяна* – эти слова используются для выражения негативного отношения к обозначаемому лицу, семантика данных зоотропов включает пейоративные компоненты. Обозначения животных входят в состав фразеологических единиц: *мокрая курица, белая ворона, серая мышь, хромая утка* и другие.

Корпус зоотропов состоит из существительных мужского, женского и общего рода, использующихся для обозначения определенных качеств, присущих мужчинам или женщинам, или имеющихся у человека безотносительно к его полу.

Зоотропы женского рода, то есть семантические дериваты, которые обозначают лиц женского пола, подобно суффиксальным и префиксальным дериватам, являются феминитивами. Они представляют собой вторичные номинации, возникшие в результате семантического расширения, как реализация когнитивной деятельности по сравнению внешних качеств, манеры поведения, особенностей взаимодействия

животного и человека.

Данная статья посвящена характеристике семантики зоотропов-феминитивов, выявлению коннотаций положительной или отрицательной оценки.

Источниками изучения названий животных в переносных антропоцентрических значениях служат прежде всего данные толковых словарей, а также Национального корпуса русского языка [2], включающие тексты современных медиа. В толковом словаре статья, заглавием которой выступает название животного, птицы, насекомого, нередко содержит не только описание прямого значения слова, но и переносного. «Новейший большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [3] включает около 200 словарных статей с переносными антропоцентрическими значениями названий животных, из которых примерно половину составляют зоотропы женского рода. Выбранный нами словарь не дает исчерпывающего списка названий животных с переносными антропоцентрическими значениями, но на сегодняшний день это наиболее полный свод лексикографических данных о состоянии корпуса зоотропов современного русского языка.

Согласно словарным дефинициям, зоотропы женского рода могут обозначать лиц только женского пола (*корова, голубка, коза*), преимущественно лиц женского пола (*пигалица, стрекоза*), в равной степени лиц мужского и женского пола (*амеба, гнида, крыса*).

В словаре *пигалица* и *стрекоза* подаются как существительные женского рода, которые употребляются преимущественно для обозначения и характеристики женщин, но также подростков безотносительно к полу: «Пигалица, ы, ж. 1. Небольшая птица сем. ржанковых с белым хвостом и белой полосой на крыльях, обитающая по берегам рек и озер пустынной зоны; чибис. 2. О невзрачном, малорослом, тщедушном человеке (преимущественно о женщине или подростке мужского или женского пола) [3]. Материалы корпуса свидетельствуют о том, что лексема в прямом и переносном значениях употребляется в 101 документе и представлена 168 словоупотреблениями 1833-2015 гг. (основной корпус), причем первым использовал слово в качестве зоотропа Н.В. Гоголь в поэме «Мертвые души» 1842 г.: ... *родственница, бывшая при его /Чичикова/ рождении, низенькая, коротенькая женщина, которых обыкновенно называют пигалицами, взяла в руки ребенка...* [2]. Лексема не потеряла своей актуальности в настоящее время, она представлена в 30 документах 2002-2013 гг. газетного корпуса; в тексте «Комсомольской правды» 2013 г. ярко эксплицировано негативно-оценочное характеризующее значение слова: *Когда она представилась, я не поверил своим глазам. Вот эта пигалица – председатель? Но стоило ей заговорить, все встало на свои места. Наталья – действительно*

сильный и умный человек [2]. Название птицы в переносном метафорическом значении обозначает женщину небольшого роста, которая не вызывает положительных ассоциаций и не может быть умной и сильной.

Аналогично отсутствуют примеры употребления слова *стрекоза* для обозначения лиц мужского пола, хотя лексикографическая дефиниция этого не исключает: *стрекоза* 'о живом, подвижном ребенке (обычно о девочке) [3].

Лексикографические данные содержат около 50 феминитивов-зоотропов. Мотивирующими словами выступают названия животных: рыб, птиц, зверей, змей, насекомых, а также наименования с самыми общими значениями, гиперонимы: *матка, самка, хищница*.

Рыбы: *вобла, рыбка, рыбонька*.

Птицы: *голубица, голубка, голубушка, горлинка, горлица, касатка, клуша, ласточка, лебедка, лебедь, наседка, пава, птаха, трясогузка, цыпа, цыпка, щebetунья*. Сюда же относим название птицы *пигалица*, поскольку у него выявлена семантика обозначения женщины, а значение 'подросток мужского пола' не эксплицировано в привлекаемом материале.

Звери: *выдра, газель, кабаньиха, киса, кляча, кобыла, кобылка, кобылица, коза, козочка, корова, львица, моржиха, ослица, ослиха, стерва, стержоза, телка, тигрица, хавронья*.

Насекомые: *стрекоза*.

Змеи, черви, пресмыкающиеся, гады: *гадючка, кобра, паразитка*.

По семантике данные лексемы можно характеризовать как имеющие мелиоративные коннотации, не имеющие коннотаций, имеющие пейоративные коннотации, то есть обозначения качеств человека, оцениваемых как положительные, с нулевой оценкой, безоценочные, оцениваемые как отрицательные для женщин.

Семантика зоотропа и характер оценки качеств женщины может соотноситься с семантикой определенных качеств животных, а может не соотноситься с наличием определенных положительных или отрицательных качеств у того или иного животного.

Номинации, которые используются в качестве обращений, опосредованно обозначают положительные качества женщины. Лексикография к вокативам традиционно относит слова *рыбка, рыбонька, голубица, голубка, голубушка, горлинка, горлица, касатка, ласточка, лебедка, птаха, цыпа, цыпка, киса*. Не все перечисленные лексемы в равной степени используются в современной речи в функции вокатива, *голубица* и *голубка, горлинка* и *горлица, касатка, лебедка* являются низкочастотными и малоупотребительными. Существительное *лебедь* женского рода относится к архаичной лексике, что подтверждается данными Национального корпуса, который не содержит примеров

употребления зоотропа *лебедь* ж.р. за пределами народно-поэтических текстов или вне компаративных конструкций типа *словно лебедь белая*.

Положительная оценка в семантике анализируемых зоотропов связана 1) с внешними качествами женщины, 2) с манерой речи, 3) манерой поведения, 4) возрастом.

1) Положительно оценивается внешность женщины, наличие стройной фигуры, легкой походки: *газель* 'стройная, грациозная девушка'.

2) Речь, воспринимаемая как приятная и милая: *щобетунья* 'кто быстро, без умолку, говорит (о девочке, женщине)'.

3) Манера поведения: *львица* 'законодательница мод, пользующаяся большим успехом у мужчин'.

4) Возраст и здоровье: *телка* 'молодая девушка, обычно крупная и здоровая'.

Отрицательная оценка касается 1) внешнего вида, 2) возраста, 3) внутренних свойств человека, черт характера, 4) манеры поведения.

1) Внешний вид: *вобла* 'худая некрасивая женщина', *выдра* 'очень худая непривлекательная девушка'.

Чрезмерно крупная и грузная, неповоротливая или неопрятная: *корова* 'толстая, неуклюжая, нерасторопная или неумная женщина', *хавронья* 'полная неопрятная женщина', *клуша* 'неуклюжая, неповоротливая женщина', *кобыла* 'рослая здоровая молодая женщина, девушка'.

Чрезмерно маленькая: *тигалица*.

2) Возраст: *кляча* 'пожилая измученная женщина'.

3) Внутренние свойства человека, черты характера: решительность, власть и жестокость: *тигрица* 'жестокая и решительная женщина', *кабаниха* 'властная, жестокая женщина (обычно полная и грузная)'.

Порицается у женщины чрезмерное проявление материнских инстинктов: *наседка* 'беспокойная мать, излишне опекающая своего ребенка'.

Чрезмерная заикленность на сексуальной сфере: *самка* 'о женщине как носительнице женских половых качеств (обычно о чрезмерно чувственной или поглощенной кругом семейных интересов женщине)'.

Глупость: *ослица, ослиха* 'тупая упрямая женщина'.

Плохой характер, плохие поступки: *стерва* 'подлая женщина', *стервова* 'подлая женщина' (смягчительно), *гадючка* 'злая, подлая женщина', *кобра* 'злобная женщина', *паразитка* коррелирует к *паразит* 'тот, кто живет чужим трудом; тунядец; дурной человек, совершивший плохой поступок'.

Агрессивность: *хищница* 'безжалостный человек'.

4) Манера поведения: *пава* ‘женщина с горделивой осанкой и плавной походкой’.

Суегливость ассоциируется с малозначимостью, низкой самооценкой и неуверенностью в себе: *трясогузка* ‘вертлявая девочка или женщина’.

Зоотроп *кукушка* в используемом словаре дается с семантикой ‘снайпер’, однако известно и другое значение, эксплицирующее негативное отношение общества к женщине, которая не заботится о своих детях, является плохой матерью: *кукушка* ‘женщина, отказавшаяся от своего ребенка’ [1].

В субстандарте обозначениями девушек, женщин являются *ворона* и другие названия птиц [1].

Нулевая оценка характеризует зоотроп *моржиха*.

Семантика слова с нулевым оценочным компонентом, согласно лексикографическим данным, присуща зоотропу *коза* ‘о резвой бойкой девочке, девушке’ [3], прагматика которого связана с выражением шутки. В действительности в настоящее время *коза* является родовым коррелятом к зоотропу мужского рода *козел*, то есть используется с прагматикой брани и выражает негативно-оценочную характеристику. То, что данная семантика – это не исключительно реалии современного языка, подтверждается следующим примером из текста Н.С. Лескова («Некуда», 1864 г.): «*Лиза рассмеялась. – Коза драния; право, что коза, – бормотала старуха, крестя барышню и уходя за двери*» [2].

Отнесение зоотропов-феминитивов жестко к той или иной группе вряд ли возможно, поскольку коннотативный компонент семантики и прагматики слова может варьироваться: одно и то же качество может оцениваться в одном случае как положительное, в другом – как негативное: так, *щебетунья* в тексте Ю. Трифонова имеет мелиоративную коннотацию: «*блестящие и ярко одетые девочки, щебетуньи, хохотушки, модницы*»; в тексте Д. Семеновой имеет пейоративную коннотацию: «*в кабинет вбежала какая-то визгливая щебетунья*» [2].

Наличие такого качества, как решительность – в определенной степени – может оцениваться как положительное, чрезмерное проявление решительности граничит с жестокостью, которая, в соответствии с особенностями русской картины мира, несовместима с образом женщины: «*Бывает, что такие мамы-тигрицы... мамы-самки... кажутся опасными даже мужу*» [2].

Некоторые зоотропы образуют коррелятивные пары, примером может служить пара *лев – львица*, однако наблюдается и наличие псевдокоррелятов, к числу которых можно отнести *кабан – кабаниха*: апеллатив женского рода мотивируется не столько названием животного, сколько известным персонажем пьесы А.Н. Островского, что означает

отнесенность деривата к модели деонимизации: *Кабаниха* (имя собственное) – *кабаниха* (имя нарицательное).

Нередко от зоотропов женского рода образуются деминутивы: *кобыла* – *кобылка*, *коза* – *козочка*; модификаты позволяют смягчить негативную оценку, нейтрализовать пейоративные коннотации, реализовать прагматику мейозиса.

Существительные женского рода образуются от названий самок животных, а также непосредственно от слов с антропоцентрическими значениями; в ряде случаев это обуславливает множественную (двойную) мотивацию; представляется, что значение ‘женщина, которая занимается плаванием в открытых водоемах зимой’ может быть мотивировано как непосредственно названием самки животного *моржиха*, так и словом *морж* в антропоцентрическом значении (животное → человек; человек → человек).

Переносные значения названий животных образуются по регулярным моделям семантической деривации: название животного → номинация человека.

Зоотропы женского рода, как показывает проведенный анализ, составляют половину всех названий животных в переносном значении, которые фиксируются толковыми словарями современного русского языка. Лексикографический и корпусный материал позволяет выявить наиболее значимые характеристики женщины, ее внешнего вида, манеры поведения, внутренних свойств, которые подвергаются положительной или отрицательной оценке.

Литература

1. Минеева З.И. Новые обозначения человека на базе названий птиц // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография / отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2019. С. 327-336.

2. Национальный корпус русского языка: электронный ресурс. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: октябрь 2019)

3. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов; Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Норинт, М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.

УДК 811.161.1'271

**Мухаметшина Маргарита Ильдаровна
Фомина Юлия Сергеевна**

Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
rituz15@yandex.ru; ufom@mail.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ»

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «языковая способность». Биологические и социальные факторы лежат в основе формирования и совершенствования языковой способности как базы для усвоения языка, механизма, позволяющего осуществлять речемыслительную деятельность в плане восприятия и производства речевых произведений в условиях естественной коммуникации.

Ключевые слова: психолингвистика, языковая способность, речемыслительная деятельность, усвоение языка.

Ситуация поликультурного общения, в рамках которой осуществляется взаимодействие на разных языках говорящими, принадлежащими к многочисленным социокультурным группам населения, в том числе являющимися гражданами других стран, определяет проблему осмысления термина «языковая способность» в современной науке. Многих исследователей (психологов, лингвистов, педагогов) интересует вопрос обусловленности овладения языком, активного его использования в практике ежедневного общения способностью говорящего воспринимать систему языка, осваивать языковые единицы и правила их соединения и уметь применять эти знания в ходе непосредственной коммуникации.

Уже в работах В. фон Гумбольдта обозначено соотношение особенностей усвоения языка и языковой способности, при этом доказывается врожденность механизмов языкового сознания и постепенное его развитие в процессе овладения речемыслительной деятельностью: «Усвоение языка детьми – это не ознакомление со словами, не простая закладка их в памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности с годами и упражнениями... Успехи здесь растут, поэтому не как при заучивании вокабул..., но с постоянно увеличивающейся скоростью, потому что рост способности и накопление материала подкрепляют друг друга и взаимно раздвигают свои границы. Что у детей происходит не механическое выучивание языка, а развертывание языковой способности, доказывается еще и тем, что коль скоро для развития главнейших способностей человека отведен определенный период жизни, то все дети при разных обстоятельствах начинают говорить и понимать внутри примерно одинаковых возрастных пределов с очень небольшими колебаниями» [3, с. 78]. Согласно В. фон Гумбольдту, языковой способности присущи динамичность, процессуальность, функциональный принцип организации; важными факторами выступают взаимовлияние языковой способности и навыков

речевой деятельности в процессе их развития, а также дальнейшее формирование и усложнение процессов деятельности языковой способности при становлении и формировании языковой личности. Л.В. Щерба отмечает, что языковая способность, исходящая из совокупности знаний, особенностей конкретной языковой системы, потенциала использования языкового материала и характера речевой деятельности, может развиваться, видоизменяться в процессе формирования языковой компетенции носителя языка: «...при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые» [15, с. 24].

На данный момент в науке широко освещены две точки зрения относительно процесса формирования языковой способности. Первой является биологическая теория, преимущественно распространенная в американской психолингвистике, согласно которой языковая способность – это врожденное свойство человека, проистекающее исключительно из биологических факторов и развивающееся вместе с его взрослением. Сторонником биологической природы языкового сознания является Н. Хомский, он считает, что многие факторы ДНК, умения и навыки и, следовательно, языковая способность заложены в человеке с рождения и уже в процессе жизни формируются и преобразовываются: у новорожденного ребенка «все уже есть», нужно лишь отрегулировать настройки под окружающую среду – включить параметры данного языка [11]. С. Пинкер и Р. Джекендофф также утверждают идею принадлежности языковой способности биологическому фонду человека, но рассматривают в ином ключе способы ее образования. Исследователи стоят на позициях медленного развития предшествующих языку систем (ср. дарвиновскую адаптацию), тогда как Н. Хомский склонен придерживаться скорее революционного сценария, т. е. появления языка в результате некоего «особого события» – мутационного скачка (см.: [9]).

Вторая точка зрения – социальная – соотносит формирование языковой способности с процессом развития деятельности общения. Социальный подход отразился в работах отечественных психологов и психолингвистов. Так, Л.С. Выготский отмечает, что принципы осуществления присвоенной личностью концепции родного языка способны совершенствоваться только в ходе общения посредством данного языка, в то же время только в общении индивида с представителями других языковых групп совершенствуется концепция, позволяющая реализовать такое взаимодействие [2]. Языковая способность как «совокупность

физиологических и психологических условий, обеспечивающих производство, воспроизводство и адекватное восприятие языковых знаков членами языкового коллектива», определена А.А. Леонтьевым [7]. Такие условия закрепляют в сознании индивидуума языковые единицы, которые он может задействовать при создании устных и письменных текстов конкретного содержания с учетом обстоятельств их будущего воплощения, и, по сути, они лежат в основе коммуникативной компетенции носителя языка. Если одному человеку его социокультурный тип позволяет в тех или иных коммуникативных ситуациях использовать отдельные элементы системы языка, то другому подобный выбор может показаться недопустимым или непонятным. Механизм языковой способности обнаруживается на уровне подсознания индивида, он не всегда осознается говорящим, хотя во многом диктует нормы общения.

По мнению А.М. Шахнарвича, при описании характера языковой способности следует учитывать ее биологическое начало – «все то, что дано человеку филогенетически, т. е. наследуемую сумму основ и границ тех деятельностей, в результате которых происходит овладение объективной действительностью и ее отражением», наряду с социальным фактором существования – тем, «что усваивается человеком в ходе онтогенетического развития, т.е. структурами тех деятельностей, которые могут быть совершены в определенных (внешних и внутренних) условиях и в определенных формах для удовлетворения собственно человеческих потребностей» [12]. В целом А.М. Шахнарвич предлагает рассматривать языковую способность в виде многокомпонентной функциональной системы, являющейся «следствием отражения (и генерализации) элементов системы родного языка. Это своего рода конструктор, функционирующий по определенным правилам» [13]. Такая система имеет иерархическое строение и подразумевает наличие фонетического, лексического, грамматического и семантического компонентов, включающих, в свою очередь, связанные и взаимообусловленные установленными правилами элементы. Следовательно, языковая способность – это своего рода средство хранения языка в сознании и одновременно метод реализации отраженных сознанием элементов системы языка. А.М. Шахнарвич считает языковую способность сугубо человеческой, приобретенной в ходе эволюции и служащей фундаментальным отличием человека от высших животных [14]. Подобное толкование можно найти в работах других исследователей, которые отводят особую роль функциональной значимости языковой способности: К.Ф. Седов называет языковую способность «высшей психической функцией человека» и «базой для усвоения языка» [10]; К. Ажеж отмечает, что языковая способность является определяющей для человеческого вида и что «исследовать язык – значит рассматривать, как

человек использует эту способность» [1, с. 270]; Ю.Н. Караулов видит в языковой способности человека возможность «производить и понимать тексты, ранее ему не известные, им не производившиеся и не слышанные» [5].

Языковая способность отражает потенциальную возможность каждого носителя языка понимать и производить речь, возможность осуществлять речевую деятельность, т. е. выступает универсальным механизмом преобразования ментального содержания в речь и необходимым аспектом процесса коммуникации. В этом плане А.А. Залевская проводит трехкомпонентную параллель: речевой механизм человека – язык как способность (психическая составляющая) – речевая организация индивида (структура психической составляющей) [4], а Е.В. Лукашевич полагает, что языковая способность заключается в вербализации и включается в три способа репрезентации языка: язык – текст, язык – система и язык – способность [8].

Таким образом, современный этап исследования языковой способности связан с изучением ее в качестве компонента речемыслительной деятельности индивида, носителя конкретного языка, в частности с позиции того, «что умеет делать человек с имеющимися в его распоряжении данными о языке, в ходе каких процессов человек приобретает эти знания и как он их использует» [6].

Литература

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. 349 с.
5. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности: Докл. на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М.: Институт русского языка РАН, 1991. 65 с.
6. Кубрякова Е.С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент языковой способности человека // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 327-342.
7. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 18-36.

8. Лукашевич Е.В. Языковая способность студента в аспекте когнитивной и коммуникативной деятельности // Русский язык и культура речи как дисциплина государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы. Барнаул: Издательство Алт. гос. университета, 2003. С. 105-117.

9. Лушихина И.М. Речь, язык, языковое сознание // Психология / Под ред. А.А. Крылова. М.: ВЛАДОС, 2001. С. 134-137.

10. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 180 с.

11. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972. 126 с.

12. Шахнарович А.М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991. С. 185-202.

13. Шахнарович А.М. Общая психолингвистика: учеб. пособие. М.: Изд-во РОУ, 1995. 96 с.

14. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Институт русского языка РАН, 1995. С. 213-223.

15. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

УДК 378

Патроева Наталья Викторовна

Петрозаводский государственный университет
nvpatr@list.ru

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ КОНТРАСТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

Контрастивная лингвистика – одно из перспективных научных направлений современного языкознания. Сопоставительное изучение родственных и генеалогически далеких языков с применением сравнительного и типологического методов имеет не только несомненную практическую, но и теоретическую значимость, позволяя уточнить многие аспекты дискуссионной проблемы лингвистических универсалий и выявить степень сходства и расхождения сопоставляемых языков. Курс контрастивной грамматики может в ближайшем будущем стать неотъемлемым компонентом магистерских программ, дополняющим курс сравнительного языкознания в учебных планах классических университетов.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, типологический метод, контрастивная лингвистика, сравнительно-историческое языкознание, методика преподавания русского и иностранных языков.

На протяжении второй половины XX и начала XXI столетия за рубежом и в России появилось немало трудов, посвященных проблемам контрастивной лингвистики. В результате сформировалось особое направление исследований и «возникла новая отрасль языкознания» [1, с. 4]. До сих пор, тем не менее, продолжаются споры по поводу предмета, задач, методологии и места контрастивной лингвистики среди других языковедческих наук и дисциплин.

Поначалу цели контрастивной лингвистики западноевропейские и американские ученые связывали прежде всего с оптимизацией преподавания иностранного языка и практикой перевода: действительно, усвоению чужого языка помогает сопоставление его системы с фонетическими особенностями, грамматическим строем, лексическим составом родного языка.

Однако контрастивная лингвистика имеет не только несомненную практическую, но и очевидную теоретическую значимость: контрастивные исследования помогают глубже проникнуть в сущность лингвистических явлений и тенденций языкового развития. В отечественной традиции еще Лев Владимирович Щерба придавал большое значение сопоставительному изучению языков не только для усвоения иностранного языка, но и для более глубокого проникновения в суть синхронных и диахронических процессов, совершающихся и ранее происходивших в структуре родного языка (см. ставшую методической классикой работу: [2]).

Сама идея сопоставительного изучения языков, конечно же, не нова и осуществлялась еще в рамках сравнительно-исторического языкознания XIX века, когда сходство языков объяснялось общностью их происхождения. Но в контрастивном аспекте эти многолетние наблюдения над сходствами и различиями языков были систематизированы относительно недавно. Процесс этот начался на Западе, когда с 1970-х годов контрастивная тематика начала включаться в программы международных конгрессов и конференций, проводилась активная проектная деятельность в этом направлении. В СССР и России сопоставительное изучение языков было начато в 1920-30-е гг. в работах Л.В. Щербы (книга «Фонетика французского языка» и статьи, посвященные сопоставлению русского и французского языков) и М.Н. Петерсона (имеется в виду написанная совместно с К.А. Ганшиной работа «Французский язык»), однако термин «контрастивная грамматика» закрепился и вошел в российский лингвистический обиход, очевидно,

благодаря выходу в свет монографии сотрудника Института языкознания АН СССР В.Н. Ярцевой с одноименным названием в 1981 г. в издательстве «Наука».

Поскольку сравнение (сопоставление) является одним из основных методов изучения языка, контрастивная лингвистика вступает в сложные соотношения с целым рядом других отраслей языковедения в аспекте предмета и целей исследования. Владимир Григорьевич Гак, широко известный своими трудами в области романистики, представляет различия между сравнительно-историческим, сравнительно-типологическим и сравнительно-сопоставительным языкознанием следующим образом (см. [3, с. 5]):

Таблица 1. Предметная область сопоставительной лингвистики

Цель исследования	Объект исследования	
	только родственные языки	любые языки, независимо от родства
установление генетической общности языков и языковых явлений	сравнительно-историческая лингвистика	ареальная лингвистика
установление типологических особенностей и схождений языков	сопоставительно-типологическая лингвистика	
	сравнительно-сопоставительная лингвистика	

Сравнительное (в терминологии, например, Ф.Ф. Фортунатова) или сравнительно-историческое языкознание ставит задачей определение степени родства и установление генетической общности родственных языков с целью выявления праязыка-основы, из которого исследуемые языки постепенно развились, и законов, управлявших этим процессом. Родство языков может быть очень близким (как у русского и иных славянских языков) или более отдаленным (например, между языками индоевропейской семьи, принадлежащими к разным ее группам). В качестве классических исследований в рамках сравнительно-исторического метода выступают труды А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, А.А. Потебни, В.А. Богородицкого «Введение в сравнительное изучение современных романских и германских языков». Из работ относительно недавнего времени можно вспомнить, например, книгу А.Н. Савченко «Сравнительная грамматика индоевропейских языков».

Ареальная лингвистика сравнивает языки независимо от генетической их общности для выявления в их системах общих черт, элементов, образовавшихся в результате языковых контактов, взаимовлияния, воздействия третьего языка, поэтому главным объектом исследования здесь оказываются заимствования, языковые контакты и языковые союзы (в терминах Н.С. Трубецкого), билингвизм. К ареальной лингвистике могут быть отнесены диалектология и лингвистическая география.

Сопоставительно-типологическое языкознание изучает языки мира независимо от их родства с целью выяснения процессов сближения или расхождения их систем. Типологическое сходство или различие, обнаруживаемое при этом, бывает никак не связано с генетической общностью языков: так, болгарский язык, проявляет гораздо более явные аналитические тенденции, чем все другие языки славянской подгруппы языков; напротив, одну и ту же тенденцию к агглютинации проявляют отдельные языки и индоевропейской, и урало-алтайской семьи, например. Типологический подход также предполагает выявление общих для всех естественных языков черт, то есть так называемых лингвистических универсалий, наряду со специфическими особенностями, изучаются и языковые типы: изолирующий, агглютинативный, флективный.

Если ставится задача обнаружения как генетического родства, так и типологической общности структуры, то мы выходим в область исследовательского интереса сравнительно-сопоставительной лингвистики.

В предложенной В.Г. Гаком таблице мы не находим термина «контрастивная лингвистика», который является заимствованием из французского (*linguistique contrastive*) и чаще переводится на русский как «сопоставительная лингвистика», задачей которой является сравнение двух языков независимо от принадлежности к одному языковому типу или языковой семье / союзу, независимо от наличия общего языка-праосновы с целью определения сходного и различного в их системах.

Если речь идет о сопоставлении грамматического строя двух языков, то это сфера сопоставительной, или контрастивной, грамматики. К кругу задач контрастивной грамматики можно отнести:

1) изучение конкретных грамматических особенностей обоих сопоставляемых языков;

2) на этой основе – выявление сходства и отличия в использовании грамматических средств выражения тех или иных грамматических значений, в составе морфологических и синтаксических категорий, широте и разнообразии морфологических парадигм, типологии синтаксических связей, видов предложений;

3) выявление языковых универсалий, свойственных обоим языкам.

Так, сопоставление русского и немецкого языков дает богатый материал для контрастного изучения: хотя оба языка имеют генетическое сходство, поддержанное существованием в отдаленном прошлом балто-германо-славянской языковой общности и праиндоевропейского языка-основы, принадлежат к флективному типу и являются по преимуществу синтетическими, нельзя не заметить явных отличий в падежной системе именного склонения (количество падежей: 6 в русском и 4 в немецком), количестве времен (в русском языке в результате постепенного развития категории глагольного вида прежняя многочленная временная парадигма сменилась всего тремя временами, а в немецком так и осталась очень разветвленной благодаря наличию простых и сложных прошедших времен); совпадение некоторых морфологических систем (например, в части трех наклонений или трех степеней сравнения) при контрастивном анализе выявляет существенные отличия в формах их выражения в обоих языках; на синтаксическом уровне мы находим, напротив, много общего в способах выражения синтаксических связей и отношений (согласование, управление, примыкание), вопроса, побуждения, в типологии сложных предложений, однако на уровне простого предложения наблюдаем контраст, связанный с отсутствием категории односоставности или деепричастного оборота. Эти сходства и отличия можно было бы приумножить в результате углубленного сопоставительного исследования.

Курс контрастивной грамматики – новая дисциплина в учебном плане магистерской программы «Актуальные проблемы русской филологии», реализуемой в ПетрГУ с 2018 г. (см. таблицу 2).

Таблица 2. Разделы курса «Контрастивная грамматика» из рабочей программы дисциплины

№ п/п (тематический модуль)	Раздел дисциплины		Оценочное средство				
	Трудоемкость по видам учебных занятий (в академических часах)	Самостоятельная работа обучающихся	Лекции	Практические занятия	Лабораторные занятия		
Семестр № 3							
1	Контрастивная (сопоставительная) лингвистика и языковая типология: общие вопросы	20	2	2	16	конспект, дискуссия,	
комплекты задач							
2	Типология фонологических систем языков	16	доклад, комплекты задач		18	1	1
3	Типология лексических систем языков	16	доклад, комплекты задач		18	1	1

4	Типология морфологических систем языков	24	4	4
16	доклад, комплекты задач, тест			
5	Типология синтаксических систем языков	28	2	2
24	комплекты задач, проект			
	Вид промежуточной аттестации в семестре: экзамен			
Итого:	108	10	10	88

В силу того, что осваивающие данную программу студенты, наряду с родным (русским) языком, владеют английским, основное внимание в рабочей программе дисциплины сосредоточено на сопоставлении грамматических категорий, форм их выражения и значений в русском и английском языках. Одним из результатов освоения курса контрастивной грамматики является студенческий проект на тему «Контрастивная грамматика русского и английского языков». Подобное сопоставление позволяет выявить немало контрастных черт в грамматической структуре языков, относящихся к разным языковым типам – флективному, синтетическому по преимуществу и аналитическому. Сопоставление русского языка, с его разветвленной именной парадигмой, с английским, имеющим лишь две падежные формы существительного и неизменяемое прилагательное, должно, разумеется, предусматривать вовлечение синтаксического уровня для уточнения средств выражения одних и тех же грамматических значений. План реализации проекта контрастивного исследования (сентябрь – декабрь, третий семестр согласно учебному плану магистратуры) предполагает проведение сравнительного анализа двух частных грамматических систем на синхронном уровне как в области сопоставительной (контрастивной) морфологии, так и на уровне сопоставительного (контрастивного) синтаксиса. Проводя проектную работу, обучающиеся используют имеющийся в научной и учебной литературе задел, предварительно знакомясь с библиографией к рабочей программе дисциплины.

Приступая к контрастивному описанию языков, студент должен отчетливо осознавать, каковы общие типологические свойства сравниваемых языков, прежде чем перечислять отличия и «раритеты» каждого; связаны ли эти языки общим происхождением, языковыми контактами в ходе эволюционного их развития. Поэтому курс контрастивной грамматики тесно связан и с исторической грамматикой рассматриваемых языков, и с курсом сравнительно-исторического языкознания, и с общей лингвистикой, помимо курсов русской морфологии, синтаксиса, а также курса иностранного языка.

Контрастивное исследование грамматического строя должно содержать систематическое сравнение форм и значений элементов (единиц и категорий) структуры сопоставляемых языков и основываться на предположении о существовании некоего базового сходства между

данными языками, несмотря на наличие дифференцирующих морфологический и синтаксический уровни языковых систем свойств, поскольку сравниваемые объекты должны иметь хотя бы что-то общее как основание сопоставления. Для русского и английского языков этим общим типологическим свойством может стать, например, номинативный характер языка, в свое время описанный И.И. Мещаниновым.

Подводя итог, заключаем, что исследования в области контрастивной грамматики обладают не только теоретической, но и практической значимостью, являясь одним из актуальных направлений в области современного языкознания, и имеют широкие перспективы для развития исследований в сферах как научно-проективной, так и методической.

Литература

1. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981.
2. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.; Л., 1947.
3. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: учебник. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

УДК 81.25

Сидоренко Алексей Владимирович
Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного университета
alexeysidorenkoff@gmail.com

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА

В статье рассматривается лексика и фразеология детской речи советского периода, называющая лиц по признаку пола и гендерным ролям, а также мужские и женские речевые жанры.

Ключевые слова: пол, гендер, детская речь, жаргон, речевой жанр.

Известно, что «мир детства» вообще как «автономная, социокультурная реальность, своеобразная субкультура» обладает «своим собственным языком, структурой, функциями, традициями» [10, с. 367]. Лексика детской речи в любой исторический период отражает реалии (в т.ч. уникальные), характерные для детской среды определенного социума. Такие слова и выражения являются общеупотребительными единицами детской речи, поскольку отражают важнейшие для определенной среды понятия [11-14]. В рамках данной работы будет рассмотрена лексика и фразеология детской речи советского периода, называющая лиц по признаку пола и гендерным ролям. Материалом для исследования

являются культурно-антропологический словарь С.Б. Борисова «Русское детство», толковые словари русского языка, «Национальный корпус русского языка» (далее – «НКРЯ»), материалы социальных сетей, собственные наблюдения и данные. По преимуществу речь идет о явлениях, характерных для детской речи 1980-х – начала 1990-х гг.

В речи мальчиков выделяется базовая оппозиция *пацаны – бабы*. Лексема *бабы* (в основном во мн.ч.), как правило, употребляется мальчиками, начиная как минимум с первого класса средней школы, для наименования девочек-сверстниц. Словоупотребление *баба* (в ед.ч.) по отношению к девочке нехарактерно. Такой выбор второго члена оппозиции (*бабы*, а не *девочки* или *девчонки*) характерен для речи лиц мужского пола, начиная с дошкольного возраста (конечно, в коммуникации «между своими», т.е. такое именование характерно для детско-подросткового жаргона). В таком выборе лексемы проявляется и характерное для детей желание казаться старше (через подражание речевой манере взрослых), и некоторое пренебрежение к девочкам. (Этот пренебрежительный оттенок лексемы *баба* фиксируется словарями. См. БАС: «О женщине вообще. С оттенком пренебрежения» [17, т. 2, с. 232]; в БТС'е она охарактеризована как «разговорно-сниженная» [3, с. 53]).

В просторечии существует антонимическая пара *баба – мужик* [7, с. 112]. Однако дети мужского пола, называя девочек *бабами*, все же воздерживаются от именовании себя *мужиками*, поскольку слово *мужик* имеет среди своих коннотаций и такие, что указывают на высокий статус (не только указание на взрослость, но и на мужественность): « – Мужик ты или кто? Взял бы да нырнул» [А.И. Мусатов. Земля молодая (1960)]; « – Не бойся! Смелее, ты же мужик!» [Ф. Чуев. Ильющин (1998)]. Слово *мальчик* для самоназывания также отвергается как непрестижное, указывающее на низкий статус (детский возраст).

Мыслится, что мужской статус нужно заслужить («Ты что, не мужик / не мужчина / не пацан?»), а статус женский (в данном случае, если следовать этой логике, – *бабский*) как бы дается по праву рождения: этим, по-видимому, объясняется, с одной стороны, естественность использования по отношению к девочкам со стороны мальчиков-ровесников лексемы *бабы*, с другой же, – невозможность употребления по отношению к лицам своего пола лексемы *мужики* (она редко, но все же появляется, по нашим наблюдениям, позднее, в речи подростков и юношей). Тезис о престижности мужского статуса подтверждается и возможностью использования слов *мужик*, *мужчина* в качестве предикатива в конструкциях, положительно характеризующих лицо, выступающее носителем мужских качеств, типа *Мужик!*; *Мужчина!*: «Мужик, мужик! – трубку курил. Вот он с юмором был! Легко ко всему относился» [А. Трушкин. 208 избранных страниц (1990-2002)]; « – ... Я

вам не кто-нибудь!.. Я – мужчина!» [В. Розов. В поисках радости // «Театр», 1957]. Более того: «Профессиональное сообщество зачастую воспринимается как мужское братство. Обращение «мужики!» произвольно вырывается у членов такого сообщества даже в присутствии женщин – таких же профессионалов, как и они: такую сцену, например, описывала в разговоре с фольклористом женщина-архитектор. Иркутский выпуск «Комсомольской правды» к 8 марта представил читателям женщин «мужских профессий». Одна из них, бригадир сварщиков, с гордым смехом заявила, что «матерые» сварщицы называют ее мужиком: «Я у них вроде авторитета». [И. Прусс. Мужской шовинизм. О механизме сохранения культурных стереотипов // «Знание – сила», 2008].

Конструкция со словом *баба* в той же позиции с положительной оценкой если не невозможна, то маловероятна. В этом смысле равно показательными являются примеры из текстов как середины XIX века, так и современные: « – Эх ты! Баба так баба и есть, – отозвался Гриша, но с таким глубоким презрением, что я сразу сознал глубокую разницу, существующую между привилегированным полом и непривилегированным» [М.Е. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ (1858)]; « – Вот и я так думаю, баба есть баба. Понаведет с собой фаворитов, и не знаешь, кто будет управлять» [М. Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002]. В «Словаре синонимов» под ред. А.П. Евгеньевой указано, что «слово *баба* употребляется в обиходной речи преимущественно с пренебрежительно-уничжительным оттенком, но в ряде случаев в грубовато-фамильярной речи употребляется и с положительной оценкой» [16, т. 1, с. 336]. Хотя анализ многочисленных примеров из данного словаря не содержит ни одного фрагмента, содержащего в конструкциях с лексемой *баба* положительную оценку.

Резко негативная оценка лица проявляется в высказываниях с отрицанием типа: *Он не мужик / не мужчина / не пацан!* В абсолютном же большинстве конструкций типа *Она не баба!* (что показывает анализ примеров из «НКРЯ») содержится положительная характеристика лица женского пола: героини-мужчины, даже говоря о женщинах, создающих им проблемы, выражают подобными конструкциями свое уважение к ним (нередко – как к сильному сопернику). В таких конструкциях отрицаются присущие лексеме *баба* коннотативные значения «нерешительность, робость» [1, т. 1, с. 131]: « – Она не баба – она воин, ваше величество...» [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. (1939-1945)]; « – Это не баба, а огонь с дымом!» [М.А. Шолохов. Тихий Дон (1928-1940)]; « – Бандит ты, а не баба, – говорил повар» [И. Грекова. На испытаниях (1967)]; «*Не баба – черт! В словах юркого оперативника проскальзывало восхищение*» [С. Данилюк. Бизнес-класс (2003)]; «*Была там одна с телекамерой,*

Машкой звали. Не баба – огнемёт» [В. Кржишталович. *Осада* // «Звезда», 2002]; *«Не баба, а сам дьявол! Пары минут не прошло, а я, следовательно прокуратуры, уже покорно отвечаю на ее вопросы!»* [В. Громов. *Компромат для олигарха* (2000)]; *« – Это она-то боится! Сатана, а не баба!»* [М.А. Шолохов. *Поднятая целина* (1959)]; *«Тю, чертяка! Прямо жеребец, а не баба!»* [М.А. Шолохов. *Поднятая целина* (1932)]; *« – Она не женщина, она директор! – возразил Новосельцев»* [Э. Рязанов, Э. Брагинский. *Служебный роман* (1977)]; *«Она не женщина / она воин»* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) (2001)]. Показательны подобные конструкции в устах героев-женщин: *«А один из матросов заявил: «Ишь, баба». Я опять стукнула кулаком: «Я вам не баба, а городской голова». Тот же матрос уже несколько иным тоном заявил: «Ишь, амазонка». Я чувствовала, что победа на моей стороне»* [Е. Скобцова (Кузьмина-Караваева). *Как я была городской головой* (1925)]; *« – Я не баба и не женщина, я оперуполномоченный! Тем более что женщин там не меньше, чем мужчин»* [А. Михайлов. *Капкан для одинокого волка* (2001)].

Реже встречаются высказывания, где такое отрицание оценивается скорее негативно: *«Какая ты жена, к черту! Ты вообще не баба! Ты – прораб! Ты на стройке работала. Ты комсомолка, Тель-Авив, профсоюз. Ты в Бога не веришь! Ты обманщица!»* [В. Месяц. *Лечение электричеством* // «Урал», 2002]; *«Тут я понял, что баба эта – не баба вовсе, а сука драная: хочет за копейку своего сопляка протащить»* [А. Житков. *Кафедра* (2000)]; *«Ты шокируешь. Таран, а не баба. Мужуку приятно видеть слабое, закомплексованное создание, а ты прешь со своим чувством...»* [Е. Маркова. *Каприз фаворита* (1990-2000)]; *« – Ты не баба, а варвар...»* [Н. Медведева. *Любовь с алкоголем* (1988-1993)]. Сделанные выводы не распространяются на аналогичные конструкции с лексемой *женщина* – нейтральным членом (доминантой) синонимического ряда, который в речи может быть противопоставлен имеющей более низкий стилистический статус лексеме *баба*: *«Они не бабы, они – женщины»* [В. Высоцкий. *Жизнь без сна* (1968)]; *«Не баба, не бабка, не тетка, не старуха. Женщина!»* [Л. Иванова. *Искренне ваша грешница* (2000)].

Показательно, что в «Кладовой солнца» М.М. Пришвина Митраша (10 лет), поссорившись со своей сестрой Настей (12 лет), по-крестьянски причисляет ее к миру баб, т.е. женщин: *« – Я с тобой больше спорить не буду: ты иди по своей тропе, куда все бабы ходят»* [М.М. Пришвин. *Кладовая солнца* (1945)]. Для него это нейтральная лексема, которая в 1-ом томе БАС'а (1950) охарактеризована как устаревшая и просторечная, имеющая значение «замужняя женщина (обычно о крестьянке)» [17, т. 1,

с. 232], спустя полвека в БТС'е оно наделено пометой «традиционно-народное» [3, с. 53].

Сема 'взрослость' в случае именовании девочек *бабами* при описываемом здесь употреблении снимается, а по отношению к слову *мужик* это характерно для случаев, когда взрослые шуточно или с целью пристыдить за немужественное поведение называют так мальчиков: «*А Вовка-то разметался, сопит. Му-ужи-ык!..*» [В. Астафьев. Обертон (1995-1996)]; «*Не плачь, ты же мужик!*». В подобных случаях имеет место «ослабленное употребление» лексемы [2, с. 21]. Соответствующие примеры находим в произведениях, посвященных жизни подростков, где авторы стремятся максимально точно передать особенности речи своих персонажей: «*Садимся на стулья, смотрим, как бабы и пацаны крутят жопами, топчутся и махают руками...*» [В. Козлов. Гопники (2002)]; «*Андрюха пояснил: – А вот под это бабы прутся*» [Ш. Идиатуллин. Город Брежнев (2017)]. Подобное словоупотребление живо до сих пор: так, одна из малочисленных групп (11 чел. на 03.11.2019 г.) социальной сети «ВКонтакте», созданная, по-видимому, подростками, называется «*Пацаны и бабы*». Приводим лозунг группы (с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей): «*тут только реальные поцаны И БАБЫ лузеров мы не допускаем*» (<https://vk.com/club19892668>).

Отсюда – устойчивое наименование *бабская школа* («презрительно о женской школе» в СССР в середине XX в.), зафиксированное в словаре «Русское детство» [4, т. 1, с. 43], и свободные словосочетания типа *бабские сандалии*, *бабская одежда* и т.д., где прилагательное *бабский* сохраняет пренебрежительную окраску (см. в словарях: «*Разг. пренебр. То же, что бабий (во 2 знач.)*» [15, т. 1, с. 54]). Характерно, что слово *бабский* в речи мальчиков активно употребляется, а *бабий* – нет. Это показывает анализ романа Ш. Идиатуллина «Город Брежнев» (написан в 2017 г., действие происходит в первой половине 1980-х гг.), где прилагательное *бабий* (по отношению к девочкам) не употребляется вообще, а *бабский* встречается несколько раз: «*Один конец пленки за окно в нашем коридоре зацепил, другой – в бабском*»; «*Третий отряд, как всегда, выпендрился, расслоившись на три круга – бабский, пацанский и смешанный*»; «*Анжелка сдержанно приплясывала в бабском круге, не глядя по сторонам*». Та же картина – в романе В. Козлова «Гопники» (2002): «*Потом я иду в туалет. На этом этаже рядом с нашим и бабским есть специальный, учительский*». Также см. наименование изображенных на картах обнаженных моделей как «голых баб» (не женщин, теток и т.п.) [4, т. 1, с. 496].

Антонимическая пара *пацаны – бабы* используется для указания не только на пол, но и на гендер. Отсюда – закрепленный в словарях лексико-

семантический вариант *баба* – «нерешительный или трусоватый мужчина» [1, т. 1, с. 131], «о слабом, нерешительном мужчине, мальчике» [15, т. 1, с. 53], «о робком, слабохарактерном мужчине, мальчике» [3, с. 54]. В детской речи такие примеры можно встретить и в текстах вековой давности: «*Володя очень сошелся с Ваней и Сережей, а Митя ему не понравился, говорит, что он «баба»; это потому, что Митя не гимназист и все со мной больше сидит*» [В.С. Новицкая. Хорошо жить на свете! (1912)]. *Баба* в этом значении – то же, что «не пацан»: «– *Не пацан, что ли? – презрительно сказал Гутэнтак*» [А. Силаев. Армия Гутэнтака (2007)]; «– *Ну, что ты как не пацан?*» [В. Козлов. Друг (2002)]. Напротив, поступающий в соответствии с предписанной ему гендерной ролью (в представлениях детей и подростков), поступает *по-пацански*, держит *слово пацана* («– *Слово пацана! – клянусь я, и тотчас Люська убегает*» [А. Иванов. Географ глобус пропил (1995)] и т.п. Выбор данного наименования в детской речи подкреплен и тем, что слово *пацан* и его производные употребительны в арго (где эти лексемы употребляются с положительной оценкой [5, с. 656]) и в сленге [8, с. 314]. См. исследование т.н. «пацанской лирики» [6]. В словаре «Русское детство» приведены примеры 1950-х – 2000-х, подтверждающие тезис о том, что «мальчишки таковыми себя не называли, а только: пацаны» [4, т. 2, с. 110].

В детской среде младшего школьного возраста мальчик, проводящий время в компании с девочками, осуждается – отсюда пренебрежительные наименования *девичий (девчачий) пастух (король)*, *девичий поп* (1950-е – 1960-е; здесь и далее, если сведения приводятся по словарю «Русское детство», годы фиксации лексем и сочетаний также даются по этому изданию) [4, т. 1, с. 252], *девчатник* [4, т. 1, с. 254], *девчоночник* (1930-е – 1960-е) [4, т. 1, с. 255], а также, по нашим сведениям, *бабник* (1980-е.). Обратной ситуации соответствуют лексемы *мальчишница* (1930-е – 1970-е) [4, т. 1, с. 719], *парнишница* (1920-е) [4, т. 2, с. 106], *пацаненок в юбке* (1960-е) [4, т. 2, с. 110], *пацанка* – так именуется девочка, принятая в мужской компании, играющая с мальчиками в мальчишеские игры (футбол и т.д.). «*Это первый женский образ, с которым нас знакомит фильм, и, надо сказать, проработанный образ «девчонки-пацанки», мне понравилось*» [коллективный. Форум: Начало (2010-2011)]. Здесь очевидна асимметрия, связанная с преобладанием и в детской речи мужского взгляда на мир: если *девчоночник* серьезно осуждается мужским коллективом, то *парнишница* – это в некотором роде «свой парень», хотя и девочка. По отмеченным здесь причинам дразнилка «*Тили-тили-тесто – жених и невеста*» адресована прежде всего мальчику, проявляющему интерес к девочке.

Кроме того, необходимо выделить в детской коммуникации как мужские, так и женские речевые жанры. Так, к первым относятся: эротический анекдот [4, т.1, с.31]; по большей части клятва (см. исследование

детской клятвы, где большинство формул – мужские: *зуб даю, слово пацана, гадом буду* [11]); специфический жанр, используемый при встрече незнакомых мальчиков/подростков/юношей, основная цель которого – идентификация на основании признака свой/чужой («*Пацан, ты с какого района?*») [12] и др. Ко вторым следует отнести девичий альбом, различные гадания («*На новом месте приснишь жених невесте*») и т.п.

Литература

1. Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. 408 с.
2. Апресян Ю.Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. №4. С. 3-22.
3. Большой толковый словарь русского языка / Автор и руководитель проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Борисов С.Б. Русское детство XIX–XX вв.: культурно-антропологический словарь: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.
5. Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского арго: 27000 слов и выражений. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 1120 с.
6. Дубровская Т.В. «Любови достойна только мать и Гелендваген 5.5»: пацанская лирика в аксиологическом аспекте // Жанры речи. Международный научный журнал. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2019. № 1. С. 56-65.
7. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 384 с.
8. Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: словарь сленга. По материалам 70-90-х годов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 592 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
10. Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства: Лекции по историографии и культурной истории детства. М.: Академический проект, 2004. 496 с.
11. Сидоренко А.В. Детская клятва в советскую эпоху: речевые характеристики // Жанры речи. Международный научный журнал. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2016. №2. С.76-82.
12. Сидоренко А.В. Роман Ш. Идиатуллина «Город Брежнев» как энциклопедия речевых жанров советского детства // Художественный текст: проблемы чтения и понимания в современном обществе: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Стерлитамак, 25-26 октября 2018 г. / Отв. редактор Э.А. Радь. Стерлитамак: СФ БашГУ, 2018. С. 246-248.

13. Сидоренко А.В. Сфера материально-телесного низа в детской речи и фольклоре (по материалам «Словаря советского детства») // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/120-16265> (дата обращения: 16.11.2019).

14. Сидоренко А.В. Язык советского детства: монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 167 с.; То же [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=446389> (дата обращения: 16.11.2019).

15. Словарь русского языка в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. 1988 с.

16. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: АСТ; Астрель, 2003.

17. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В.И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

УДК 81

Старухин Евгений Александрович
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
johnalexstar@gmail.com

АНОМАЛИЯ В ЯЗЫКЕ: К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ И СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА

Статья посвящена рассмотрению аномалии как языкового явления, создающего трудности на пути людей к взаимопониманию. На материале словарей и исследований определяется объем и содержание термина, типология явления, проводится сопоставительный анализ данного термина с терминами «алогизм» и «парадокс», выявляются общее и различное в содержании представленных терминов.

Ключевые слова: аномалия, алогизм, парадокс, норма, вариативность.

Настоящая статья завершает цикл работ, посвященных рассмотрению круга языковых явлений, создающих трудности на пути людей к взаимопониманию. Ярким примером подобного характера является конструкция «*дать кому-то что-то понять*», в рамках которой языковая форма вступает в противоречие с миром, нормой онтологической. Также примером подобного искажения могут выступать многочисленные парадоксы, среди которых самым известным является «*лжеец*». Его сущность заключается в том, что в силу свойства

авторегерентности мы попадаем в неразрешимую ситуацию: если человек, который постоянно лжет, говорит «Я лгу», то он лжет о том, что он лжет, – следовательно, он говорит правду, и наоборот. Этких явлений мы касались в наших предыдущих работах [см. 1, 2], здесь же речь пойдет об аномалии.

«Малый академический словарь» под ред. А.П. Евгеньевой предлагает следующее толкование рассматриваемого слова: «АНОМАЛИЯ, -и, ж. Отклонение от нормы; неправильность. *Аномалия в росте. Аномалия в физическом развитии*» [3]. Иные словари (А.П. Сковородников; В.М. Кожевников и П.А. Николаев; А.Н. Николюкин; В.Е. Кемеров и А.А. Ивин) не имеют словарных статей этого слова. Исключением является словарь Т.В. Жеребило, содержащий следующее определение: «АНОМАЛИЯ ЯЗЫКОВАЯ. Отклонение от нормы, общего стандарта, закрепленное в нормативных справочниках. Наблюдается в области: 1) формообразования; 2) словообразования; 3) правописания» [4]. В «Новой философской энциклопедии» аномалия трактуется как «познавательная ситуация, при которой результаты наблюдений и экспериментов противоречат общепринятым теоретическим представлениям или не совпадают с предсказаниями, сделанными на основе таких представлений», имеется уточнение: «в науке» [5].

С другой стороны, понятие «норма» широко представлено в словарях. В МАС отмечается: «НОРМА, -ы, ж. 1. Узаконенное установление. Правовые нормы. || Обычный, общепринятый, обязательный порядок, состояние чего-либо. Нормы поведения. Нормы литературного языка. || Образец, правило. 2. Установленная мера, размер чего-либо. Норма выработки. || Величина, выражающая отношение между чем-либо. Норма прибыли (в капиталистическом производстве – отношение прибавочной стоимости к затраченному капиталу). 3. Полигр. Сокращенное заглавие книги, даваемое мелким шрифтом на первой странице каждого печатного листа внизу с левой стороны. В норме – в обычном, нормальном состоянии. Войти (или прийти) в норму – прийти в обычное, нормальное состояние. [Лат. Norma]» [3].

В.Е. Кемеров в «Современном философском словаре» освещает норму в функциональном аспекте, развёртывая перед читателем картину исторической изменчивости нормы [6]. В этом плане интересно то, что в рамках рассмотрения теории функционализма используется формулировка «нормативные системы», пусть и исключительно в социологической концепции.

«Новая философская энциклопедия» содержит важные замечания: «Нормы существуют лишь там, где есть человеческие потребности и, соответственно, цели. В природе, не включенной в человеческую

деятельность, норм нет. Соответствует норме и, следовательно, является нормальным лишь тот объект, который служит достижению не любой, а лишь благой цели, т. е. объект, включенный в процесс реализации смысла человеческой жизни». Также значимо то, что «существует раздел современной логики, исследующий способы выражения норм в языке, – нормативная логика. Разделами логики норм являются логика команд и деонтическая логика» [5].

В «Новейшем философском словаре» утверждается, что «нормы не действуют в культуре и социуме изолированно друг от друга, а образуют, как правило, соотносимые и (или) конкурирующие нормативные системы» [7].

Наиболее полное и детальное описание языковой аномалии дал в своих работах Ю.Д. Апресян. Обнаружив несоподчинимость управляемых форм при глаголах «узнать» - «узнавать», он проанализировал этот и другие случаи в рамках теоретической модели языка «Смысл ↔ Текст», разработанной И.А. Мельчуком, и предложил следующую классификацию аномалий:

1. Намеренные
 - 1.1. Авторские: эстетические и интеллектуальные
 - 1.2. Экспериментальные: степени, абсолютные и относительные
2. Ненамеренные
 - 2.1. Деструктивные
 - 2.2. Конструктивные: между системой и узусом и внутри системы [8].

Как мы можем видеть, данная классификация представляет аномалию как сложное явление, имеющее несколько аспектов описания. В нашей работе данная классификация выступает в качестве базовой. Таким образом, аномалия рассматривается нами в рамках системно-функционального подхода и имеет характеристики, отличные от алогизма и парадокса.

Также в связи с аномалией нельзя не упомянуть языковое явление, которое имеет несколько близких наименований, таких как «вариативность», «вариантность», «вариант», «варьирование», «вариация» и другие. Наличие промежуточного звена между нормой и аномалией позволяет выстроить расширенную структуру «система – норма – вариант – аномалия» и поставить вопрос о границах между вариативностью и аномальностью. Несмотря на то, что этот вопрос выходит за рамки нашей работы, он содержит в себе дальнейшую исследовательскую перспективу, и его решение способно привести нас к новым, более глубоким выводам.

По результатам трех статей можно сделать следующие выводы:

1. Алогизм, парадокс и аномалия являются наиболее распространенными наименованиями круга языковых явлений,

создающих трудности на пути людей к взаимопониманию.

2. Алогизм и парадокс суть явления логического характера, при этом первый представляет собой некоторое несовершенство правил мыслительной деятельности, в рамках которой мы существуем, является чем-то формальным; сущность же парадокса именно в содержательной ошибке, несоответствии мышления о мире самому миру.

3. Аномалия есть понятие системно-функциональной природы: аномалия существует в рамках системы и является отклонением от системной нормы.

4. Алогизм и парадокс – объекты логического интереса, аномалия (и вариативность) – интереса лингвистического, причем в рамках системно-функционального подхода. Вместе с этим было бы неверным считать, что отдельное изучение этих смежных явлений будет продуктивным без тесного взаимодействия двух дисциплин, так как мышление и язык тесно связаны друг с другом.

Литература

1. Старухин Е.А., Хазимуллина Е.Е. Алогизм, парадокс и аномалия в языке: К вопросу соотношения терминов (Введение) // Гуманистическое наследие в культуре и образовании: материалы XII Международной научно-практической конференции 14 декабря 2017 г. Уфа: Издательство БГПУ, 2018. Т. II. С. 384-386.

2. Старухин Е.А. Алогизм и парадокс: К вопросу о соотношении терминов // Система непрерывного образования: школа – педколледж – вуз: материалы XVIII Межрегиональной научно-практической конференции (г. Уфа, 25 апреля 2018 г.). Уфа: Издательство БГПУ, 2018. С. 277-281.

3. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета Степин В.С. М.: Мысль, 2000-2001. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Мысль, 2010.

6. Современный философский словарь. Под общей ред. д.ф.н., профессора В.Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с. (2-е изд., испр. и доп.).

7. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Мн.: Книжный Дом. 2003. 1280 с.

8. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии. Типы и функции // Res

УДК 811.161.1'373.215(470.11)

Теуш Ольга Анатольевна
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
olga.teush@yandex.ru

ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА: ТЮРКСКО-РУССКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

В статье рассматриваются русские диалектные обозначения географического пространства, заимствованные из тюркских языков. На материале диалектной лексики Европейского севера России исследуются специфика адаптации лексем, семантическое варьирование заимствованных слов.

Ключевые слова: тюркские языки, севернорусские диалекты, лексика, заимствование, семантика.

Европейский север России является регионом, в котором тюркское население крайне немногочисленно. Севернорусские диалекты, распространенные в этой зоне, отличаются глубокой архаичностью, включают древнейшую славянскую лексику, а также заимствования из языков местного дорусского населения, каковым являлось финно-угорское. Вместе с тем отдельные тюркизмы в этой зоне встречаются и хорошо адаптированы.

Тюркское происхождение (ср.: тур., татар. *rai* 'часть, участок, пай' [16, с. 607]) имеют лексемы *пай* 'участок земли, пай' (Арх.: Котл.; Влг.: Ваш.) [5], *пайна* 'то же' (Арх.: Холм.) [5], (Костр.: Нейск.) [19, т. 7, с. 78], *пай* 'участок покоса, выделенный крестьянину из общего колхозного фонда' (Влг.: Тот.) [9, т. 6, с. 120], *паёк* 'сенокосный надел, пай' (Арх.: Холм.) [5], (Арх.: Вель.) [9, т. 6, с. 117], (Ленингр.: Подп.) [12, т. 4, с. 369].

Значение диалектной лексемы *казна́* 'лучший участок земли в поле, урожай с которого шёл на продажу' (Арх.: Карг.; Влг.: Кир.) [12, т. 2, с. 314], (Арх.: Уст.) [5], *казна́* 'полоса в поле, принадлежавшая священнику' (Арх.: Уст.) [5] вторично к *казна́* 'денежные средства, ценности' тюркского происхождения, ср. тур. *hazna* 'имущество, кладовая' [16, с. 315]. 'Участок леса, принадлежащий государству' именовался в диалектах Европейского севера России *казённое место* (Арх.: Карг.) [12, т. 3, с. 230] (ср. *казённый* – прил. к *казна́* 'деньги, имущество, принадлежащие государству или общине' [16, с. 315]).

Синонимично *казна́* ‘казённый лес’ (Арх.: Вель., Уст.; Влг.: Гряз., Кир., Шексн.) [5], (Влг.: Выт.) [12, т. 2, с. 314], (Влг.: Баб.) [9, т. 3, с. 33], *казёнка* ‘то же’ (Костр.: Кологр.) [5], *казённый* ‘лес, принадлежащий государству’ (Морд.) [13, т. 1, с. 335], ‘государственный, казенный лес (в старой деревне)’ (Яр.: Тут.) [19, т. 5, с. 8]. От названия монеты *алтын* ‘старая разменная монета в 6 денег, равная 3 коп.’ (< тур., татар. *altın* ‘золото’, ‘золотой’ [18, т. 1, с. 72-73]) производно *алтын* ‘покос на шесть хозяйств’ (Костр.: Чухл.) [5].

В диалектах образованы от *бечевá* ‘прочная толстая веревка, канат’, заимствованного из поволжских тюркских языков, ср. тюрк. кыпчак. *beßeц* < *beßeǵü* < монг. *büçi* ‘тесма, лента, завязка’ [16, с. 43-44], *бечёвка* ‘полоска покоса, пашни и т. п.’ (Влг.: Тот.) [5], *бичевá* ‘поле на берегу реки, обычно капустное’ (Костр.: Остр.) [4, с. 33].

Тюркское происхождение имеют *улу́с* ‘куст деревень’ (Арх.: Нянд.; Влг.: У.-Куб.) [5], (Влг.: Кадн.) [2, с. 524], (Олон.) [6, с. 124], ‘закоулок; скрытое пристанище’ (Псков., Твер.) [3, с. 279; 1, т. 4, с. 489], ‘место, участок’ (Влг.: Бабуш.) [5], ‘ряд полей, пашен, правильные полосы, без недопашек и перепашек’ (Арх.) [1, т. 4, с. 489], ‘длинная, но узкая полоса земли’ (Арх.: Шенк.) [7, с. 238; 8, с. 178], ‘луг, покос или полоса леса клиновидной формы’ (Влг.: В.-Уст.) [5], *олу́з* ‘земельный надел’ (Арх.: Прим.) [5]. Лексемы связаны с тур., азерб., кыпчак., уйгур. *ulus* ‘народ’ [16, с. 1026]). Уменьшительным образованием с развитием географической семантики к *чула́н* ‘помещение в доме, служащее кладовой; клеть или часть сеней в крестьянской избе’, ср. татар. *çöläñ* ‘кладовая’, алт. *çulan* ‘загон для скотины’ [16, с. 1098], является *чула́нчик* ‘пожня в кустах’ (Арх.: Холм.) [5].

Татарские истоки имеет лексема *босорга́* ‘мелкий кустарник’ (Арх.: Мез.) [5] < татар. *basarğa* ‘зарастать, зарости, покрываться, покрываться (напр., сорной травой)’ [15, с. 49]. Форма русского слова отражает гиперкорректное оканье. Отмеченные в ярославских говорах *буера́к* ‘густые заросли кустарника’ (Яр.: Люб.) [19, т. 2, с. 28] и *Широкий Буерак*, пок. [17] являются семантическими дериватами от русск. литер. *буера́к* ‘небольшой овраг’ (< тур. *bajyr* ‘склон; обрыв, холм, поросший деревьями’) [16, с. 64].

Прилагательное *сабанный*, отмеченное в сочетании *сабанная дорога* ‘прямая просека, расчищенная для вывоза леса’ (Арх.) [1, т. 4, с. 126], сопоставимо с татар. *сабан* ‘плуг’, ‘плуговой’, ‘пахота’, ‘пахотный’ [15, с. 251]. Плуг используется для обработки земной поверхности с целью взрыхления и последующего выравнивания почвы: при прокладке дороги по просеке пространство подвергали вспашке. Заимствовано из сев.-тюрк. *сакма́* ‘тропа’ [18, т. 3, с. 547] севернорусское *сакма́* ‘след от

саней, на которых везут сено от места, где было сложено сено, до большой дороги' (Влг.: Ярен.) [2, с. 445].

Через посредство русского литературного *майдán* 'на Украине и в южных областях России: базар, базарная площадь' (< тюрк., ср. татар., казах., туркм. *maidan* 'ровное, свободное место') [16, с. 424] в севернорусские диалекты проникло *майдán* 'место, где выкуривают, сидят смолу; также: выкапываемая в земле яма для добывания из сжигаемых сосновых бревен смолы' (Арх.: Пин., Шенк.) [8, с. 87], 'выжженное место в лесу, где курят смолу' (Влг.) [2, с. 247], 'место в лесу, где добывали смолу' (Арх.: В.-Г.) [5], 'глинистое место в лесу, где делали кирпичи' (Арх.: Вин.) [5].

Лексема *мыс* в диалектах Европейского севера России служит обозначением различных участков леса: 'участок густого высокого хвойного леса' (Влг.: Ник.) [9, т. 5, с. 13], 'хороший и качественный лес, растущий не на возвышенном, а на ровном месте' (Влг.: Ник.) [5], 'полоса леса, отделенная от большого леса и выходящая клином между полями и сенокосами' (Влг.: Ник.) [2, с. 265], 'лес клином либо отдельный массив' (Арх.: Вин., Карг., Пин.; Влг.: Бел., Ник., Сок., Хар.) [5], 'высокий еловый лес' (Влг.: Бабуш.) [5], ср. также *мысовóй лес* 'хороший и качественный лес, растущий не на возвышенном, а на ровном месте' (Влг.: Ник.) [5], *мысо́к* 'клин леса' (Арх.: Карг.) [5]. Диалектная семантика производна от общерусского *мыс* 'выдающийся острием участок, часть чего-либо', которое сопоставляется с древнетюркским *müjüz* 'рог' [16, с. 469].

Несколько заимствованных из тюркских языков лексем называют жильё, поселение. Слово *мурья́* 'плохой маленький дом, избушка' (Костр.: Макар.) [5], 'место для собаки; вообще низкое жильё' (Влг.) [2, с. 263] при учете *мурья́* 'труба' (Казан.) [14, т. 18, с. 362], 'в смолокурной печи: труба, по которой стекает смола' (Арх.: В.-Г.), 'отверстие в мельничном жернове, куда засыпают зерно' (Влг.: К.-Г.) может быть сопоставлено с мар. диал. *мурья́* 'труба (печная)' [11, т. 4, с. 100], которое по этимологии Я. Калимы [20, с. 52, 89; 18, т. 3, с. 15] заимствовано из чуваш. *туйја́* 'песчаная труба'. Развитие семантики объяснимо на основе выражения *как в мурье́* 'грязно, неопратно' (К.-Перм.) [10, с. 152]. Тюркизмом нужно считать *та́боры* 'городище, место с остатками древних укреплений, вала, становища, воинского стана' (Новг.) [1, т. 4, с. 385], ср. русск. литер. *та́бор* 'в России в старину: войсковой лагерь с обозом', истоки которого усматриваются в татар. *tabur* 'укрепление из повозок', чагат. *tapkur* 'укрепление' [16, с. 967]. Лексема *улу́с* 'куст деревень' (Арх.: Нянд.; Влг.: У.-Куб.) [5], (Влг.: Кадн.) [2, с. 524], (Олон.) [6, с. 124], 'закоулок; скрытое пристанище' (Псков., Твер.) [3, с. 279; 1, т. 4, с. 489] имеет вариант *олу́с* 'куст деревень' (Арх.: Нянд.) [5], < тюрк., ср. тур., азерб., кыпчак., уйгур. *ulus* 'народ' [16, с. 1026].

В целом тюркские элементы в географической лексике Европейского севера России представляют собой весьма пеструю в семантическом отношении группу слов: относятся к разным тематическим группам, существенно варьируют исходную семантику.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1955.
2. Дилакторский П.А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902.
3. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
4. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова. Кострома, 2006.
5. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
6. Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
7. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
8. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
9. Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983-2007. Вып. 1-11.
10. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.
11. Словарь марийского языка. Т. 1-10. Йошкар-Ола, 1990-2005.
12. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1-6. / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994-2005.
13. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. 1-2. Саранск, 2013, 2015.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.; Л., 1965.
15. Татарско-русский словарь. Казань, 1988.
16. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008.
17. Топонимическая картотека Севернорусской топонимической экспедиции УрФУ.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М., 1964-1973.
19. Ярославский областной словарь. Вып. 1-10. Ярославль, 1981-1991.
20. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu, XLIV. Helsinki, 1919.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Языки и диалекты

- азерб. – азербайджанский язык
- алт. – алтайские языки
- казах. – казахский язык
- кыпчак. – кыпчакский язык
- мар. – марийский язык
- монг. – монгольский язык
- русск. – русский язык
- сев.-тюрк. – севернотюркские языки
- татар. – татарский язык
- тур. – турецкий язык
- тюрк. – тюркские языки
- уйгур. – уйгурский язык
- чагат. – чагатский язык
- чуваш. – чувашский язык

2. Географические названия

- Арх. – Архангельская область (губерния)
- Баб. – Бабаевский район Вологодской области
- Бабуш. – Бабушкинский район Вологодской области
- Бел. – Белозерский район Вологодской области
- Ваш. – Вашкинский район Вологодской области
- Вель. – Вельский район Архангельской области
- Вин. – Виноградовский район Архангельской области
- Влг. – Вологодская область (губерния)
- В.-Г. – Верхне-Тоемский район Архангельской области
- В.-Уст. – Великоустюжский район Вологодской области
- Выг. – Вытегорский район Вологодской области
- Гряз. – Грязовецкий район Вологодской области
- Кадн. – Кадниковский район Вологодской области
- Казан. – г. Казань
- Карг. – Каргопольский район Архангельской области
- К.-Г. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
- Кир. – Кирилловский район Вологодской области
- Кологр. – Кологривский район Костромской области
- Костр. – Костромская область
- Котл. – Котласский район Архангельской области
- К.-Перм – Коми-Пермяцкий автономный округ
- Ленингр. – Ленинградская область
- Люб. – Любутинский район Ярославской области
- Макар. – Макарьевский район Костромской области
- Мез. – Мезенский район Архангельской области

Морд.	– республика Мордовия
Нейск.	– Нейский район Костромской области
Ник.	– Никольский район Вологодской области
Новг.	– Новгородская область
Нюкс.	– Нюксенский район Вологодской области
Нянд.	– Няндомский район Архангельской области
Олон.	– Олонецкая губерния
Остр.	– Островский район Костромской области
Пин.	– Пинежский район Архангельской области
Подп.	– Подпорожский район Ленинградской области
Прим.	– Приморский район Архангельской области
Псков.	– Псковская область
Сок.	– Сокольский район Вологодской области
Тот.	– Тотемский район Вологодской области
Тут.	– Тутаевский район Ярославской области
У.-Куб.	– Усть-Кубинский район Вологодской области
Уст.	– Устьянский район Архангельской области
Хар.	– Харовский район Вологодской области
Холм.	– Холмогорский район Архангельской области
Чухл.	– Чухломской район Костромской области
Шексн.	– Шекснинский район Вологодской области
Шенк.	– Шенкурский район Архангельской области
Яр.	– Ярославская область
Ярен.	– Яренский уезд Вологодской губернии
3. Прочие	
диал.	– диалектное
литер.	– литературное
пок.	– покос
прил.	– прилагательное
ср.	– сравни

УДК 81

Тимирханов Валентин Рахимович
 Башкирский государственный университет
 valtimir@mail.ru

МИФОЛОГИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО КАК ПРИМЕТА «ФИРМЕННОГО» СТИЛЯ И ОСОБЕННОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ДМИТРИЯ БЫКОВА (ПО РОМАНУ «ЖД»)

В статье рассматриваются наиболее активные разряды имен собственных в семантическом пространстве произведения Дмитрия

Быкова «ЖД», выявляются особенности их функционирования: создание пространственно-временной и культурной системы координат; формирование у читателя сложного комплекса ассоциаций; организация особой эстетики текста. Многослойность и мифологичность текста заданы посредством имени как особой интертекстуальной и прецедентной единицы.

Ключевые слова: имя собственное, семантическое пространство художественного текста, интертекстуальность, прецедентность.

Как заявил сам автор романа в краткой аннотации к своему тексту, он «строит совершенно невероятные версии нашего прошлого и дает не менее невероятные прогнозы нашего будущего» [1, с. 2]. Привязка этого фантастического, антиутопического текста к нашей культурной среде происходит во многом через имена собственные. Ономастические реалии представляют собой и важнейший языковой источник информации о культурной среде действия романа.

Дмитрий Быков использует в романе «ЖД» свыше шестисот различных имен собственных, среди которых преобладают имена персонажей и топонимы, часто встречаются имена богов и божеств, сверхъестественных существ, наименования организаций, названия СМИ, кафе и ресторанов, товаров, кулинарных блюд, песен и танцев, артиллерийских орудий и проч.

Особую нагрузку в семантическом пространстве романа несут следующие группы имен собственных.

Классические говорящие имена (Гундоскин, Здрок, Кислодрищенский, Кукишев, Плоскорылов, Топтухин, Хрюничев, Каблучный и др.). Их использование – продолжение традиций русской сатиры. Быков глубоко работает с сюжетными линиями, поэтому у него возникают имена-помощники, как бы взятые в аренду у других авторов, из другой прозы. Например, Иван Заварзин, который кормил Блатск, а потом повесился, отсылает нас к Аркадию Заварзину, герою повести Виля Липатова «И это все о нем». Многие имена персонажей вызывают *самопроизвольные или подсказанные автором ассоциации*. Так, Быков настаивает, что генерала Паукова надо сопоставить с маршалом Жуковым: «Генерал-майор Пауков был горд, что у них с его кумиром родственные фамилии. Сходство по признаку насекомости казалось ему ничуть не забавным и даже символическим» [1, с. 13] Имен, прямые ассоциации к которым Быков навязывает читателю, в романе мало, зато много имен, которые вызывают сразу множественные ассоциации не к конкретному лицу, а к типу реальных фигур. Например, поэтесса Марфа Попова (намек на бездарность массовой культуры вообще). Важным является также момент этнического распознавания ряда имен (Волохов, Осетренко,

Курлович, Псиш Коробрянский, Нодари Батумский). С одной стороны, они нередко указывают на принадлежность героя к тому или иному воюющему лагерю, с другой – на чуждость или неполное соответствие стороне, к которой он принадлежит. Так, если с Мишей Эверштейном читателю все более-менее понятно, то та же Женька Долинская по имени может принадлежать любому лагерю.

Отдельного обсуждения заслуживает и наличие в тексте, столь богатом собственными именами, которые щедро розданы даже тем героям, которые появляются лишь единожды, некоторых героев романа, *имени не имеющих* вовсе. Таким безымянным персонажем является бывшая подруга Волохова. «Бывшая подруга по-прежнему жила в их однокомнатной квартире, которую он ей оставил; по-прежнему ходила на работу и даже поливала цветы, но это было, кажется, последним, что она делала осмысленно» [1, с. 114]. Рискнем предположить, что те, кого Быков оставляет без имени, таким способом как бы выключены им из пространства действия. А наличие множественных, избыточных имен характеризует перенасыщенный информационный раствор, который и есть «действительность» в романе и который, как и все, что характеризуется приставкой «пере-», находится в неустойчивом состоянии. Состояние непоименованной бывшей подруги Волохова в этом смысле более устойчиво.

Востребованной группой имен собственных являются *имена героев популярных народных анекдотов*. «И никакая тетя Циля из Житомира вам-таки ни разу не объяснила, шо это за ЖД? Тетя Циля из Житомира всегда очень многословна, ви знаете почему?» [1, с. 66]. Лидируют в этой группе по частоте употребления, конечно же, Василий Иванович и Анька (в анекдотах все-таки Анка), Штирлиц и Мюллер.

В романе упомянуты *имена шести богов*, в том числе Иисуса, Египетского Озириса, античных греческих богов и порядка десяти *божеств*, среди которых Велес, Один, Дажьд-бог и вымышленный Быковым Жажьд-бог, а также, по всей видимости, выдуманные Быковым Аштарота, Атиль, Мурруват, Уртаб. Так, посредством этих имен мы обращаемся к типу религии, которой принадлежит та или иная группа героев: для туземки Аши и ее соплеменников нам предложена языческая религия двубожия, циклической смены всего в мире, в том числе и захватчиков на территории, которую они считали своей. «Все у тебя с ног на голову, – говорила она без осуждения; вообще в разговорах о вере не впадала в дурной фанатизм и никогда не повышала голоса. – Ты говоришь, что такой климат и поэтому два бога. А на самом деле – два бога, и поэтому такой климат. – Ну да. Две точки зрения, как кому удобнее» [1, с. 132]. Для ЖД – христианство и принадлежность к общекультурному знанию истории религий, а для третьей стороны,

представителями которой являются Анька и Громов, предложен намек на атеизм, на готовность принять любую религию, в том числе и выдуманную: «День Родины главный государственный праздник, установленный взамен Дня независимости вот уже пять лет как и отмечавшийся в день обретения Велесовой книги» [1, с. 156].

В романе без искажения упомянуто около 110 исторических личностей в прямой связи с их ролью в культуре: Ахматова, Пастернак, Платонов, Розанов, Хлебников и др. Использование некоторых реальных имен может содержать неявные намеки: «Михельсон был известный ЖДовский романтик, сочинитель балладных стилизаций под Киплинга, малорослый, но накачанный до безобразия мальчик со сросшимися бровями» [1, с. 314]. Читателю остается только гадать, есть тут намек на Леонида Михельсона или нет. Или другой пример: «Организовав взаимную утечку, генералы удовлетворенно повесили трубки и потеряли руки. Воцарилось благолепие. Хеллер отдыхал, Гашек сосал, и я тоже что-то плохо себя чувствую» [1, с. 340]. У читателя выбор: воспринять прямое указание на американского прозаика Джозефа Хеллера или воспринять имя Хеллер как искаженное Веллер. Кроме того, в приведенном отрывке автор и себя внезапно делает героем романа.

Когда в тексте речь идет о реально разработанных идеологических концепциях, то имена авторов не искажаются. Мы узнаем Гумилева, Вольтера, Розанова, Павича, Маркеса, Чаадаева, теорию Фоменко-Носовского. Но поскольку споры персонажей пародируют философские дискуссии, то фамилии могут трансформироваться. Например, «само слово «инициация», бесперечь встречавшееся как в русских эзотерико-патриотических изданиях, так и в хазарском талмудическом литературоведении, Волохова раздражало до головной боли: в нем была первобытная магия, риффенштальская любовь к ритуальным танцам у костра – странно роднившая Дудугина с Лоцманом» [1, с. 84].

Особую группу составляют *имена-искажения* (Жохар-Дудаев = Джохар Дудаев; Лоцман = Лотман). Не всегда понятно, по какому принципу Быков выбирает, что искажать, а что оставлять как есть. Не исключено, что здесь имеют значение и личные пристрастия автора. *Имена-оборотки* также являются пародией, но не на обладателей имени-первоисточника, а на способ аргументации, применяемый в современном общественном дискурсе по многим социально значимым проблемам (Илья-Муромец = Элия Эмур-овец; Гадамер или Гадомер = Ада мэ; Соловей = Саул Ой-Вэй). При создании имен-оборонок Быков пользуется тем же приемом, что и в знаменитом анекдоте про вьетнамского летчика Ли-си-цина.

Наглядный пример выворачивания имени, завораживающий своей изящностью, популярный в силу анекдотичности, пародирует процесс

подмены понятия на основании случайных совпадений или созвучий. «Даже и в критической ситуации офицер обязан был первым делом думать о спасении собственной жизни, а уж потом – о своих людях; людей много, офицер один. В этой формуле – тайном варяжском девизе «Вас много, я Один» – отражалось классическое соотношение оккупационных войск и коренного населения; правильное ударение в имени верховного божества было, конечно, на втором слоге, – не зря с этого имени начинался варяжский счет. Бог наш Один, он же Велес, и другого не дано; «велик Один наш бог, угрюмо море»» [1, с. 14]. Тему имен-оборотов, выворачивание наизнанку имени и смысла в романе продолжает тема выворачивания нарицательных, совершенно обычных слов, принятая в племени Аши.

Имена-пародии Быков щедро раздает и различным неодушевленным предметам, в частности, еде, пародируя имятворчество деятелей рекламы. Так, названия нефтяного кофе «Черное золото» явно пародирует название реальной марки «Черная карта», название нефтяного хлеба «Тюменский» воспринимается почти как должное, учитывая обилие в магазинах зернового хлеба марки «Лапландский»; при этом вполне осознается невозможность выращивать в условиях лапландского климата никакие зерновые культуры. Особую ироничную окраску имеют названия СМИ, раскрывающие предпочтения автора, который является еще и действующим журналистом. «...Я не говорю уже про бардов из газеты «Позавчера»... Вспомните, кто писал лучшую патриотическую лирику двадцатого века, когда нам после семнадцатого года стало, наконец, можно любить нашу Родину!» [1, с. 68]. Инструментами иронии становятся даже названия вооружений: «Артиллерийская подготовка осуществляется силами дивизиона, при участии установок „Град“, „Ливень“, „Тайфун“ и „Погода дрянь“» [1, с. 341]. А вот как изображается и именуется в романе танец: «В какой-то момент губернатор перестал понимать, что за действо перед ним разыгрывается. Тяжба Стрешинных и Рякиных постепенно перешла в песню и танец, коронный номер фольклорного коллектива: один бил себя по груди, второй по ляжкам, один подпрыгивал, второй приседал, и оба по-бабьи взвизгивали, тошно кружась. Наконец Рякин вынул платочек, а Стрешин стремительно переобулся в шитые сапожки, и они пошли друг на друга, выкрикивая странные слова. «Тьфу!» – «Тьфу!» – крикнули они друг на друга и вновь пошли кругами, и каждый кланялся губернатору и немного подшаркивал перед ним ножкою. Наконец, утомясь ходьбой, прыжками и взвизгами, оба одновременно низко поклонились и, отдуваясь, замерли.

– Народный танец «Тяжба»! – прохладным голосом ведущей консерваторского концерта объявила личная секретарша губернатора, появившись из-за портьеры. – Сказанного достаточно!» [1, с. 126].

Быков часто ссылается на реально существующие литературные источники, другие произведения искусства (балеты, оперы): «Повесть временных лет», «Бородино», «Ледяной дом», «Лебединое озеро» и т.д. Наряду с реальными произведениями, автор вводит в текст названия вымышленных произведений, созданных его героями или существующих в пространстве их деятельности, создающих их культурную среду («Протоколы мудрецов»; «Застольные разговоры», «Из Алтынской земли»; «Атланты Славянские»; «Сорок поучений кочевника домоседу» и т.д.). Так же, как и большинство выдуманных Быковым названий, названия вымышленных произведений искусства являются инструментом формирования комического и способами создания нового мифотворчества.

Такую игру с именами собственными Быков ведет достаточно часто. Они по воле автора меняют статус, например, одинаковым именем собственным называется и реально живший композитор и вымышленная Быковым река: «Ты про Глинку слышал?

– Как не слышать. «Жизнь за царя».

– Дурак ты, ваше благородие. Глинка – та, от которой Глинские пошли. Была такая река, варяги крепко ее жаловали. Михал Иваныч ихний специально в ее честь назвался. Это и есть правильное название Москвы-реки, его только истинное варяжество знает. Им, вишь ты, некрасиво казалось, что у них главная столичная река – Глинка. Но что от глины пошло, в глину и возвратится. А Неглинка останется, чуешь, историк?» [1, с. 115].

Особую роль играют в романе *имена-топонимы*, в частности, гидронимы. В романе встречается не менее восьмидесяти реальных топонимов, не считая многочисленных названий улиц, станций и линий метро в Москве. Кроме того, в тексте использованы мифологические топонимы: гора Сорочин, Сцилла и Харибда, Гиперборея и т.д. В романе часто встречаются названия вымышленных населенных пунктов, реже названия вымышленных рек, часть из них может быть отнесена к подкатегории *говорящих топонимов* (Блатск, речка Дресва.) Выше уже было рассмотрено обыгрывание наименования реки Неглинки. Указанные топонимы, помимо функции задания географического пространства, включаются в действие, сами становятся действующими героями. И в этом смысле наделение их говорящими именами также подчеркивает их функцию героев произведения. «Точного плана Дегунина никогда не мог составить ни один военачальник – обязательно обнаруживалась пара неучтенных домов, а иногда казалось, что деревня двигалась, не стояла на месте: тут улица изогнулась, там дом переехал... Дегунино пространство шутило странные шутки с гостями.

– Там за деревней дальше Дресва будет, – сказала Аша. – Речка. Она здесь начинается, далеко течет...» [1, с. 331]. Этот отрывок показывает активность действия героев с топонимическими именами, вплоть до их способности объединять пространство романа с пространством, в романе не описанном, но существующем, потому что в него уходят герои романа, покидая описанное в романе пространство.

Еще одним важным типом имен собственных в романе является *наименование романа и его частей*. Само название романа уже приглашает вступить в игру и предлагает множество ассоциаций. Только сам Д. Быков предлагает для рассмотрения такие варианты: железная дорога, живой дневник, желтый дом, жирный Дима, жаль денег, жизнь дорожает, жидкое дерьмо, жаркие денечки, жесткий диск и проч. В названии следует обратить внимание не только на аббревиатуру ЖД, но и на указание жанра – поэма. Вспомним еще одну известную в русской литературе поэму в прозе, а именно «Мертвые души» Гоголя, и сопоставим с вариантом расшифровки аббревиатуры, предложенной Быковым, – Живые души. Если вдобавок вспомнить, что Гоголь первоначально сокращал название своего произведения до аббревиатуры МД, то прослеживается идущий через века диалог о судьбах России.

Рассматривая структуру романа далее, нельзя не отметить, что первые две части имеют заглавия, обозначающие суперпозицию основных действующих сторон («Во стане русских воинов» и «Каганат»). Третья часть является именем-обороткой, «По Мозэму», как несущее намек на британского прозаика, так и дающее возможность понять его как переогласовку «по-моему». Уже сам этот прием намекает читателю, что можно воспринимать все написанное с одних, а можно с совершенно других позиций.

Четвертая часть первой книги, «Васька», имеет название, вписывающееся в стилистику названий второй книги, в которой название каждой главы является кодовым словом к ее содержанию.

Также следует обратить внимание на ритмичность наименования частей. В первой книге выделено четыре части, каждая из частей имеет собственное наименование, но при этом главы в пределах частей наименований не имеют. Вторая книга не имеет деления на части, в ней пятнадцать глав и эпилог, то есть общее количество структурных единиц то же, что и в первой части, но при этом уже каждая часть имеет собственное имя, которое, как отмечено выше, является «кодовым словом», указывающим на смену темы и предмета художественного изображения.

Кроме того, имена собственные в художественном произведении являются одним из связующих звеньев между автором, текстом и внетекстовой реальностью. Так, просматривается определенная

соотнесенность мировоззренческой позиции Быкова-журналиста с мировоззрением героев романа. Сейчас, после 2010 г., спустя несколько лет после завершения романа, Быков ведет на «Эхе Москвы» передачу «Один». Случайность это или совпадение с одним из имен богов, к которому не раз обращаются главные герои романа, – решать читателю.

При помощи имен собственных Быков задает в пространстве текста богатые и разнообразные возможности для ассоциаций и увязывания действия романа с реальностью современной России. Причем, с одной стороны, благодаря богатству и неоднозначности заложенных автором возможностей для возникновения ассоциаций и, с другой стороны, – ограничений на направление ассоциирования, связанных с уровнем образованности и эрудированности читателя, его культурными ориентациями, интертекстуальным опытом, возникающие ассоциации читателей будут существенно различаться. Эта возможность по-разному прочесть и понять текст, самому выбрать, что принять, а чем пренебречь, что воспринять как шутку, а что – всерьез, дарует читателю свободу выбора трактовки, и на это прямо указывает Быков в тексте романа: «Как известно, любой мыслитель предпочитает выстраивать то мироздание, в котором ему, с его комплекцией и темпераментом, наиболее комфортно» [1, с. 19]. Для читателя обилие имен позволяет в семантическом пространстве произведения, в мироздании, выстроенном Быковым, выделить свою комфортную зону.

Быков использует имена собственные для организации «фирменной ироничности», не просто применяя, но активно используя все те приемы, которые наработаны русской литературой. Создавая ироничность и пародийность романа, имена собственные также задают и его многослойность, мифологичность. «Луковица – это потому, что так все устроено. Человек – луковица, земля – луковица... Сдираешь, сдираешь, раз слой, два слой – а там ничего. Пусто там. Потому что не в человеке смысл, а там ...» [1, с. 149]. Столь активное и разнообразное использование огромного количества разноплановых имен собственных позволяет Быкову не только выстроить сложную структуру пространства, в которой совершается действие романа, но и показать взаимопроникновение разных элементов разных структурных уровней на все уровни. Пространство романа не просто многомерно, послонно, как лук, оно еще и пронизано сплошными порталами из одного измерения в другое, и этими порталами являются имена собственные. Еще одной характерной черной стилистики работы Быкова с именами собственными является многофункциональная с ними игра. Быков «выжимает» из имен собственных все, что они могут дать. Он заставляет их переходить из категории в категорию, выдает имя персонажа, как и его характеристику, по частям, предьявляя посредством изменения имени трансформацию,

произошедшую с героем (так, на 387 странице романа Громов обретает имя Максим, а Анька перестает быть Анькой, а становится Аней). Быков наделяет имя собственное множественностью прочтения (в именах-оборотках) и заставляет имя собственное стать именем нарицательным (васьки и машки).

Во многом благодаря именам собственным Дмитрий Быков умудряется из романа о бесконечной бессмысленной войне создать миф. Этнография нового времени считает современность плодотворным полем для мифологизирования. При этом ряд ученых вводит понятие неомифологизма, проявляющегося в творческом заимствовании древних мифологических мотивов и сюжетов, уподоблении художественного языка мифологическому праязыку с его полисемантизмом и ассоциативностью, создании собственных (авторских, идеологических) мифологических миров и образов.

Все это есть в романе Быкова, и большинство названных элементов введено в текст именно через имена собственные. Яркой «фирменной» чертой работы Быкова с этой категорией языковых единиц является закрепление за ними следующих функций: создание пространственно-временной и культурной системы координат, в которых происходит действие; формирование у читателя сложного комплекса ассоциаций (что несомненно доказывает, что у имен собственных в романе Быкова есть семантическое значение); формирование особой эстетики текста.

Сказанное позволяет с уверенностью утверждать: литературный оним выступает в пространстве художественного произведения ведущим языковым средством создания многовекторной интертекстуальности и способом существования имплицитной прецедентности словесного мифа. Что касается первого из этих положений, то указанные имена являются важнейшим фактором литературных аллюзий и реминисценций, вписываемых в общее исследовательское пространство категории интертекстуальности [2; 3; 4]. Что же касается второго положения, то, как мы писали ранее, факт прецедентности литературного онима «может быть понят и представлен в качестве одного из факторов воздействия смысловой энергии имени в тексте, в результате которого при непосредственном участии читательского восприятия происходит развертывание имени как мифа и символа, наполняемого смысловыми гранями эйдосов, имплицитно содержащимися в семантике онима и отсылающими читателя к сущностям предметов художественного изображения. Обязательным условием такого развертывания становится контакт между создателем и получателем текста в области текстового и сверткестового бытия имени, от взаимодействия которых зависит «считывание» и распознавание эйдетических слоев смысловой энергии

имени, а также векторов инвариантного и вариантного авторского и читательского восприятия судьбы имени (онима) [5, с. 104]».

Литература

1. Быков Д.Л. ЖД: поэма. М.: «Вагриус», 2006. 389 с.
2. Ишимбаева Г.Г. Интертекстуальность романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» // Вестник Башкирского университета. Т. 21. №4. Уфа, 2016. С. 1072-1076.
3. Ишимбаева Г.Г. Интердискурсивность романа Т. Манна «Доктор Фаустус» // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. Спецвыпуск 6. Москва-Нальчик, 2013. С. 239-247.
4. Ишимбаева Г.Г. Шекспировский дискурс в литературе русского постмодернизма (Вен. Ерофеев, В. Пелевин) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2016. С. 840-845.
5. Тимирханов В.Р. О понятии имплицитной прецедентности литературного антропонима // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире. Материалы III Международной конференции, посвященной памяти профессора Л.М. Васильева и профессора М.Г. Хайруллиной (Уфа, 8-9 декабря 2016 г.) / отв. ред. В.Л. Ибрагимова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 102-107.

УДК 81

Угольникова Юлия Рамилевна
Российский исламский институт
Mconer82@gmail.com

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УРБАНОНИМОВ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье освещаются структурно-семантические особенности урбанонимов города Каира. Выявлены мотивирующие аспекты номинации улиц, площадей и переулков. В работе рассматривается словообразовательная организация урбанонимов города Каира и выявляются наиболее частотные структуры.

Ключевые слова: урбаноним, топонимия, структурно-семантические особенности, арабский язык.

Главной особенностью города является отсутствие связи между предметами и номинациями. Более того, у некоторых объектов городского пространства есть только одно имя, а у других – несколько

вариантов, распределенных по различным областям использования языка. Поэтому основная функция урбанонимов – это выделенный объект среди ряда его приложений. Городские названия как языковые единицы несут в себе определенное семантическое значение, которое является вторичной функцией урбанонимов.

Материалом исследования послужили различные географические лексиконы, списки и справочники названий внутригородских объектов города. Источниками статьи являются названия существующих городских улиц. В данной работе проанализированы 50 урбанонимов города Каира, отобранных методом сплошной выборки в справочной литературе, путеводителях и грамматиках.

В данной статье для анализа топонимического материала мы будем использовать обобщенную классификацию лексико-семантических типов урбанонимов с учетом некоторых положений, встречающихся в работах М.В. Горбаневский [1], А.М. Мезенко [3] и А.В. Суперанская [5]. Анализ урбанонимов основывается на лексических и грамматических особенностях, связанных с городским топонимом. Соответственно, каждая из этих двух групп характеризуется своими типологическими особенностями.

В качестве критерия разделения урбанонимов, мотивированных собственными именами, мы выбрали соответствующее соотношение. В нашем исследовании мы опираемся на классификацию наиболее распространенных мотивировок выбора названий объектов городской топонимии, предложенную М.В. Горбаневским [1], [2]. В соответствии с этим основанием в топонимическом материале мы выделяем следующие группы имен:

- 1) урбанонимы, мотивированные антропонимами;
- 2) урбанонимы, мотивированные топонимами;
- 3) урбанонимы, мотивированные экклезионимами;
- 4) урбанонимы, мотивированные эргонимами;
- 5) урбанонимы, мотивированные другими урбанонимами;
- 6) урбанонимы, отражающие естественные особенности объекта;
- 7) урбанонимы, отражающие особенности того объекта, который они называют.

1. Урбанонимы, мотивированные антропонимами:

– в честь политических деятелей:

العزیز عبدAbdEl-Aziz, الحلميةAl-Helmiya, اليانسيةAliansah, الأشرافAshrafeya, برجوانBergoan, الجماليةEl-Gamaleya, المعزEl-Moez, فاروقFaroukTharwat, حسن صبريHassanSabrySt, مكرم عبيدMakramEbeid, مصر و نصوح, شارع محمد محمودMohammedMahmoud, إلMasrWeAlSodan, باشناNasohBasha, رمسيسRamses, شهابShehab, طلعت حربTalaatHarb, الوزيريةWazireya, يعقوبYaacoub;

- в честь писателей, поэтов, литературных критиков:
العقاد عباسAbbasElAkkad, الخليلي خانKhanel-Khalili;
- в честь деятелей искусства (музыкантов, художников, архитекторов, актёров):
بهاء الدينBahaaEl-Deen;
- в честь военных (участников военных конфликтов, летчиков и космонавтов):
البطل أحمد عبد العزيز MohiAlDinAbouAlEzz, العزيم
BatalAhmedAbdEl-Aziz, جوزيف تيتو JosephTito, صالح سالمSalahSalem;
- в честь деятелей науки:
شارع زويل AhmedZewail, كلوت بك ClotBek, الفلكي شارع الفلكي Elfalki.

2. Урбанонимы, мотивированные топонимами:

- урбанонимы, отражающие расположение объектов, присоединённых к черте города: в исследуемой группе урбанонимы не обнаружены.
- урбанонимы, отражающие расположение путей сообщения: в исследуемой группе урбанонимы не обнаружены.
- урбанонимы, отражающие расположение объектов физической географии (водных объектов, форм рельефа): в исследуемой группе урбанонимы не обнаружены.
- урбанонимы, созданные в честь какого-либо города: в исследуемой группе урбанонимы не обнаружены.

3. Урбанонимы, мотивированные экклезионимами (экклезионим – это собственное имя, связанное с религией):

الصليبيةAlSaleeba, الأزهرAlAzhar, الخليفةEl-Khalifa, الحسينيةHusseiniya.

4. Урбанонимы, мотивированные эргонимами (эргоним от греч. *ergo* «дело, труд, деятельность» – собственное имя делового объединения людей):

الخياميةAlKhayama, الكحكيينAlekhkyin, الصاعقة Alsanadqia, السيوفيةAlsaovih, الفحامينAlvahamin.

5. Урбанонимы, мотивированные другими урбанонимами: в исследуемой группе урбанонимы не обнаружены.

6. Урбанонимы, отражающие естественные особенности объекта:

- урбанонимы, отражающие расположение объекта относительно водных объектов:

الخليج بسعيدحالياً Al Qabisi& El-Khalig El-Masry.

- урбанонимы, отражающие расположение объекта относительно каких-либо участков земли, засаженных растениями:

الكافوريAlkavori, باب اللوقBabAlLouq;

- урбанонимы, отражающие расположение объекта относительно форм рельефа: в исследуемой группе урбанонимы не обнаружены;

– урбанонимы, отражающие расположение объекта относительно элементов планировочной структуры города:

عابدين Abdeen, الهرم AlHaram, العيني قصر AlKasrAlAini, المحطة AlMahatah, قصر بين الصورين BainElKasrain, قصر بين النيل KasrAlNile, سوق السلاح SoukAlSilah, نوال Nawal.

7. Урбанонимы, отражающие особенности того объекта, который они называют:

– урбанонимы, отражающие физико-географические особенности объекта:

الصلابة abelaSIA;

– урбанонимы, отражающие отсутствие имени у объекта: в исследуемой группе урбанонимов не обнаружены;

– урбанонимы, отражающие особенности объекта в связи с человеческой деятельностью: в исследуемой группе урбанонимы не обнаружены.

Для проведения полного анализа урбанонимов также необходимо использовать морфологическую (словообразовательную) классификацию, поскольку грамматический аспект играет существенную роль в процессе номинации.

Однако многие эксперты приходят к выводу, что все разнообразие урбанонимов не может быть сведено к одной схеме, поскольку за перераспределением такой классификации стоят многоязычные имена, прослеживаемые имена и сокращенные топонимы.

В данной статье предпринята попытка дать представление о словообразовательной организации урбанонимов города Каира.

Согласно структурной (морфологической) классификации топонимы делятся на 4 типа:

I – простые;

II – производные:

– с топонимами-названиями населенных пунктов;

– с наименованиями лиц, объединенных по социальному, профессиональному признакам;

– с топонимами-названиями частей города;

– с наименованиями микрообъектов;

III – сложные;

IV – составные:

– из двух имен прилагательных;

– из порядкового числительного и прилагательного;

– из субстантивированного прилагательного и двух имен существительных;

– из имен собственных по схеме – имя + фамилия.

В результате структурно-грамматического анализа выделены несколько основных урбанонимических типов названий географических объектов:

I. Простые. Безаффиксный тип. Количество простых урбанонимов значительно уступает количеству сложных и составных, а их этимологизация во многом невозможна, т.к. многие названия перешли из других языков и воспринимаются как чистая основа. Простые непроезженные названия состоят только из корневого слова без каких-либо служебных формантов.

В Каире таких урбанонимов 14% :

ذوالالwawN, عابدين needbA, الهرم maraH IA

II. Производные. Аффиксальный тип. Производные урбанонимы. Они образуются при помощи присоединения к корневой морфеме производящего аффикса или неморфологическим способом.

В Каире – 10%:

الHelmiya, Jawdrah, يدردوج, الياض hasnailA, الحلةية IA

III. Сложные урбанонимы. Они состоят из двух морфем, которые выступают в качестве основы урбанонима.

В исследуемой группе урбанонимов Каира такие урбанонимы не обнаружены.

IV. Составные. Урбанонимы-словосочетания. Представляют собой словосочетание, состоящее из двух и более частей речи.

В Каире таких обнаружено 76% :

أحمد صد بري yrbaS demhA, ب دنا قصرين niaB IE niarsaK, ك لوت بك Clot Bek, وتيتفي زوج Ibn Khaldon, نودلخناب Hassan Sabry, يربصنح Joseph Tito.

Согласно традиционной классификации в нашем материале достаточно четко выделяются простые, производные, сложные и составные урбанонимы. В количественном отношении преобладают субстантивные урбанонимы.

Несмотря на все имеющиеся различия в моделях, а также изменения в составе каирского топонимикона на протяжении тысячелетней истории, каждый урбаноним является уникальной топокультуремой, а каирская топонимическая система представляет собой целостное историко-культурное явление, в котором каждая эпоха оставила свой заметный след.

Результаты анализа топонимов Каира показывают, что наиболее частичными являются составные урбанонимы, их активное использование в процессе номинации имен собственных по схеме: имя + фамилия (см. рис.1). Также отмечается отсутствие в данном исследуемом поле сложных урбанонимов.

Названия-посвящения, которые представляют наибольшее количество топонимов в исследуемых городах, образуются в соответствии с совершенно разными типами и моделями. Таким образом, в Каире наиболее характерны словосочетания, состоящие из имен собственных.

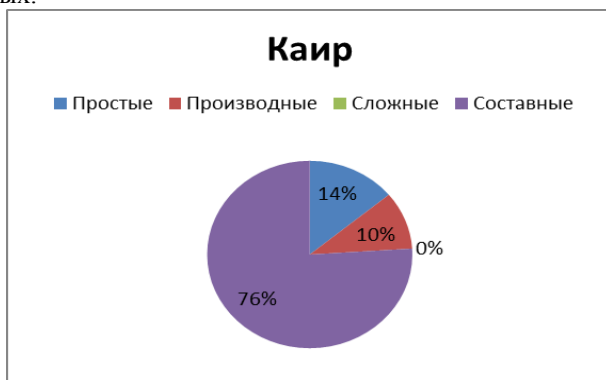

Рис. 1. Структурно-грамматическая классификация урбанонимов Каира

Литература

1. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: Об-во любителей рос. словесности, 1996. 304 с.
2. Горбаневский М.В. В мире имен и названий. Режим доступа: <http://padaread.com/?book=30521> (дата обращения: 12.09.2019).
3. Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии : автореферат дис. ... доктора филол. наук. Минск, 1991. 35 с.
4. Мильков Ф.Н., Бережной А.В., Михно В.Б. Терминологический словарь по физической географии. М.: Высшая школа, 1993. 288 с.
5. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с.
6. Miheev A.S. (1995) *Prakticheskajagrammatikaarabskogoazyka* [Practical Grammar of Arabic]. - К.: Izd-vo TGGI. 182 p.
7. الدكتور عيسى على إبراهيم. جغرافة مصر البشرية – الإسكندرية: دار المعرفة الجامعية, ١٩٩٩ – Айсa Али Ибрахим. Социально-экономическая география Египта / А.А. Ибрахим – Александрия: «Дар аль-Марифа аль-Джамия», 1999. 464 с. \١٩٧٠ – Рифле Филипп, Мустафа Ахмад Сами. География рабского мира. Каир, 1970.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ УЖАСНОГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается прием прозопографии как средство создания семантики ужасного на примере сборника произведений русских писателей XIX – начала XX в. Рассматриваются составные части прозопографии. В ходе исследования средства выражения прозопографии дополняются новыми единицами (прозопопея, антономазия, апозиопеза).

Ключевые слова: семантика ужасного, стилистические средства, прозопография, художественная литература.

Функциональный подход к изучению лингвистических явлений стал приоритетным со второй половины XX в. В лингвистике уже изучены и охарактеризованы многие функционально-семантические категории (аспектуальности, персональности, императивности и т.п.). В последнее время изучению подлежат не только ФСК, имеющие грамматический стержень, но и не обладающие таким стержнем в русском языке, например ФСК определенности – неопределенности, неизвестности [1], градуальности [4], умолчания [9]. В русле научной школы грамматики П.А. Леканта описана категория ужасного в диссертации Т.Ю. Алленовой.

Учёный характеризует функционально-семантическую категорию как «ирреальное ужасное», в которой «ужасное сливается с категорией ирреального, т.е. с противоречащим обычному, реальному, необъяснимым с точки зрения реальности» [2].

Полагаем, что функционально-семантическая категория ужасного определяется как самостоятельное значение, обладающее планом содержания (ужасное) и средствами выражения, находящимися на разных уровнях языка (лексическом, морфологическом, грамматическом). План выражения ужасного представлен лексемами и фраземами, стилистическими средствами (прозопопея, антономазия, прозопография, апозиопеза), графическими средствами (выделение курсивом, полужирным, подчёркиванием).

Целью нашего исследования явилось изучение стилистических средств выражения категории ужасного в русской литературе XIX – начала XX в. Материалом исследования послужила антология «Мистические произведения», содержащая повести и рассказы

русских писателей XIX – начала XX в. [6].

Средства передачи категории ужасного выявлялись методом сплошной выборки из одиннадцати произведений семи авторов (А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, В.Г. Короленко, А.П. Чехова, Ф.К. Сологуба, В.М. Гаршина). Антология, безусловно, не предоставляет всего многообразия средств передачи категории ужасного, не позволяет выявить частотность употребления, однако собрание произведений русских писателей дает возможность определить основные тенденции и ведущие языковые средства.

При описании вымышленного существа применяется такой стилистический прием, как прозопография. Термин прозопография, как портретное описание, упоминается в терминологическом словаре В.П. Москвина [8]. В работе М.Ю. Михайловой [7] выявлена связь прозопографии с функционально-семантической категорией невыразимого. Учёный говорит о том, что прозопография имеет свои средства выражения. Это неопределенные местоимения с аффиксами *не-* и *-то*, аудиальная и визуальная лексика, «отрицательные определения», субстантиват, имена собственные, окказиональные номинации.

Осуществленный нами анализ примеров прозопографии подтвердил результаты, полученные М.Ю. Михайловой, также позволил выявить другие стилистические средства категории ужасного, такие как антономазия, прозопопея, апозиопеза.

Пример прозопографии: (1) *И вот вдруг разверзлась могила моя. То есть я не знаю, была ли она раскрыта и раскопана, но я был взят **каким-то** темным и неизвестным мне **существом**, и мы очутились в пространстве(...).* (2) *Я знал, что оно имело **как бы** лик человеческий. Странное дело, я не любил это существо, даже чувствовал глубокое отращение* (Ф.М. Достоевский. Сон смешного человека).

В первой части представлен местоименный субстантиват *оно* в значении «небывалое существо» и неопределенное местоимение-прилагательное с аффиксом *-то*. Во второй части присутствует частица (*как бы*), имеющая значение предположительности. Пример: *Два страшные глаза прямо вперились в него, как бы готовясь сожрать его; на устах написано было грозное повеленье молчать* (Н.В. Гоголь. Портрет).

Семантика неизвестного выражена при помощи аудиальной лексики (*окликнул, засмеялся, пошепталась*). При помощи дескриптивной лексики автор создает образ лукавого искусителя: *И вдруг кто-то тихим, но вняттым голосом окликнул Мафальду (...). И недалеко от нее, в розовых кустах, откуда пахло так томно и нежно, засмеялся кто-то тихо, но таким звонким и сладким смехом, что от непонятной радости замерло сердце Мафальды. Вот только пошепталась она с лукавым*

искусителем и уже подпала под власть его поганых чар (Ф.К. Сологуб. Царица поцелуев).

В анализируемых нами произведениях выявлены узуальные номинации. Напр.: *призрак, ведьма, черт, русалка*. Пример: *Маленький, зелененький, шершавенький, с зелеными бровями и зелеными ресницами, он все ходит по комнатам, и ходит, и ворчит. Никто его не видит, кроме маленького Симочки* (Ф.К. Сологуб. Ёлкич). Нами обнаружена окказиональная номинация *Ёлкич*. В примере прозопографии дается визуальная характеристика вымышленного существа. Здесь речь идет, о дескриптивной лексике с так называемыми перцептивными значениями. Такая лексика обозначает всё, что может стать объектом сенсорного восприятия [8]. Напр.: свойства поверхности (*шершавенький*), цвет (*зелёный*), размер (*маленький*).

Она казалась тоже чем-то не совсем обыкновенным, каким-то палладиумом сада и здания. Пример с использованием имени собственного *Палладиум* (о саду, где растет красный цветок – Далии), которое в переносном значении означает «защиту, оплот, вещь, считающаяся святыней, приносящей счастье одному лицу или обществу» [5]. Этот пример можно охарактеризовать и как стилистическое средство – антономазия, которое «представляет собой стилистически значимое использование имени собственного в значении имени нарицательного» [8].

Героем повести В.М. Гаршина красный цветок был назван Ариманом: *Это было таинственное, страшное существо, противоположность Богу, Ариман, принявший скромный и невинный вид* (В.М. Гаршин. Красный цветок). Имя собственное *Ариман*, согласно мифологическому словарю, обозначает духа бедствий, источник зла, несправедливости, всех вредных сил природы; во всякое доброе начинание он может заронить зерно зла [5].

Средствами передачи ужасного выступает апозиопеза: ***Она приподняла голову... Он дико взглянул и протер глаза. Но она точно уже не лежит, а сидит в своем гробе. Он отвел глаза свои и опять с ужасом обратился на гроб. Она встала... идет по церкви с закрытыми глазами, беспрестанно расправляя руки, как бы желая поймать кого-нибудь*** (Н.В. Гоголь. Вий); ***И только он подумал это, как чорт захохотал на всю реку и разом взвился кверху... Мельник задрал голову, но через минуту чорт казался уже не больше вороны, потом воробья, потом мелькнул, как муха, как комарик... и исчез. А на мельника тут-то и напал настоящий страх: затряслись коленки, застучали зубы, волосы поднялись дыбом, и уж сам он не помнит хорошенько, что с ним было дальше*** (В.Г. Короленко. Судный день). Апозиопеза используется как средство умолчания.

Прозопопея заключается в наделении человеческими свойствами предметов, растений, животных и явлений природы: *Высокие, прекрасные деревья стояли во всей роскоши своего цвета, а бесчисленные листочки их, я убежден в том, приветствовали меня тихим, ласковым своим шумом и как бы выговаривали какие-то слова любви* (А.С. Пушкин. Гробовщик). *Он мог читать мысли других людей; видел в вещах всю их историю; большие вязы в больничном саду рассказывали ему целые легенды из пережитого* (В.М. Гаршин. Красный цветок). Все эти средства являются средствами передачи семантики невыразимого.

Немаловажно обратить внимание на наличие фигуры нарочитого алогизма, которая присутствует в материалах нашего исследования. При помощи такого стилистического средства, как оксюморон, авторы противопоставляют языковые единицы по признакам «прекрасное»/«ужасное»: *Он подошел ко гробу, с робостью посмотрел в лицо умершей и не мог не зажмурить, несколько вздрогнувши, своих глаз. Такая страшная, сверкающая красота!* (Н.В. Гоголь. Вий).

Он чувствовал бесовски сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение. В обоих случаях особую семантическую нагрузку получают прилагательные, значение которые переходят в другие смысловые рамки. Прекрасное становится ужасным, потому что прекрасное демонического происхождения.

Ему даже показалось, как будто из-под ресницы правого глаза ее покатилась слеза, и когда она остановилась на щеке, то он различил ясно, что это была капля крови (Н.В. Гоголь. Вий). В данном случае противопоставление происходит между метафорическими подлежащими *слеза* и *капля крови*. Где кровь вместо слезы – признак демонического начала (*панночка-ведьма*). Т.Ю. Алленова называет это явление синонимизацией (по цвету – красный), подмечая, что «в антонимические отношения могут вступать и синонимы, обозначая одно и то же явление действительности» [2].

Проведенное нами исследования категории ужасного и приема прозопографии в произведениях русских писателей XIX – начала XX в. позволило выявить дополнительные средства выражения прозопографии: антономазию, прозопопею, апозиопезу.

Литература

1. Акимова О.Б. Семантика неизвестности и средства её выражения в русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1999. 25 с.
2. Алленова Т.Ю. Категория ирреального ужасного и способы ее выражения в художественном пространстве Н.В. Гоголя (на материале языка повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород»):

автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2000. 23 с.

3. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М., 2015. 328 с.

4. Колесникова С.М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1999. 22 с.

5. Литературная энциклопедия / Под редакцией В.М. Фриче, А.В. Луначарского. [Электронный ресурс]. URL: <http://sbiblio.com/BIBLIO/content.aspx?dictid=149&wordid=1180145> (дата обращения: 29.10.2019).

6. Мистические произведения русских писателей. М.; Харьков, 2011. 384 с.

7. Михайлова М.Ю. Прием прозопографии. Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. М., 2015, №5. С. 45-51.

8. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: терминологический словарь. Ростов н/Д., 2007. 941 с.

9. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М., 2002. 307 с.

УДК 81'272

Хрущева Оксана Александровна
Оренбургский государственный университет
hrox@mail.ru

ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НАЗВАНИЯХ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье рассматривается проблема использования иностранных компонентов в названиях российских организаций. Тенденция заимствовать англоязычные слова для наименований компаний становится чрезвычайно популярной в российских городах, что идет в разрез с национальной языковой политикой и законом о защите русского языка. В рамках данной работы анализируются примеры корпоративных названий города Оренбурга, предпринимается попытка обоснования степени их рациональности.

Ключевые слова: заимствования, английский язык, языковая политика, названия организаций.

В современной городской среде на рекламных плакатах и вывесках мы нередко сталкиваемся с названиями организаций, написанными полностью на иностранном языке или имеющими в своей структуре заимствованные компоненты. В большинстве случаев горожане не

владеют иностранным языком в достаточной мере, чтобы понять семантику подобных наименований или обеспечить их верное прочтение. В результате возникает вдвойне негативное явление, а именно недопонимание и раздражение со стороны граждан, а также искажение корпоративных названий.

В связи с озвученной проблемой считаем обоснованным обратиться к тексту Федерального закона №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», который направлен на обеспечение использования государственного языка на всей территории страны, обеспечение права граждан на пользование государственным языком, защиту и развитие языковой культуры [1]. Согласно тексту названного закона государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию в деятельности организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства, а также в наименованиях организаций всех форм собственности [1].

Стоит сделать оговорку о том, что положения закона не распространяются на фирменные наименования и товарные знаки [1]; в таком случае иностранные названия компаний, осуществляющих свою деятельность по франшизе, являются обоснованными.

В составе иного блока корпоративных названий, которые не работают по франшизе, выбирают форму наименования самостоятельно и отдают предпочтение иностранным вариантам, можно выделить следующие подтипы:

1) оригинальные иноязычные названия (например, агентство цифровых технологий UpSky; туристическое агентство Dolce Travel; ресторан Red Lion);

2) русскоязычные названия на латинице (центр депиляции NeKaktus);

3) русскоязычные названия с иностранными компонентами (компания по организации общественного питания ОренФуд; пивной магазин ПроBEERка, BEERëза; компания по установке натяжных потолков Макс Силинг, Силинг Сити);

4) искаженные иноязычные названия (пивной ресторан IrishKIN PAB).

Проведенный психолингвистический эксперимент показал, что жители города Оренбурга в своем большинстве выражают негативное отношение к распространению иноязычных названий на улицах города, указывая в качестве типичных причин сложность восприятия, невозможность прочтения, непривычность подобных наименований. Однако стоит заметить, что иностранные слова на рекламных плакатах и вывесках не только нарушают комфорт городской среды, но и умаляют статус государственного языка, снижая мотивацию к его активному

повсеместному использованию, любовь и уважение к родной речи. Более того, с точки зрения лингвистики корпоративные названия, вошедшие в корпус примеров нашего исследования, в ряде случаев пишутся с орфографическими ошибками либо представляют собой перевод методом транскрипции и\или транслитерации с искажением норм. Таким образом, использование иноязычных единиц в качестве наименований организаций можно считать нерациональным, необоснованным, нарушающим языковую реальность и языковую политику государства явлением.

Литература

1. Федеральный закон от 01.06.2005 №53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации». Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-01062005-n-53-fz-o/> (дата обращения 20.11.2019).

УДК 811.161.1

Чернявская Надежда Анатольевна
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева
Chia20081@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ МЕТОНИМИИ

Статья посвящена исследованию когнитивного механизма метонимии в биноминативных предложениях с семантикой условного тождества. Обнаружено, что субстантивная метонимия способна выступать в функции предиката биноминативных предложений, продуктивна в разных типах дискурса и демонстрирует неограниченные возможности для интерпретации социально значимых явлений, моделируя структуру соответствующих общеязыковых концептов.

Ключевые слова: метонимия, когнитивный механизм, концепт, пропозиция, биноминативное предложение, предикативная функция.

Сущность метонимии заключается в переносе наименования на основе ситуативной смежности, сопричастности объектов и явлений.

Большинство лингвистов полагают, что субстантивной метонимии не свойственна предикативная функция. Так, Н.Д. Арутюнова пишет, что для метафоры естественно функционировать в сфере предиката, т.е. характеризовать предмет. Для метонимии, напротив, типично выполнение идентифицирующей, номинативной функции: метонимия называет, а не характеризует. Ср.: *Шляпа обернулась* (человек в шляпе, метонимия) и *Он ужасная шляпа* (растяпа, метафора) [2, с. 352]. С.С. Неретина

утверждает: если метонимия «вступает в предикативные связи, она превращается в метафору» [3, с. 256].

На наш взгляд, субстантивная метонимия вполне может характеризовать предмет, лицо или явление, т.е. выступать в функции сказуемого, – в предложениях особого типа. Это биноминативные предложения с семантикой условного тождества, в которых и подлежащим, и сказуемым является имя существительное. Например: *Война – это пот, грязь, кровь* (Т); *Судьба – это характер* (В. Токарева); *Воспитание – это терпение* (КП); *Деньги – это свобода, пространство, капризы...* (С. Довлатов); *Должность – это власть, почёт, внимание, трибуна* (КП); *Всем известно, что театр – это опера и балет, концерт – это скрипка, рояль и виолончель, цирк – это лошади, собачки и клоуны* (Д. Сабитова); *Бабушка – это ласка, нежность, пирожки и сказки* (ИФ); *Женщина – это всё еще илляция* (Т. Толстая).

Подобные высказывания нельзя понимать буквально: бабушка – это не пирожки, а деньги – это не пространство. Семантики прямого отождествления здесь нет, как нет и сходства, подобия, свойственного метафоре. Во всех примерах в качестве сказуемого выступают названия реалий, ситуативно связанных с характеризующим объектом или явлением. Важно, что эти существительные представляют собой свернутую пропозицию, т.е. содержат информацию о целой ситуации и замещают развернутую предикативную конструкцию: Бабушка – это человек, который печет пирожки, рассказывает сказки, относится к внукам с лаской и нежностью; Деньги – это средства, наличие которых предоставляет человеку известную свободу действий, возможность перемещаться в пространстве и удовлетворить любой каприз. Воспитание – это процесс, который требует терпения и т.д. Говорящий извлекает из памяти пропозицию, стереотипное, эталонное знание о ситуации, и отбирает один или несколько ее компонентов, которые, с его точки зрения, наиболее точно и емко характеризуют ситуативно смежный компонент – реалию, названную подлежащим. В данном случае метонимия не ведет к образованию нового лексического значения, она реализуется на синтаксическом уровне, на уровне структуры высказывания, и проявляет себя как особый механизм мышления.

Несмотря на семантическую неоднородность предикативных имен (среди них есть конкретные и абстрактные), используемые модели интерпретации типичны и регулярны.

Субъект отождествляется с объектом, на который направлена его деятельность, с выполняемой деятельностью, с эмоционально-психологическим состоянием, с принципиальным качеством и отношением к другим людям: *Интеллигент – это независимость мысли* (Д. Лихачев); *Врач – это ответственность* (ИФ); *Летчик – это воля, характер, умение идти на риск* (С. Вишенков); *Брат – это защита*

(ИФ); *Джулиан Ассанж – это тонны невероятных разоблачений, США, нефть, скандалы, интриги, расследования* (КП).

Имя процесса, события вызывает представление об эмоциях, сопровождающих процесс, о качествах субъекта процесса, необходимых для его осуществления, об эмпирических проявлениях процесса, его атрибутах и инструментах: *Работа – это радость* (КП); *Компромисс – это всегда подлость, это всегда трусость* (РР); *Кризис – это дешевая нефть* (КП); *Наука – это эксперимент* (РР).

Место отождествляется с процессом, состоянием окружающего мира, эмоционально-психологическим состоянием субъекта и самим субъектом: *Вокзал – это встречи и расставания, это надежды и разочарования* (РР); *Страна – это люди* (КП); *Город – это шум и суета* (ИФ).

Время ассоциируется с происходящим процессом, его объектом, эмоциями субъекта в этот период: *Утро – это горячий кофе* (ИФ); *Лето – это отпуск* (ИФ).

В то же время потенциал метонимических отношений принципиально неограничен, охватывает самые разнообразные ассоциативные связи: *Родина – это очень много. Это и тропинка с бродом через ручей, и пространство в одну шестую всей земной карты. Это самолёт в небе, и птицы, летящие на север над нашим домом. Родина – это растущие города и малые, в десять дворов, деревеньки. Это имена людей, названия рек и озёр, памятные даты истории и планы на завтрашний день. Это ты и я с нашим миром чувств, нашими радостями и заботами* (В. Песков).

Обычно такие высказывания легки для понимания, поскольку они ориентированы на общеизвестные фоновые знания, коллективный опыт носителей языка. Однако в ряде случаев метонимический предикат вызывает неоднозначность интерпретации. Например: *Женщина – это масса хлопот* (РР) – у женщины масса хлопот, или она доставляет кому-то массу хлопот? Или: *Книга – это опыт* (КП) – создавая книгу, писатель отражает в ней накопленный опыт (актуализируется семантика условия процесса) или читатель, читая книгу, приобретает опыт (актуализируется семантика следствия)?

Рассматриваемые нами высказывания широко распространены в разных типах дискурса: медийном, художественном, разговорном, детском.

В детской речи отчетливо прослеживаются эмпирические основания интерпретации, в которой используются, главным образом, конкретные имена чувственно воспринимаемых реалий: *Весна – это ручьи; Пустыня – это кактусы; Завод – это большая труба; Холодильник – это мороз*.

Разговорная речь взрослых носителей языка демонстрирует максимальную степень компрессии высказывания, которое изначально содержало несколько пропозиций. Поэтому для адекватного понимания необходимы мыслительные усилия и общие для собеседников фоновые знания: *Соль – это почки* – о продукте, употребление которого вредно для почек; *Сыр – это кальций и зубы* – о продукте, употребление которого полезно для зубов, т.к. он содержит кальций; *Холст – это масло* – холст – идеальная основа для живописи масляными красками; *Езда – это нервы, а нервы – это давление* – об управлении автомобилем.

Интересно, что ряд примеров отражает взаимодействие дискурсивной метонимии, которая возникает в контексте, и лексической метонимии, закрепленной в системе языка. В предложении *Холст – это масло* слово *масло* обозначает масляные краски. В предложении *Езда – это нервы* лексема *нервы* имеет значение «нервное напряжение». Эта особенность характерна и для публицистики. Так, в примере *Должность – это трибуна* оба слова употреблены в метонимическом значении: *должность* – в значении «высокая, руководящая должность», *трибуна* – в значении «право выступать публично, влиять на массовое сознание».

В художественном стиле наблюдаем усиление субъективного, ассоциативно-образного начала, актуализацию семантики неопределенности, неуверенности, непредвиденного изменения: *Осень нам казалась кружкой чая, шляпой и растянутым пальто* (Е. Чемякин); *Пробуждение обернулось одиночеством, нищетой, отчаянием* (А. Эфрон); *Вся история их любви превратилась в письма* (В. Каверин). Часто выбор предиката подчинен настроению писателя, поэтому даже у одного автора при характеристике одного и того же явления можно встретить противоположные по семантике и коннотации контексты. Ср. фрагменты текстов Л. Я. Гинзбург: *Зима – это сияющая красота, легкое дыхание, нежный снег, нежный мех...* и *<...> зима – это тьма, ведра, замерзшие и тяжелые как камень; это холод, всегда холод, от которого ноет сердце.*

Рассматриваемые нами высказывания обладают высоким прагматическим потенциалом. Во-первых, они демонстрируют экононый, афористичный способ мышления. Во-вторых, они отражают стереотипные представления определенной категории людей и целого социума: *Для молодежи ВДНХ – это аттракционы, кафе, огромные плюшевые медведи* (КП); *Для зрителя балет – это красивый танец, а на самом деле это огромный физический труд!* (КП); *В представлении Запада Россия – это водка и медведи...* (КП). В-третьих, метонимические высказывания предоставляют неограниченные возможности для субъективной, индивидуальной интерпретации социально значимых явлений: *Новый год – это ожидание чуда* (КП); *Новый год – это*

радость, спокойствие, вера в будущее (КП); *Новый год – это беготня по слякоти, с дымящимися подошвами* (КП); *Для вас, детей, Новый год – это Дед Мороз, подарки, сладости, ёлка. А для взрослых это трата денег, многочасовая готовка и тотальная усталость* (РР). Множественность интерпретаций определяется принципом избирательности внимания, значимостью для говорящего одних компонентов ситуации и игнорированием других. В ряде контекстов подчеркивается неоднозначность явления и объективная сложность выбора его предикативного признака: *Переезд для творческого человека – это риск или шанс?* (РР); *Ревность – это любовь или эгоизм?* (ИФ); *Сталин – это массовые репрессии или Великая Победа?* (КП).

И, наконец, рассматриваемые высказывания предполагают выход на общезыковую картину мира, на систему ценностей, на национальное коммуникативное поведение. В качестве и подлежащего, и сказуемого функционируют ключевые для русского сознания концепты. Это социальные концепты (*деньги, жизнь, свобода, риск, угроза, дружба, родина, наука*), оценочные эмоционально-психологические (*ужас, страх, глупость, удовольствие, любовь, ревность*) и этические концепты (*подлость, обман, эгоизм*). В разных интерпретациях в совокупности представлена структура концепта в русском языковом (коллективном) сознании. Такие высказывания по сути моделируют его содержание: *Война – это разруха; Война – это боль; Война – это кровь; Война – это страх; Война – это голод и грязь; Война – это жертвы; Война – это слезы и страдания* (РР). Или: *Наука – это прежде всего точная, проверяемая аргументация* (Т); *Наука – это творчество, это борьба мнений* (О. Лаптева); *Наука – это исследование, предположение, эксперимент* (Д. Храбровицкий); *Наука – это истина* (ИФ); *Наука – это знание* (М. Анчаров); *В глазах чиновников наука – это здания на центральных улицах, площадях, короче говоря, стены* (НР); *Наука – это престиж и власти, и страны* (Т); *Наука – это будущее* (КП).

По мысли Н.Д. Арутюновой, слова-номинации классифицируют то, что «существует в мире»; предикатные слова выражают то, что мы «думаем о мире» [1, с. 342.]. Метонимические номинации синкретичны: в функции сказуемого они обозначают то, что существует в мире, но их отбор – следствие интерпретирующей и оценочной деятельности говорящего.

Условные сокращения:

КП – Комсомольская правда; НР – Новый регион; Т – Труд-7; РР – разговорная речь; ИФ – интернет-форумы.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Неретина С.С. Тропы и концепты. М., 1999.

АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛЮРИЦЕНТРИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются возможности изучения языков, развивающихся в разных ареалах, в разных коммуникативных средах. Такие языки называют плюрицентрическими (ПЯ). Являясь единой макросистемой, ПЯ существует во множестве вариантов. Отслеживая жизнь единого ПЯ, исследователь должен рассматривать параллельно все эти варианты. Сопоставление производится по единой схеме. Русский язык (РЯ) тоже признан плюрицентрическим, потому такая исследовательская модель актуальна для современной социорусистики. Во многом она основывается на опыте анализа других ПЯ.

Ключевые слова: модель, плюрицентрический язык, аспекты исследования, кодифицированная норма, некодифицированная норма, языковая ситуация с плюрицентрическим языком.

Известный американский ученый Р. Купер в 70-е годы XX века отмечал, что распространение языков только начинают изучать. Нет общего ядра, общих рамок для сравнения разных учений [6, с. 6]. С тех пор в исследовании языковой «миграции» заметен существенный прогресс. Значительное влияние на изменение модели исследований оказало введение в научный обиход понятия плюрицентризма языков. Плюрицентрическими называют языки, имеющие несколько центров развития, в которых формируются варианты. Каждый центр имеет свои собственные кодифицированные нормы. Такие языки отличают трансграничность и то, что этническая и языковая идентичность носителей не всегда совпадают. Добавим, что аргументом в пользу плюрицентризма являются также пиджинизация, креолизация на основе доминирующего идиома, а также его способность служить лингва франка.

Теперь уже ни у кого нет сомнения в том, что русский язык тоже является плюрицентрическим. Основанием для признания русского языка плюрицентрическим служит присутствие всех этих признаков, за исключением одного:

- 1) имеет несколько центров развития;
- 2) этническая принадлежность и язык могут не совпадать;

- 3) при лексикостатистическом измерении в словаре вариантов и инварианта обнаруживаются значительные расхождения;
- 4) имеются отклонения в моделях словообразования;
- 5) изменение коммуникативных норм;
- 6) участие в пиджинизации (руссенорск) [5, с. 200].

Отсутствует одно условие – кодификация норм вариантов. Однако на этот счет имеются различные суждения. Р. Шмидлин замечает, что плюрицентрический подход подразумевает сосуществование вариантов, нескольких центров развития, в каждом из которых закрепился свой национальный вариант, опирающийся на кодифицированную или некодифицированную норму [2, с. 56-59]. Замечание об учете некодифицированной нормы весьма важно, т.к. до недавнего времени в расчет брали лишь кодификацию.

Данные типы норм предлагается различать по отношению к вариантам немецкого языка: *Vollzentren* и *Halbzentren* (У. Аммон). *Vollzentren* – это центры с внутренней кодифицированной нормой (Германия, Австрия и германоязычная Швейцария), *Halbzentren* не располагают кодифицированной языковой нормой (Люксембург, Лихтенштейн, Южный Тироль и Восточная Бельгия). Т.В. Клюева дифференцирует *Kode-Zentren* для Германии, Австрии и Швейцарии, «выработавших собственную языковую норму», и *Usus-Zentren* «для стран и регионов, где нет национального кода, а имеется только коллективный узус, закрепленный в национальном языковом сознании» [см.: 3, с. 17-18].

Сейчас образовалось несколько островов (постсоветские страны) все еще активного или относительно активного использования русского языка, несмотря на политические условия, которые ведут к сужению его применения. Кроме того, выросли русскоязычные диаспоры в дальнем зарубежье, где функции РЯ минимальны. За 20 лет, прошедших после распада СССР, появились новые категории пользователей русского языка, соответственно, формируются новые варианты РЯ в условиях тесных контактов с разносистемными языками. Исследовательская модель плюрицентризма предполагает параллельное рассмотрение жизни единого языка в разных условиях, формах существования. Она требует упорядочения алгоритма описания, набора параметров анализа. Однако не все аспекты проблемы исследованы полно. Это объясняется тем, что каждый исследователь больше внимания уделяет тем вопросам, которые актуальны для знакомой ему ситуации. Интеграция знаний может быть произведена посредством комплексного и многоаспектного анализа как имеющихся трудов, так и эмпирической базы.

Одна из опасностей, подстерегающих ученых, которые занимаются проблемой существования русского языка в новых

геополитических реалиях, заключается в том, что языковой вопрос является чрезвычайно политизированным во многих странах. Продвижение в информационном поле манифестативных идей определенных партий, политических сил опирается на аргументативную базу, формируемую научными трудами. Таким образом, наука тоже участвует в манипулировании общественным сознанием. Потому отдается предпочтение точным методам исследования. Так, моделирование обеспечивает более объективный отбор параметров. Отступление от оценочных суждений и эмоциональности, формальное представление информации – одно из условий надежности результатов. Формальные средства столь показательны, что позволяют отразить самые разные аспекты такого сложного понятия, как языковая ситуация с ПЯ. Как показывает известный российский лингвист В.З. Демьянков, «формальный аппарат теории модифицируют не столько оттого, что в поле зрения исследователя попадают новые явления языка, сколько в надежде достичь более высокого уровня обобщения» [1, с. 243].

Когда мы говорим о распространении ПЯ, имеем в виду поведение языка. Оно рассматривается с трех точек зрения.

1) Форма – приобретение структурного сходства с контактным языком.

2) Функция рассматривается в аспекте цели распространения языка. Выбор языка в полиэтническом сообществе отражает социальную или этническую идентичность и социально-культурные ценности. Основными критериями классификации функций являются следующие:

а) степень владения языком, навыки общения на нем;
б) распространение между группами или внутри группы;
в) экономические, политические, культурные, религиозные факторы [6, с. 9];

г) символическая роль, символ идентичности.

3) Купер отмечает проницаемость, которая отражает степень открытости языка или его варианта [6, с. 9]. Здесь возможны две тенденции: адаптация или сопротивление. Иначе говоря, данный параметр характеризует степень сохранности импортированного языка.

Другой исследователь, Lewis E., говорит, что распространение языка – это метафора, на самом деле, растет число людей, освоивших язык [8, с. 17].

При всем разнообразии подходов к описанию ПЯ есть то, что их объединяет. Описание ПЯ отличается от традиционного, рассматривающего линейное развитие, тем, что в его основе лежит идея многолинейного развития единого языка, его существование в ряде вариантов, которые приобретают дифференциальные признаки.

Следовательно, отслеживается дисперсное функционирование единого языка в его динамике. В сложной динамике развития языков различают сопоставления: пространство – этносы, система – процесс, синхрония – диахрония, изменения – сохранение единства языка. Далее модель анализа строится по принципу расширения, которого придерживался Маршалл Маклюэн, призывавший «отказаться от идеи линейного развития и принять идею многолинейного развития как поступательную интеграцию множества отдельных элементов» [4, с. 10]. Маршалл Маклюэн утверждает, что эволюция человечества обусловлена расширением. Эволюция языка также происходит вследствие расширения – географического пространства, коммуникативной среды.

Исследовательская модель языковой ситуации с плюрицентрическим языком (ЯСПЯ), во-первых, учитывает центр и все процессы, происходящие в нем, – от девиации к развитию плюрицентризма [7, с. 3]. Вторая особенность заключается в том, что во внимании исследователя должны быть одновременно динамика, рассматриваемая как развитие языка во времени и его распространение в пространстве, и статика, т.е. существование языка в синхронном плане, это функционирование языка. Кроме того, в исследовательской модели ЯСПЯ представлено взаимодействие с другими языками в разных центрах его существования, что и составляет развитие – последовательный, причинный и непрерывающийся процесс изменения языка.

Единая модель описания может включать в себя аспекты, отражающие жизнь языка.

1) Историко-социальные, политические условия утверждения плюрицентрических языков в разных ареалах; экономические, военные, политические, религиозные, миграционные и др. факторы, влияющие на функции ПЯ;

2) Социально-демографический и ареальный блок: число говорящих; компактность расселения; расселение по признаку село/город.

3) Статусно-правовой блок: законодательная фиксация статуса языка; комплекс мер по поддержанию или игнорированию языка.

4) Языковой блок: корпусные характеристики языка; актуальное состояние языка; формирование норм, проблема кодификации; энтропия нормы; взаимное влияние языков: языковая диффузия, т.е. изменения в системе языка, и речевая мутация – влияние контактного языка, проявляющееся в речи индивидов; языковые контакты, билингвизм.

5) Функционально-коммуникативный блок: сферы употребления; функциональные типы русской речи; изменение коммуникативных норм; на основе квантитативного анализа изучается проявление

разнообразных категорий, относящихся к стилистическим, аргументативным и др. сторонам речевой коммуникации.

6) Демоскопический блок: медиа- и социальные исследования, изучение общественного мнения, опросы, анкетирование, их эффективность и надежность.

7) Аксиологические проблемы изучения языковой ситуации: языковая лояльность/языковой нигилизм; аксиологические аспекты изучения дискурса о языковой политике; аттитюды, рефлексивы по поводу развития языка; лингвоконфликтологические факторы. Данный аспект исследования является одним из важнейших в западной лингвистике, в исследованиях русского языка постсоветской эпохи категория идентичности применяется сравнительно недавно.

8) Гуманитарно-личностный аспект: отношение индивидов к языку и языковой ситуации; языковой комфорт/дискомфорт; язык как признак идентичности.

9) Лингводидактические аспекты языковой ситуации: дву-полиязычное образование; учебно-педагогический статус языков.

10) Лингвокультурный блок: вопросы влияния культуры на языковую ситуацию.

Данная модель является открытой и постоянно пополняется. Важно, чтобы сравнение вариантов производилось по единой модели, что позволит представить развитие плюрицентрического языка как единой макросистемы в разных ее проявлениях.

Литература

1. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239-320.

2. Кириллина А., Гриценко Е. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации // Власть. 2015. № 5. С. 56-59.

3. Клиенкова И.Б. Лексико-грамматические свойства субстантивных словосочетаний в швейцарском варианте немецкого литературного языка (по материалам прессы): дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 188 с.

4. Маклюэн Г.М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-центр, 2003. 206 с.

5. Шайбакова Д.Д. Типологические признаки плюрицентрических языков // Плюрицентрические языки. Справочно-аналитические материалы / под. ред. Д. Шайбаковой. Алматы, 2015. С. 185-203.

6. Cooper L.A Framework for the Study of Language Spread // Language Spread. Studies in Diffusion and Social Change. Edited by Robert L.

Cooper. Washington, 1982. P. 5-36.

7. Clyne M.G. (ed.). Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations. Contributions to the sociology of language. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1992. 481 p.

8. Lewis E. Multilingualism in the Soviet Union. Aspects of Language Policy and its Interpretation. The Hague: Mouton, 1972. 332 p.

УДК 81`367.625

Шигуров Виктор Васильевич

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

shigurov@mail.ru

ЧЕТЫРЕ СТАДИИ МОДАЛЯЦИИ ГЛАГОЛА В ФОРМЕ 3-ГО ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Объектом исследования является транспозиционный механизм модалыции финитных глаголов в русском языке. Основная направленность работы состоит в выявлении разных стадий (этапов) транспозиции глаголов в форме 3-го лица единственного числа в межчастеречный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных слов и выражений. Определяются контекстуальные условия сближения финитных глаголов в вводно-модальной функции с междометиями и частицами. Результаты исследования могут быть использованы при создании транспозиционной грамматики русского языка.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, транспозиция, модалыция, глагол, вводно-модальная единица, шкала переходности, ступень.

Модалыция представляет собой особый тип функциональной и функционально-семантической транспозиции языковых единиц из разных частей речи в межчастеречный семантико-синтаксический разряд слов и выражений с семантикой субъективной модальности (о разных типах, ступенях и пределе транспозиции языковых единиц в системе частей речи и межчастеречных разрядах предикативов и вводно-модальных единиц см.: [1–9; 13–26]). В процесс модалыции вовлекаются слова и словоформы разной категориальной принадлежности, эксплицирующие в типовых контекстах ту или иную степень приближения к вводно-модальным единицам, в том числе и глаголы в формах предикативной (*надеюсь, боюсь, представляешь, разумеется, говорят* и т.п.), полупредикативной (*судя по всему, честно говоря* и т.п.) и субстантивной репрезентации (*признаться, видать, слышать* и т.п.). Особую группу среди них образуют

глаголы в формах 3-го лица единственного числа типа *кажется*, *разумеется*, *значит*, способные в определенных условиях речи выражать точку зрения субъекта модуса, оценивающего сообщаемое.

Финитные формы глаголов типа *кажется* демонстрируют четыре стадии модаляции, манифестируя ядерный глагол (1), периферийный глагол (2), гибридные, глагольно-модальные структуры, соотносительные с двумя подступениями на шкале переходности (3а) – (3б) и периферийную отглагольную вводно-модальную единицу в одиночной обособленной позиции или в составе устойчивого оборота (4). Проиллюстрируем разные стадии модаляции на материале типовых контекстов употребления словоформы; примеры взяты в основном из Национального корпуса русского языка; URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 06.07.2019) [10]:

(1) Мне **кажется** это решение наиболее правильным; Такое положение дел **кажется** вполне приемлемым;

(2) Мне **кажется**, что осторожная формулировка ближе всего к истине (Ю. Домбровский. Хранитель древностей); **Кажется**, что два мощных сизых крыла распахнулись над городом – держат его в воздухе и не дают упасть (Ю. Домбровский. Хранитель древностей);

(3) (а) Общение с конармейцем было весьма похоже на общение моё с щелкунчиком. Возможно, это и нескромно, но мне **кажется** – оно было взаимным обогащением (В. Катаев. Алмазный мой венец);

(б) **Кажется**, автор этого письма сейчас уже покончила с юношескими приключениями и благополучно причалила к берегу в пределах Солнечной системы (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп); Мне **кажется**, тяжёлый характер деда был результатом своеобразного воспитания (С. Довлатов. Наши);

(4) Тут есть, мне **кажется**, над чем подумать (С. Довлатов. Виноград); Кто-то из писателей, **кажется**, Достоевский, сказал: человек – существо, ко всему привыкающее, и это лучшее его определение (И. Грекова. Без улыбок).

Все стадии модаляции словоформы *кажется* имеют чисто функциональный (грамматический) характер: они не приводят к нарушению семантического тождества глагольной лексемы *казаться*. При модаляции такого типа образуются исключительно грамматические омонимы типа *кажется* (глагол) (1) и *кажется* (вводно-модальная единица) (4).

Ср. также контексты употребления омонимов, возникших в результате модаляции словоформы *казалось бы*:

(5) ... Он должен был быть блестящим стилистом, чтобы его произведение заставляло поплёкнуть все прочие «тантры» и чтоб при появлении новых нисхождений и альтернатив оно **казалось бы**

«неколебимым» эстетически весьма прихотливой индийской интеллектуальной аудитории (В. Лысенко. Классическая индийская философия в переводах и исследованиях российских ученых);

(6) *Этот, казалось бы, простенький вопрос почему-то расстроил сидящего, так что он даже изменился в лице* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Добавим, что на подступени гибридности [аб / г(лаг) м(од) 2] (см. примеры 3б) одиночная словоформа *кажется* в препозиции подвергается двум транспозиционным процессам – модалации и партикуляции, а при употреблении в качестве ответной реплики диалога (нечленное слово-предложение) полностью транспонируется в субъективно-модальную частицу, выражающую неуверенное подтверждение в диалоге (см.: [12, с. 259]):

(6) *«Он придет?» – «Кажется».*

В эмоционально-окрашенных высказываниях, передающих чувство раздражения автора речи по поводу слов, поведения кого-либо, наблюдается сближение словоформы *кажется* в обособленной вводно-модальной позиции с эмоциональными междометиями, т.е. ее «включенность» сразу в два процесса – модалацию и интеръективацию:

(7) *Помолчите немного, я вас не трогал, кажется!*

По мнению Ю.Д. Апресяна, в одиночном вводном употреблении словоформа *кажется* может быть близка к эмоционально-экспрессивным и субъективно-модальным частицам, выражающим, в частности, недоумение, недопонимание; синоним: *вроде* (см.: [11, с. 461]):

(8) *Я, кажется, два раза уже просил не спать на полатах в кухне – тем более днем?* (М. Булгаков. Собачье сердце); *Чего вы ко мне пристаёте, я вас, кажется, не трогаю.*

Основные этапы транспозиции финитных глаголов в форме 3-го лица ед. числа типа *кажется, представляется, думается, сдается* в разряд вводно-модальных слов и выражений можно показать с использованием звеньев шкалы переходности. Как и во многих других случаях, исходным пунктом модалации для глаголов вроде *кажется* мы признаем ядерный глагол *кажется*, употребляемый в двусоставном предложении.

Звено (ступень) [А / Г(лаг)] на шкале переходности манифестируют контексты употребления прототипического глагола *кажется* в функции предиката двусоставного предложения в значении ‘иметь вид, производить впечатление’:

(9) *Такой подход к проблеме мне кажется вполне оправданным; Он кажется моложе своих лет.*

Звено (ступень) [Аб / Г(лаг) м(од)] на шкале переходности демонстрируют контексты предикативного употребления периферийного

финитного глагола *кажется* в неполной односоставной (безличной) главной части сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным (чаще с союзом *что*):

(10) (а) *Мне кажется, что такой подход к проблеме вполне оправдан;*

(б) *Кажется, что такой подход к проблеме вполне оправдан.*

Степень [аБ / г(лаг) м(од)] на шкале переходности эксплицируют контексты препозитивного употребления гибридных, глагольно-модальных образований (*кажется*), не имеющих формальных средств связи с последующим фрагментом речи. Это имеет место в двух типах конструкций, которым соответствуют две подступени общей зоны гибридности на шкале модалажи.

Подступень [аБ / г(лаг) м(од) 1] представлена гибридом первой предикативной единицы в составе бессоюзного сложного предложения с пояснительными отношениями между предикативными частями; знак препинания – двоеточие:

(11) (а) *Мне кажется: такой подход к проблеме вполне оправдан;*

(б) *Кажется: такой подход к проблеме вполне оправдан.*

Подступень [аБ / г(лаг) м(од) 2] эксплицируется гибридом переходной конструкции, совмещающей свойства бессоюзного сложного и простого осложненного предложения с обособленным вводно-модальным компонентом; между гибридом и остальной частью высказывания – запятая:

(12) (а) *Мне кажется, такой подход к проблеме вполне оправдан;*

(б) *Кажется, такой подход к проблеме вполне оправдан.*

Звено [аБ / г(лаг) М(од)] на шкале переходности представляют контексты интер- и – реже – постпозитивного употребления периферийного вводно-модального слова (выражения) *кажется*, не нарушающего семантического тождества исходной глагольной лексики *казаться*:

(13) (а) *Такой подход к проблеме, как мне кажется, вполне оправдывает себя;*

(б) *Такой подход к проблеме, мне кажется, вполне оправдывает себя;*

(в) *Такой подход к проблеме, кажется, вполне оправдывает себя.*

Именно зона периферии вводно-модальных слов и выражений служит конечным этапом для функциональной модалажи глагольной словоформы *кажется*. В отличие от форм повелительного наклонения глаголов *пожалуй, поди*, а также императива *кажись, кажется* выступает только в роли грамматического омонима по отношению к исходному глаголу (*кажется*). Для сравнения приведем контексты употребления

функциональных (14а,б) и функционально-семантических омонимов (15а,б):

(14) (а) *Он кажется моложе всех в группе* ('производит впечатление самого молодого');

(б) *Он, кажется, моложе всех в группе* ('по-видимому').

(15) (а) *А теперь кажись всем, пусть посмотрят на тебя!* ('показывайся');

(б) *Мы, кажись, где-то встречались* ('по-видимому').

В заключение отметим, что словоформы типа *кажется, значит, извините* при движении в сторону вводно-модальных единиц могут оказаться в зоне притяжения не только исходного глагола и производного вводно-модального слова (выражения), но и взаимодействующих с ними частицами, союзами и междометиями.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00013.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
2. Баудер А.Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982. 184 с.
3. Воротников Ю.Л. Степени качества в современном русском языке. М.: Азбуковник, 1999. 281 с.
4. Воротников Ю.Л. Местоимения как языковые катализаторы // Филологические науки. 2001. № 5. С. 42-49.
5. Калечиц Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи: (межкатегориальные связи). Свердловск: Изд-во Урал ун-та, 1990. 160 с.
6. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент: Изд-во "Фан", 1978. 228 с.
7. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57-71.
8. Лукин М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке. Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 1973. 100 с.
9. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности. Бельцы, 1971. 199 с.
10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 06.07.2019)

11. Новый объяснительный словарь русского языка. 2-е изд, испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа. Языки славянской культуры, 2003. 1299 с.

12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.

13. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

14. Чеснокова Л.Д. Порядковые числительные в аспекте теории синкретизма // Переходность и синкретизм в языке и речи: Межвуз. сб. науч. тр. М.: Изд-во «Прометей» / МПГУ им. В.И. Ленина, 1991. С. 44-54.

15. Шигуров В.В. Местоименно-числительный тип употребления глаголов: лексика и грамматика // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 2. С. 34-43.

16. Шигуров В.В. Транспозиция в системе частей речи как факт грамматики и словаря // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы I Междунар. науч. конф., Саранск, 27–28 мая 2010 г. / редкол.: В.В. Шигуров (отв. ред.) [и др.]. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. С. 3-9.

17. Шигуров В.В. Два вектора развития русского причастия в контексте предикативации и / или адъективации: семантика и грамматика // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2012. № 3. С. 152-158.

18. Шигуров В.В. Индексация зоны гибридных структур на шкале предикативации страдательных причастий // Московское научное обозрение. 2012. № 4-2(20). С. 15-19.

19. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. О некоторых принципах описания явлений транспозиции и синкретизма в теории частей речи // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-2. С. 463-468.

20.. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Функциональные отдеепричастные модалиты в русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 591.

21. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Модалиты деепричастных форм глаголов в русском языке // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-26. С. 5972-5976.

22. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // *La Linguistique*. 1967. Т. 3. № 1. Pp. 13-26.

23. Elsen Hilke. Grundzüge der Morphologie des Deutschen. Berlin / Boston. 2011. 326 p.

24. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf *-isch* im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.

25. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.

26. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. T. 97. № 25. Pp. 177-191.

УДК 159.923

Щербаков Сергей Витальевич

Башкирский государственный университет
newpharo@yandex.ru

НАРРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются особенности нарративного подхода к описанию личности в современной психологии и философии. В данном исследовании система нарративных представлений человека о самом себе изучалась с помощью последовательных идентификаций со сказочными персонажами, заимствованными из русских народных сказок и быличек. Помимо подсчета общего количества выборов каждого персонажа определялось количество женских выборов для мужчин и мужских выборов для женщин. Полученные данные сопоставлялись с результатами измерения самоактуализации испытуемых. Обнаружилось, что образ Бабы-Яги оказался центральным для диагностики уровня самоактуализации студентов. Это обстоятельство можно объяснить амбивалентной архетипической природой данного персонажа.

Ключевые слова: идентичность, личность, нарративный, прототип, самоактуализация, эйдос.

На имплицитность, многомерность и диалектичность человеческого «Я» обратила внимание еще классическая немецкая философия. Так, в начале XX века ее выдающийся представитель Э. Гуссерль в попытках феноменологического исследования трансцендентального субъекта указывал на невозможность аналитического разложения осознанных переживаний в терминах строгих научных понятий и предложил метод «эйдетической дескрипции». Он поставил задачу создания «максимально всеобщей эйдетической феноменологии» [2, с. 418]. Классик отечественной философии А.Ф. Лосев подчеркивал тесную связь самосознания человека и мифа и определял личность как «обязательно осуществленный символ» [5, с. 175]. По мнению А.Ф. Лосева, источником творческой мощи человеческого интеллекта служит «эйдос» как интуитивно-образная сущность познания.

В этой связи традиционный диспозиционный подход к личности (Г. Айзенк, Р. Кеттел и др.) в последнее время подвергается критике

(У. Мишел, Д. Роттер и др.). Авторы обзорной монографии по психологии личности указывают на динамичность и имплицитность подобного рода знаний [3]. В попытках решения этой задачи ряд современных персонологов отказываются от теории черт. Так, вышеупомянутый У. Мишел, критикуя сверхобобщенный подход к личности, характерный для диспозиционного направления в персонологии, предлагает понятие «прототипа». Он считает, что для описания своего и чужого поведения обычный человек прибегает к относительно небольшому набору моделей поведения, особенно характерных (прототипических) для данной черты [4, с. 438].

Одну из альтернатив атрибутивному подходу в психологии личности предлагают представители так называемого «нарративного поворота». Это направление, являющееся одной из ведущих тенденций эпохи постмодернизма, отражает неудовлетворенность сциентисткой направленностью современной академической психологии. Например, известный американский психолог Дж. Брунер предлагает исследовать «нарративное мышление» [1].

В терминах когнитивной лингвистики совокупность представлений о мифологических персонажах представляет собой систему концептов, специфических для той или иной языковой картины мира. В частности, В.А. Маслова пишет: «В русском сознании образ Иванушки-дурачка является эталонным и заключает в себе главное качество – созерцательное отношение к действительности...» [6, с. 159]. Один из центральных и наиболее противоречивых образов русских волшебных сказок – Баба-Яга – может быть и злым, и добрым персонажем. Она иногда выполняет положительную роль дарительницы, но чаще ведет себя как агрессивное и мстительное существо [8, с. 426-427].

В нашем исследовании система представлений человека о самом себе изучалась с помощью последовательных идентификаций с персонажами сказок и быличек. По замыслу экспериментатора каждый использованный персонаж в той или иной степени воплощал полуосознанные интуитивные представления о тех или иных особенностях личности (агрессивности, смекалке, хитрости и т.д.), воплощенных в хорошо знакомых всем с детства нарративных образах, или «прототипах».

При этом мы исходили из гипотезы о том, что структура предпочитаемых испытуемым нарративных персонажей отражает мотивационные особенности личности и тесно связана с уровнем самоактуализации человека. В соответствии с инструкцией испытуемые попарно сопоставляли сказочных героев и персонажей быличек (Баба-Яга и Кашей Бессмертный, Иванушка-дурачок и Крошечка-Хаврошечка, Леший и Ведьма и т. д.) и отмечали на бланке предпочитаемый сказочный

персонаж. Учитывая, что в эксперименте использовалось 12 персонажей, каждый испытуемый в общей сложности выполнял 66 сравнений. Надёжность апробируемой методики проверялась ретестированием, а в целом в экспериментах приняло участие 159 студентов и студенток Башгосуниверситета в возрасте от 18 до 37 лет.

Помимо подсчета общего количества выборов того или иного персонажа, отдельно для мужчин и женщин определялось количество выборов противоположного пола: женских выборов для мужчин и мужских для женщин. Последний показатель мы назвали индексом гендерных инверсий. Полученные данные сопоставлялись с результатами использования опросника личностной ориентации ЛиО, адаптированного под руководством А.А. Рукавишника. Прототипом данной методики является анкета, разработанная Э. Шостромом, который отталкивался от концепции самоактуализирующейся личности, выдвинутой А. Маслоу [7].

Результаты корреляционного анализа подтвердили выдвинутую гипотезу и позволили сделать вывод о том, что в данном эксперименте образ Бабы Яги оказался центральным для диагностики уровня самоактуализации как студентов, так и студенток. Это обстоятельство можно объяснить амбивалентной архетипической природой этого персонажа и сочетанием в нем женских и мужских черт личности (Анима и Анимус по К. Юнгу).

Литература

1. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология, 2005. Т. 1. №2. С. 9-29.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.
3. Капра Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб.: Питер, 2003.
4. Клонингер С. Теории личности: познание человека. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003.
5. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2004.
7. Опросник личностной ориентации (ЛиО). Практическое руководство. М., 2002.

8. Энциклопедия литературных героев: русский фольклор и древнерусская литература. М.: Олимп; ООО «Фирма Издательство АСТ», 1998.

СЕКЦИЯ II СМИ В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 81

Абылкайрова Айсулу Кайрат кызы
Алпысова Жанна Еркиновна
Тулегенова Малика Балтабаевна

Казахский национальный университет им. Абая
alpysova70@mail.ru; aaiss@bk.ru; malika_askar@mail.ru

СМИ В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

С переходом к электронным носителям информации принципиально изменились традиционные границы информационно-коммуникативного процесса. СМК формируют новую информационную реальность, оказывая принципиальное воздействие на процессы трансформации современного общества и становления глобального социума. Массмедиа занимают ключевую позицию в репрезентации политического процесса как на локальном, так и на глобальном уровнях. В условиях пространственно-временного расширения мира благодаря современным СМК формируются новые модели социальных коммуникаций.

Ключевые слова: СМИ, СМК, интернет-пространство Казахстана, интернет-ресурсы, ведущие информационные агентства, телеканалы, рейтинговые показатели, массмедиа, глобализация, коммуникация.

Средства массовой информации (СМИ; в отличие от средств массовой коммуникации, СМК) – совокупность органов публичной передачи информации с помощью технических средств; до сих пор более употребительное в русском языке (по сравнению с термином «средства массовой коммуникации») обозначение средств повседневной практики сбора, обработки и распространения сообщений массовым аудиториям.

Термин «СМИ» означает однонаправленность воздействия прессы, радио и телевидения («сверху – вниз»), то есть он фактически санкционирует авторитарность их воздействия как вещь само собой разумеющуюся (выявление чего и привело к его практическому удалению из французского языка), и не соответствует развитию электронных средств коммуникации, основным вектором которого является мгновенная обратная связь всех со всеми.

Справедливым будет произвести разделение терминов «средства массовой информации», «средства массовой пропаганды» и «средства

массовой коммуникации» и дать им право на существование как отдельных понятий [1].

В качестве движущей силы процесса по разным версиям выступают как объективные, так и субъективные причины.

Глобализация касается объединения всех сфер жизни и деятельности человечества: политической, финансовой, научно-технической, религиозной, культурной. Отчасти они интегрируются друг в друга, частично – разрушаются и растворяются в истории.

В прошлом процесс стимулировался развитием торговли, войнами, политической деятельностью, на современном же этапе он перешел в фазу объединения мира на научно-технологической и экономической почвах.

Процесс естественный и неотвратимый (как саморегулируемый рынок). Данный подход с трудом выдерживает критику, но продвигается в массы активной либерально настроенной прослойкой общества.

Глобализация – многомерный процесс, происходящий одновременно на нескольких уровнях. Это глобализация и рынка, и производства, и финансов, и, конечно, коммуникаций. Глобализация существенным образом сказалась на развитии СМИ. Понятие «информация» в данном контексте используется в самом широком смысле и включает в себя как сведения о рынках, потребителях, налоговых системах, так и символы, образы, понятия, единые для всего человечества. Общедоступность этой символической среды в географическом и понятийном смысле и есть глобализация в сфере СМИ и массовой культуры.

Экономическая и финансовая составляющие процесса – его ключевые аспекты, ввиду чего в мире сокращается количество изолированных друг от друга экономических единиц – они становятся частями единой системы или уничтожаются.

Глобализация в нынешнем мире кажется процессом неизбежным, и помешать ей может разве что только глобальная катастрофа вроде всемирного потопа, существование которого (и не одного) подтвердило и научное сообщество.

Хотя, таким потоком, например, может стать повторение «великой депрессии», но только в масштабах всего уже почти глобального мира [2].

Многие исследователи без колебаний связывают понятия «средства массовой информации» (СМИ) и «средства массовой коммуникации» (СМК) с понятием «глобализация». Средства массовой информации являются составной частью средств массовой коммуникации. Хотя понятие «глобализация» стало одним из символов изменений, происходящих в современном мире, дать ему четкое определение трудно. Понятие «глобальное» в современном контексте

заменяло традиционные понятия интернационального, мирового и планетарного средства массовой коммуникации.

Глобальное коммуникативное пространство тесно связано с развитием в мире философии, социологии, культурологии и технических наук. Характер и последствия «информационного взрыва» вызывают противоречивые мнения. Одни считают, что благодаря информации новое столетие может стать временем удивительных прозрений и замечательных побед. Другие видят опасность информационного тоталитаризма.

В настоящее время в науке существуют два подхода в определении глобализации СМИ. Сторонники первого подхода утверждают, что глобализация – явление не новое. В разных формах она проявляла себя на разных этапах истории человечества. Согласно другой позиции, глобализация означает втягивание всего мира в открытую систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новых коммуникационных и информационных технологий. Вторая точка зрения представляется более обоснованной, так как она предполагает переход от традиционной формы экономического, политического, технологического общества, сформированного на началах национального единства и вековых культурных традиций, к глобальному Мегасоциуму.

Глобализация в настоящее время рассматривается как процесс и как цель, ведущая человечество к объединению в единое целое и к осознанию своей общей судьбы.

В области экономики глобализация связывается, прежде всего, с идеей свободного мирового рынка, глобальной массовой культурой и мировым информационным сообществом[3].

Для исследователей СМИ многие проявления глобализации лежат на поверхности. Однотипная реклама в журналах разных стран и на разных языках, одинаковые телешоу, идущие хотя и на разных языках, но показывающие одинаково оформленные студии и похожих ведущих, мгновенный доступ к новостям из любой точки Земного шара, те же самые новости на разных телеканалах, музыка и кино, общие во всех странах.

Явления различного порядка, но одинаковой природы заставляют осмысливать проявления глобализации в СМИ, воспринимая масс-медиа и как сферу, явно подверженную воздействию этих процессов, и как «агентов глобализации», и как основные движущие силы глобализации, т.е. принимать, что глобализация общественной и культурной жизни становится возможной в условиях наиболее развитых медиасистем.

В условиях бурного развития новых информационно-коммуникационных технологий происходят существенные перемены в

традиционных СМИ – в печати, радио, телевидении, в доступе к ним, в способах доставки и, естественно, в содержании. Особенно легко коммуникативное воздействие осуществляется в Интернете.

С появлением глобальной сети возникли принципиально новые СМИ – электронные газеты, которые имеют ряд особенностей. Одна из них состоит в том, что эта газета постоянно обновляется, часто хорошо иллюстрирована.

Современные СМИ не являются теперь массовыми в традиционном смысле слова, когда подразумевается, что ограниченное число сообщений посылается однородной массовой аудитории. По причине множественности сообщений и источников склонность аудитории к самостоятельному выбору программ повышается. Аудитория, на которую нацелена программа, стремится выбирать «нужные, точечные» сообщения, углубляя свою сегментацию и обогащая индивидуальные отношения между отправителем и получателем информации.

Новые технологии заставляют журналистов овладевать навыками, которые ранее использовались другими работниками. Радио- и тележурналисты могут произвольно манипулировать словами, образами и звуками в своих репортажах. В печатной прессе открывается цифровое манипулирование фотографиями [4].

Интернет-СМИ на сегодняшний день являются одной из важных составляющих медиасистемы Республики Казахстан. Однако ни состояние казахской интернет-журналистики, ни развитие и проблемы интернет-пространства республики, знание которых необходимо для объективного изучения сетевых СМИ Казахстана, пока ещё не становились объектами внимания исследователей. В данной работе мы рассмотрим состояние казахского интернет-пространства на современном этапе, определим степень доступа населения Казахстана к Казнету, изучим содержательные и качественные аспекты ведущих казахстанских сайтов. При этом будем руководствоваться законодательными положениями, относящимися к сфере массовых коммуникаций Республики Казахстан, а также анализировать статистические данные, отражающие состояние интернет-коммуникаций в стране.

В развивающейся медиасистеме Казахстана телевидение занимает одну из ключевых позиций. Активные и популярные телеканалы переходят в Интернет-среду, что позволяет им привлекать большее количество аудитории.

Отсчет истории развития казахстанского интернет-пространства ведется с сентября 1994 г., когда был официально зарегистрирован национальный домен верхнего уровня (к/). Соответствующий ему сегмент глобальной сети носит название Казнет. В том же году была

основана одна из крупнейших телекоммуникационных компаний Казахстана – «Казактелеком». Далее последовали появление первого сайта на казахском языке, запуск системы онлайн-доступа к университетским ресурсам («Электронный каталог КазГУ»), осуществляется постоянная радиотрансляция через Интернет (с 1998 г.).

В последующие годы в Казахстане наблюдается возросший интерес к интернет-пространству. В 2007 г. количество пользователей Сетью в республике достигает 1,67 млн. чел. (при общем населении около 16 млн. чел) [8]. Этот год был ознаменован существенным приращением количества пользователей интернетом. Согласно исследованиям делового журнала «Казахстан», «база коммерчески активных пользователей широкополосного доступа в Интернет, предоставляемого АО «Казактелеком», составила 59885 абонентов.

В том же 2007 г. стали очевидными несколько основных причин, препятствующих дальнейшему развитию казахского интернет-пространства: ограниченные технические возможности, слабая компьютеризация и интернетизация образования, отсутствие точных подсчетов количества пользователей Интернетом и количества сайтов, а также отсутствие качественного контента.

Проблема также кроется в переходе большинства сайтов Казахстана на двуязычный вариант подачи информации. Если языковой контент русскоязычной версии на большинстве сайтов Казахстана имеет четко структурированную систему с точными формулировками и описаниями по теме, то казахскоязычные версии значительно уступает в этом. Создание контента на государственном языке связано с большими финансовыми затратами: очень часто сайт неспособен оплачивать услуги компетентного переводчика. Кроме того, переводной казахский текст обычно уступает русскоязычному в объеме передаваемой информации и оригинальности. Как показывает практика, аудитория (независимо от своей национальной принадлежности) зачастую избегает казахского языкового контента, что в свою очередь приводит к нестабильному развитию многих ресурсов в Казнете.

Увеличение числа пользователей, как выяснилось, происходит и благодаря переходу многих печатных изданий и телеканалов в Интернет.

Таким образом, грамотное распределение приоритетов между государством, производителями и пользователями ресурсов современной отечественной сети Казахстана может сделать Казнет и электронно-сетевые СМИ в нём не только конкурентоспособными, но и генерировать новые идеи в быстро меняющемся информационном пространстве сети Интернет [5].

Литература

1. Черных А. Усталость сострадать // Мир современных медиа. М.: Территория будущего, 2007. С. 180–194.
2. Глебов Г.И., Милаева О.В. Современные международные отношения. Учебное пособие. Пенза: Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. 98 с.
3. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, КДУ, 2009. 234 с.
4. Журналистика и медиаобразование-2008: сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Том 1 / под ред. проф. А.П. Короченского. Белгород: БелГУ, 2008. 368 с.
5. Онербаева К. Нация созидателей // Экспресс-Казахстан, 2011, 2 июля. С. 5.

УДК 070.19

Асташкин Антон Григорьевич
Башкирский государственный университет
for-materials@yandex.ru

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И СИСТЕМА СМИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается система образования как основной социальный фактор, повлиявший на становление массового читателя и, как следствие, систему СМИ в дореволюционной России.

Ключевые слова: система образования, система СМИ, массовый читатель, массовая аудитория.

Журналистика и система СМИ не развивается отдельно от общества. Так, причины появления различных типов изданий, как части системы средств массовой информации Российской империи, связаны с состоянием российского социума в целом. В начале XX века именно появление массовой читательской аудитории предопределило развитие журналистики. Массовая аудитория обладает собственными типологическими признаками, характерными особенностями восприятия и, в частности, своеобразным отношением к информации как к продукту. Произведения культуры также рассматриваются как продукт потребления. Именно с появлением массового читателя периодические издания приобретают узнаваемый облик СМИ современного типа. Возникает необходимость в новых информационных каналах и приемах, способных эффективно и оперативно донести информацию до читателя.

Относительно высокие темпы индустриального роста, монополистическая перестройка крупной промышленности и транспорта поставили Россию в один ряд с передовыми странами Запада. В начале XX века активно развивалось фабричное производство. Россия перестала быть аграрной страной, все больший вес в русской экономике приобретала промышленность. Новым заводам были нужны рабочие руки, а город в сознании деревенских жителей, недовольных своим положением, выглядел как нечто дающее новые перспективы и открывающее неведомые горизонты. Тысячи людей отправились в города в поисках лучшей жизни. Так начало складываться качественно новое сообщество людей, тесно связанных местом постоянного жительства и формированием особых «городских отношений», пронизывающих все сферы жизни населения. Темп жизни в городе становился выше, чем в деревне, ценность информации в городском социуме, несомненно, росла [5].

Резкая урбанизация ускорила промышленное развитие, что, в свою очередь, привело к росту доходов городского населения. В обществе появились «свободные» ресурсы, которые стали экономической основой для потребительского рынка массовой информации.

Оторванные от фольклорной культуры, новые горожане не обладали достаточным уровнем образования, чтобы воспринять элитарную культуру. Но они имели определенные информационные и культурные потребности, которые поначалу просто некому было удовлетворить. В ответ на культурные запросы данной аудитории в России получил распространение кинематограф и массовое книгоиздание, в ответ на информационные – массовая (в первую очередь, газетная) журналистика. Они стали основой культуры «для всех», которая была призвана заполнить собой образовавшуюся нишу. Сугубо коммерческая, рассчитанная на удовлетворение повседневных потребностей «среднего» городского обывателя, она развивалась, меняя культурные приоритеты читателя. Её бурное развитие прервала революция, создавшая иную, уже советскую массовую культуру. [4]

Следующей важной особенностью культурного развития России рубежа XIX–XX вв. стал заметный рост интереса к знаниям, образованию у самых широких народных масс и внимание общественности к вопросам просвещения. Значительные усилия по преодолению низкого уровня грамотности прилагало в этот период царское правительство: расходы на народное просвещение возросли с 1900 по 1913 гг. почти в 5 раз, составив в 1913 г. 14,6 % бюджета. К началу века (по данным переписи 1897 г.) грамотными в России были 21,1% населения страны. Причем уровень грамотности напрямую

зависел от плотности населения и наличия города в границах уезда. Так, например, в Санкт-Петербургском уезде процент грамотных составлял 56,5%, в Петергофском – 58,8% (без учета городов). Малонаселенные уезды и уезды без городов в границах Санкт-Петербургской губернии обладали приблизительно 35% грамотного населения [1].

Наибольшее количество грамотных было среди городской молодежи. Так, например, в столице – Санкт-Петербурге – общий процент грамотного населения составлял 62,6%, грамотных в возрасте 10–19 лет – 89,7% (в других городах уезда – 91,4%, видимо, из-за меньшего притока сельских жителей). В уездах показатель грамотности данной возрастной группы был равен 79,2% (чем и объясняется появление приблизительно через 10 лет полноценной экономически активной читательской аудитории, обладающей сформированными информационными запросами и свободными финансами для их удовлетворения, как в городе, так и – в меньшей степени – в деревне) [1].

Темпы развития образования росли. В 1911 г. только 43 % всех детей школьного возраста посещали начальную школу, в 1914 г. – уже около 50 %. С 1908 г. по 1914 г. в стране было открыто 50 тысяч новых школ [2]. К 1917 г. в стране насчитывалось более 170 учительских семинарий и 47 учительских институтов. К 1915 г. в стране было 105 высших учебных заведений (в конце XIX в. – около 70), значительно расширилась их специализация. Наиболее фундаментальными учреждениями высшего образования продолжали оставаться университеты (к 1917 г. их насчитывалось 13). Среди 16 высших технических учебных заведений выделялись крупнейшие учебные и научные центры – Электротехнический и Политехнический институты в Санкт-Петербурге. Специалистов с высшим образованием готовили медицинские, ветеринарные, лесные, военные, художественные, сельскохозяйственные и другие вузы.

Рост высшего образования (который невозможен без наличия школ начальной и средней ступени) обусловил появление массовой интеллектуальной аудитории, интересующейся вопросами искусства и литературы. Это создало почву для возникновения элитарных изданий об искусстве. В начале столетия наблюдался значительный рост библиотек – публичных, земских, народных. Библиотечное дело развивалось во многом благодаря общественной инициативе, деятельности культурно-просветительных и благотворительных обществ. В 1904 г. в стране насчитывалось около 10 тысяч библиотек, в 1914 г. – 76 тысяч [3].

Трансформация системы образования России стала ключевым фактором в формировании массового читателя. Распространение начального образования и система дополнительного образования создали костяк читательской аудитории – публику, подготовленную к восприятию информации и испытывающую потребность в ней, но, в силу своего общекультурного уровня, предпочитающую, кроме новостей, информацию развлекательного и образовательного характера. Становление женского образования увеличило эту аудиторию. Именно такой читатель стал основным потребителем журналистской и издательской продукции. Но эта аудитория не была сосредоточена лишь в Москве и Санкт-Петербурге, а распределена по городам различных губерний, что обеспечило относительную равномерность процессов становления средств массовой информации в стране

Благодаря росту количества университетов и повышению качества преподавания в них, трансформации подвергся тип элитарного читателя – выпускника высших учебных заведений, потребляющего информацию научного и культурного типа. В такие учебные заведения получили доступ представители иных, не только высших социальных слоев. И хотя процент таких читателей на фоне массовой аудитории остался сравнительно невысоким, число их было достаточным для того, чтобы создать спрос на информацию научного и культурологического характера. Такая аудитория стала потребителем разнообразных специализированных изданий, традиционных толстых журналов. В том числе на элитарного читателя нового типа были рассчитаны и журналы-манифесты. С появлением полноценной массовой читательской аудитории возник рынок массовой информации. Научный и технологический рывок обеспечил технические возможности его создания.

Вследствие интенсификации информационной индустрии активно развивалась производственно-техническая база журналистики, ориентирующаяся не только на увеличение количества печатной продукции, но и на улучшение ее качества. Издательское дело стало высокотехнологичным производством, интегрирующим в себе новейшие открытия как в области технического, так и в области гуманитарного знания. Это дало целому ряду новых изданий, наиболее требовательным к технологии, техническую возможность для существования. Кроме того, развитие научной мысли сформировало высококвалифицированного «специального» читателя, испытывающего потребность в профессиональной информации. Начали развиваться соответствующие типы периодических изданий (специализированные еженедельники), призванные обеспечить узкоспециализированной

информацией заинтересованных читателей – представителей профессиональных групп.

XX в. дал новую жизнь еще одной форме русской журналистики – «тонкому» еженедельному журналу. Еженедельники были явлением в русской журналистике относительно новым. Их появление обуславливалось, в первую очередь, возникновением ряда специфических информационных запросов, которые существующие типы печатных изданий не были способны удовлетворить. Мы имеем в виду потребность в специальной (как следствие научного и технологического развития общества) и в образовательной информации (как следствие развития системы образования). Газете не хватало для этого места, ежемесячному журналу – мобильности. По своей сути еженедельники стали компромиссом между мобильной, но поверхностной газетой и глубоким, но неповоротливым ежемесячником, не успевающим за все ускоряющимися процессами информационного обмена.

Еженедельные издания превратились в основной инструмент освоения и капитализации нового рынка. Будучи изначально предприятием коммерческим, еженедельные журналы развивались по законам, свойственным любому продукту, стремясь к удешевлению, массовости, завоеванию нового потребителя. Искомый потребитель уже был, но культура потребления информации пока отсутствовала, точнее, была в основном элитарной. Массовый же читатель требовал формирования у него привычки к чтению. Газеты в качестве инструмента создания такой культуры могли рассматриваться лишь отчасти, в силу своей сугубой утилитарности и ориентации на каждодневные информационные потребности. Еженедельные издания сохранили типологическую связь с «толстыми» журналами, неизменно чувствовавшими ответственность перед читателем. В состав их аудитории, наряду с другими, входили и элитарные группы, что определяло некоторое количество сложных материалов «высокой пробы» и гарантировало высокий уровень издания в целом. С другой стороны, такие издания находились в постоянном поиске нового читателя из низших слоев общества, что требовало наличия материалов простых и доступных. Такой читатель постепенно «рос» до уровня журналов.

Отдельно следует отметить наличие детских отделов во многих «семейных журналах», что в дальнейшем обеспечивало новых читателей за счет подрастающего поколения. Еженедельные журналы были первым опытом специализации массовых аудиторий, что проявилось в работе с профессиональными группами и в возникновении прототипов современных специализированных изданий.

Литература

1. Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1905 г. СПб., 1905. С. 61-65.
2. Савин М.В. Становление историко-педагогической науки в России середины XIX – начала XX в. Волгоград: Политехник, 1999. С. 109-117.
3. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф. История педагогики: Учебник. М.: Просвещение, 1982. С. 218-223.
4. Асташкин А.Г. Социокультурные факторы трансформации российской прессы начала XX века // Век информации. СПб., 2017. С. 11-12.
5. Асташкин А.Г. Типологические и жанровые особенности элитарных журналов об искусстве начала XX в. (на материале журналов «Мир искусства», «Весь», «Золотое руно» и других): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Уфа, 2013. С. 18-20.
6. Пугачев В.В. Нерыночная история издательской традиции // Медиатения СКФУ : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 27 октября 2017 г.). Ставрополь: Изд-во «Сервисшкола», 2017. С. 64-68.

УДК 81`373.47

Ершова Наталья Игоревна

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва
tascha80@mail.ru

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ЖАРГОННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ СМИ

В статье охарактеризованы основные причины обращения журналистов к жаргонным словам; выявлены семантические особенности жаргонизмов, встречающихся в газетно-публицистической речи, описаны их текстовые функции, экспрессивные возможности. Обращается особое внимание на постепенное количественное увеличение доли жаргонной лексики в языке современных средств массовой информации.

Ключевые слова: жаргон, жаргонизм, сниженная лексика, язык СМИ, функция, публицистический стиль, демократизация.

Язык как явление социальное выполняет различные функции, связанные с той или иной сферой человеческой деятельности. Важнейшие общественные функции языка – общение, сообщение и воздействие. Для реализации этих функций в русском литературном языке исторически

сложились и оформились отдельные разновидности языка, называемые функциональными стилями.

Публицистический стиль, одну из разновидностей которого составляет газетная речь, оказывается весьма сложным явлением из-за неоднородности его задач и условий общения. «Одной из важных функций публицистики (в частности ее газетно-журнальной разновидности) является информационная. Стремление в кратчайший срок сообщить о свежих новостях не могло не найти отражения и в характере коммуникативных задач, и в речевом их воплощении» [1, с. 26]. «Помимо информационной, газетная речь обладает еще двумя функциями – воздействия и эстетической», – отмечает Л.М. Майданова [7, с. 37]. Эти три основные функции, как и лингвостилистические особенности, реализующие их, и сегодня не расчленены в газетной речи. Именно взаимодействие этих трех функций определяет употребление слова в газете. Отбор лексики в газете определяет автор-журналист.

Информационная функция обуславливает употребление в газете нейтральной, общестилевой лексики. Для газеты открыт весь лексикон литературного языка. Главный критерий отбора и употребления речевых средств в массовой газете – их общедоступность.

Воздействующая функция, важнейшая для газетно-публицистического стиля, обуславливает острую потребность публицистики в оценочных средствах выражения. И газета берет из литературного языка практически все средства, обладающие свойством оценочности. Однако газета не только использует готовый словарный материал. Под влиянием воздействующей функции газета преобразует, трансформирует слова из разных сфер языка, придавая им оценочное значение. Для этой цели используются разные средства, среди которых и специальная лексика в переносном значении.

Одним из способов усиления действенности газетного слова является обращение современных журналистов к стилистически сниженной лексике – разговорной, просторечной, жаргонной. Обращение к таким пластам лексической системы современного русского языка приводит к стилистическому «размыванию» языка СМИ, на которое указывает Е.А. Красникова. По наблюдениям ученого, за последнее десятилетие положение газетной речи в стилистической системе русского языка стало еще более сложным, «размытым», чем было прежде. Причину данной ситуации Е.А. Красникова усматривает в сильном воздействии на публицистический стиль иных функциональных разновидностей речи внутри литературного языка, а также внелитературных языковых подсистем. «Обособленность, отдельность литературного языка как основной формы национального языка была коммуникативным законом для СМИ. Использование иных форм

национального языка, безусловно, было возможно, – пишет ученый. – Однако, во-первых, подобные факты были редкостью, а, во-вторых, всегда требовали очевидного стилистического оправдания. Таким образом, газетная речь оставалась в рамках литературного языка и более того – в рамках так называемых книжных стилей; появление в текстах СМИ элементов разговорной речи всегда было связано с решением какой-либо стилистической задачи. Все речевые законы в СМИ были обеспечены «стилистической» цензурой и самоцензурой; ее наличие было обязательным. Сейчас же ни о какой цензуре в газетной речи говорить не приходится» [6, с. 83].

Однако использование единиц сниженного характера, в том числе и жаргонизмов, объясняется и ведущими принципами отбора языкового материала в газетной публицистике, к которым относятся прежде всего лаконичность изложения при информативной насыщенности и отбор языковых средств с установкой на их доходчивость (газета – наиболее распространенный вид массовой информации). «Газетный язык» – язык эмоциональный, образный, экспрессивный до эпатажа. Передача информации может происходить только с условием, что эта информация интересует читателей. Поэтому журналист должен представить определенное количество фактов в наиболее интересном для читателей виде. От него требуется сжатие информации, ясность, отсутствие двусмысленности понимания и одновременно умение привлечь внимание читателей особенными языковыми и неязыковыми приёмами. В каждой газете можно видеть и различные графические приёмы, среди которых использование лексики, обладающей высоким экспрессивным потенциалом и вместе с тем привычной и удобной для адресата речи (см. [2]).

Ю.С. Рынкович указывает на следующие причины обращения журналистов к жаргонной лексике: 1) криминализация общественного сознания, вызванная увеличением количества деклассированных элементов; 2) усиление позиций преступного мира (трансформация уголовных сообществ, возрождение старых и появление новых воровских профессий); 3) свобода слова; 4) отсутствие эквивалента в нормированном языке (см. [10, с. 9]).

С воздействием экстралингвистических факторов связывает появление жаргонизмов в языке СМИ, в том числе и в газетно-публицистической речи, Л.А. Мардиева. Как справедливо отмечает исследователь, «особенности лингвистического вкуса русского этноса в настоящее время отражают те изменения в языковой системе, которые мы пока оцениваем как разного рода отклонения и ошибки. Основные тенденции этих изменений можно наблюдать, прежде всего, в тех связях, которые устанавливаются между формами языка, между языковыми единицами» [8, с. 21].

Согласно наблюдениям ученого, в соотношении основных форм национального языка очевидна экспансия двух неосновных, периферийных форм – жаргона и диалектного просторечия. Однако при этом такая неосновная форма, как диалект, вытесняется «за ненадобностью»; показательно, что исследователи не отмечают активности диалектных элементов и в современной разговорной провинциальной речи; правда, в региональных СМИ элементы диалектной речи, может быть, и более активны, хотя пока нет исследований, подтверждающих это предположение. Но тот факт, что элементы жаргона в наше время СМИ используют чаще, чем десять лет назад, лежит на поверхности» [8, с. 21].

Данную точку зрения разделяет и Я.Н. Засурский, также указывающий на важную роль жаргонизмов в газетной речи ввиду одновременного воздействия двух факторов – экстралингвистического, связанного с языковым вкусом российского общества, и собственно лингвистического, заключающегося в использовании в публицистике единиц с высоким экспрессивным потенциалом. «Демократизация общественных отношений вызвала и либерализацию лексических норм, т. е. снятие ограничений на использование в литературном языке единиц из некодифицированной части национального языка, – полагает исследователь. – Среди частных внешних факторов отметим снижение духовного уровня части общества, криминализацию правового сознания носителей языка, тесные взаимосвязи различных слоев населения. Одним из факторов интенсивного вовлечения жаргонной лексики в современные СМИ является и стремление индивидуума к яркому выражению своей личности. Все перечисленные явления порождают в современном социуме своеобразную моду на жаргонные слова. Активизации подобных слов в СМИ способствуют и законы рыночной конъюнктуры. В погоне за увеличением числа подписчиков, слушателей некоторые современные газеты, журналы, радио- и телепрограммы слепо следуют за установившейся в сознании носителей языка речевой модой» [11, с. 144]. В то же время «экспансии лексики ограниченной сферы употребления в СМИ способствует также яркая стилистическая отмеченность данного пласта лексики», – продолжает автор [11, с. 144]. Именно эта особенность позволяет жаргонным словам выполнять в публицистических текстах самые разнообразные коммуникативные задания, превращая рациональную публицистическую информацию в заряжающе воздействующую. Подчеркнем, например, высокую степень оценочности и экспрессивности следующих жаргонных слов: *на халяву* [Восточный экспресс. 2001. 2–8 февр.], *продвинутый* [Республика Татарстан. 2000. 10 янв.], *гудеть* [Вечерняя Казань. 1995. 8 июня]. Вместе с тем в современных СМИ отражаются и процессы нейтрализации жаргонной

лексики, например: «Меж тем *зеков* – носителей вируса – направляют в Кирово-Чепецк уже в течение года» [Вёрсты. 2001. 25 янв.]; «Правда, вместо ваших ста *«баксов»* у вас в руках окажется *однодолларовик»* [Вечерняя Казань. 1995. 19 июня]. Кроме того, жаргонная лексика нередко заполняет номинативные лакуны, существующие в кодифицированном языке (см., например, *кукольник* «мошенник, занимающийся аферами с пачками фальшивых денег», *зачистка* «проверка местности с целью ликвидации боевиков»), именно этим объясняется проникновение части жаргонных слов в СМИ.

Интересно проследить, каким образом происходило постепенное количественное увеличение доли жаргонной лексики в языке СМИ. По мнению Л.А. Мардиевой, жаргонное слово всегда таило в себе какую-то особую привлекательность – свободой от литературной нормы, оригинальностью, грубоватым остроумием, какой-то лихостью. Поэтому когда газеты, радио и ТВ так свободно начали говорить о том, о чем раньше не говорилось, дорога в общий язык СМИ для жаргонизмов оказалась широко открытой. Однако затем эти языковые единицы без особого труда переместились и в тексты иной тематики. При этом журналисты заимствуют прежде всего слова и выражения из уголовного жаргона, хотя речь идет не о текстах уголовной тематики (кстати, в газетах, которые издаются в местах лишения свободы, жаргонизмов нет; по-видимому, там они воспринимаются как знаки «опасной культуры»). В остальных СМИ сегодня для элементов жаргона практически нет тематических ограничений (это может быть материал о политике, экономике, спорте или искусстве). «При этом жаргонизмы все реже поясняются в тексте, все чаще употребляются без кавычек, а это означает, что многие из них уже входят в речевой обиход, – подчеркивает автор. – И СМИ только отражают эту языковую реальность. В связи с этим показательно прямая зависимость между увеличением количества жаргонизмов в газете и ростом ее тиража» [8, с. 22].

Важно подчеркнуть, что экспансия жаргона состоит, однако, не только в количественных изменениях, но и в изменении его роли, его статуса. Жаргонное слово очень часто является доминирующим наименованием, находится в смысловом центре фразы, занимает сильную синтаксическую позицию, и это создает впечатление его «веса», значимости. Особая любовь СМИ к жаргону, его «отмывание» в СМИ проявляется и в том, что жаргонизмы часто помещаются в облагораживающее окружение, рядом со словами, которые в нашем сознании имеют положительную окраску, даже ореол возвышенности; часто жаргон используется как строительный материал для создания образности речи.

Однако дело не только в этом количественном показателе – дело в отношении журналистов к таким языковым единицам. Согласно наблюдениям Л.А. Мардиевой, в «Московском комсомольце», например, жаргонизмы выходят за пределы своей тематической области, часто заимствования из уголовного жаргона употребляются журналистами без определенного стилистического задания. «Такое «тиражирование» ненормативных слов на страницах газеты приводит к тому, что они входят в ее нейтральный фон и закрепляются в нем. Это вызывает целый ряд коммуникативных последствий. С одной стороны, ненормативные слова становятся привычными для адресата. С другой стороны, они становятся привычными для адресанта (что неизбежно снижает их стилистический потенциал, превращает их в новые газетные штампы)», – пишет по этому поводу ученый [8, с. 23].

Весьма интересны наблюдения Б.А. Карабекова, рассмотревшего качественный состав жаргонного пласта в газетно-публицистической речи. Анализ жаргонизмов с точки зрения их принадлежности к тем или иным слоям населения показал, что наиболее интенсивно в современных СМИ используется так называемый интержаргон, или общее арго, то есть слова из устной речи представителей разных социальных слоев общества, например: *раскрутить* «создать хорошую рекламу», *прокол* «неудача», *крутой* «о высшей степени проявления признака», *кинуть* «подвести кого-либо» и т.д. Не менее активна и лексика деклассированных элементов: *общак* «общий денежный фонд», *крыша* «прикрытие от рэкета», *замочить* «убить» и т.д. Популярен в современной публицистике и молодежный жаргон: *прикид* «одежда», *выпендрёж* «пижонство», *чики-чики* «отлично», *окучивать* «ухаживать; заниматься чем-либо» и т.п. Производственный жаргон в радио- и телепрограммах используются не столь часто: *комтусовка* – у депутатов «собрание коммунистов», *швейная машинка* – у пограничников «шестиствольная корабельная пушка», *фанера* – у музыкантов «фонограмма».

Еще одной особенностью использования жаргонной лексики в публицистическом стиле, по мнению другого исследователя, Ю.Л. Воротникова, является то, что жаргонизмы в современных СМИ подвергаются семантическому переосмыслению, например, использование жаргонизма *гон-стон* «ограбление» в заголовке статьи: «*Гон-стон* в УНИКСе. Розенбаум весь в черном, элегантен, как рояль» [Восточный экспресс. 2001. 22 февр.] [3, с. 17].

На активность жаргонизмов в публицистическом стиле рубежа веков указывают и многочисленные случаи проникновения этого пласта лексики в названия рубрик, примеры которых указывает в своем исследовании А.С. Подчасов: «Атас!», «Подобьем бабки» – [Вечерняя Казань]), заголовки статей (например, «Дружба дружбой, а бабки врозь» –

[Советская Россия. 2001. 10 янв.]), «Отморозки» оказались круче Татарина. «Вор в законе» из Челнов убит в Тольятти» [Восточный экспресс. 2001. 8 февр.], а также в информационные и аналитические жанры публицистического стиля [9, с. 11]. Таким образом, современные СМИ способствуют интенсивному проникновению жаргонной лексики в разговорную речь носителей языка и в конечном итоге – в общелитературный языковой фонд (см., например, закрепление в литературном языке таких слов, как *бомж, челнок, зачистка*).

Следовательно, проникновение в газетно-публицистический стиль жаргонизмов представляется весьма закономерным и даже неизбежным явлением, что связано, с одной стороны, с особенностями языка СМИ, его общей направленностью и функциями, с другой стороны, обусловлено спецификой языковой ситуации в современном обществе. Поэтому в науке до сих пор не выработано однозначной точки зрения по данному вопросу.

Например, лингвист Е.А. Земская утверждает, что свободное проникновение жаргонных слов делает русскую речь более свободной. По ее мнению, если включить в список «дозволенных» слов жаргонизмы, станет намного легче найти подходящее слово для материала (см. [5, с. 147]).

М.А. Грачев считает, что, используя жаргонизмы, журналист идет по пути наименьшего сопротивления: употребляет далеко не лучшую лексику русского языка, ту, которая лежит на поверхности, не пытается углубиться в другие слои, не используя всего богатства языка, тем самым не только не обогащает свой словарный запас, но и огрубляет язык прессы, делая его примитивным. Однако исследователь отмечает, что есть и некая положительная сторона употребления жаргонных слов, ведь «каждый журналист хочет, чтоб его материал был читаемым... для этого все стараются писать простым и близким к народу языком» [4, с. 115].

Помимо этого, жаргонизмы в СМИ можно считать положительным явлением с точки зрения объединения различных социальных групп. «Если вспомнить, что в каждой устойчивой группе появляется уникальный жаргон, то можно предположить, что через некоторое время россияне, принадлежащие к различным социальным группам, начнут говорить на разных «мини-языках» и перестанут понимать друг друга, – полагает М.А. Грачев. – Однако, если в журналистике будут использоваться различные жаргонизмы с разъяснением их значений, «языкового барьера» не возникнет. Кроме того, некоторые слова переходят из жаргона в разговорный язык именно благодаря их широкому распространению среди различных социальных групп, которое происходит благодаря употреблению этих слов в СМИ» [4, с. 116].

Итак, жаргонизмы постепенно становятся неотъемлемой частью газетно-публицистической речи, способствуя выполнению воздействующей функции – одной из основных для данной разновидности языка, а также отражая тенденции развития современного русского языка в целом. Речь СМИ должна быть адекватной адресату – массовому читателю, и отсутствие жесткой цензуры в отборе языковых средств в современных СМИ во много объясняется демократизацией языкового поведения широких слоев населения в целом. Однако использование жаргонной лексики в газетной публицистике в каждом случае должно быть оправданным и целесообразным, направленным на максимальную реализацию ее экспрессивных возможностей. Лишь в таком случае жаргонизмы воспринимаются как весьма действенное стилистическое средство, обращение к которому актуально и адекватно восприятию адресата; сниженный характер таких единиц в данном случае нивелируется.

Литература

1. Вакуров В.Н. Стилистика газетных жанров: учеб. пособие для вузов / В.Н. Вакуров, Н.Н. Кохтев, Г.Я. Солганик. М.: Высш. шк., 1978. 183 с.
2. Воронова М.В., Ершова Н.И. Типы колоративов в рекламных текстах [Электронный ресурс] // Огарев-online. 2015. №6. Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/typy-kolorativov-v-reklamnykh-tekstakh>
3. Воротников Ю.Л. О некоторых особенностях языка средств массовой информации // Русская речь. 2007. № 6. С. 14-18.
4. Грачев М.А. К вопросу о социальной диалектологии русского языка / М.А. Грачев, А.Ю. Кожевников // Филологические науки. 1996. № 5. С. 111-116.
5. Земская Е.А. Языковая игра. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. М.: Жест, 2006. 288 с.
6. Красникова Е.А. Жаргоны и просторечия в языке публицистики / Е. А. Красникова // Высшее образование в России. 2000. № 5. С. 82-88.
7. Майданова Л.М. Структура и композиция публицистического текста. Красноярск: Изд-во КГУ, 1973. 188 с.
8. Мардиева Л.А. Жаргонная лексика в современном публицистическом стиле // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: междунар. науч. конф.: труды и материалы: в 2-х т. / под ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. Т. 2. С. 21-23.
9. Подчасов А.С. Функционально-стилистические особенности газетных заголовков: автореф. дис... канд. филол. наук / А.С. Подчасов. М., 2001. 22 с.
10. Рынкович Ю.С. Трансформация языка молодежной прессы в

эпоху общественных реформ: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.

11. Средства массовой информации России: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2006. 380 с.

УДК 070

Жаплова Татьяна Михайловна

Томина Виктория Дмитриевна

Оренбургский государственный университет

yana.eyr@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ В НОВОСТНОМ КОНТЕНТЕ ОРЕНБУРГСКИХ СМИ КАК ФОРМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

Статья посвящена изучению актуальных форм современной журналистики, ориентированных на постоянное взаимодействие с аудиторией и, как следствие, формирование человеческого потенциала корреспондентов и их адресатов. В работе рассматривается и выявляется социальная тематика, представленная репортажами на телеканале «ОРЕН-ТВ» и сайте «Orenday», являющихся смежными подразделениями единого медиа-холдинга. Они ориентированы не только на информирование населения города, но и решение конкретных проблем, тревожащих оренбуржцев. На материале ежедневных тематических блоков «Срок Ответа Сегодня» и «Дежурный по городу» в ежедневной телевизионной программе и в ленте новостей на информационном сайте авторы устанавливают преемственность в формах «обратной связи» в региональной журналистике разных лет, изначально, в советской журналистике, представленной как «письма в редакцию» и призванной действительно реагировать на «сигналы» с мест. В основу работы положены материалы звонков, полученных от телезрителей и озвученных в эфире (ТВ-версия) и комментарии посетителей сайта (портал «Orenday»).

Ключевые слова: рубрики, социальная сфера, журналистика, телевидение, СМИ, «ОРЕН ТВ», «Orenday».

Современная журналистика оказывает большое воздействие на развитие общества, на политические, морально-эстетические его стороны в силу присущих свойств и форм воздействия. Значительную роль играет именно социальная функция журналистики, поскольку основная задача журналиста – своевременно доносить информацию до аудитории, деятельно вмешиваясь в события общественной жизни и оказывая действенную помощь в решении насущных проблем. В практике современной

журналистики все чаще возникают случаи, когда сами граждане сообщают сотруднику СМИ о каких-либо происшествиях. Этот механизм взаимодействия часто служит стимулом для решения многих вопросов. Например, когда журналист, имеющий доступ к главе УЖКХ, может непосредственно решить вопрос горожанина, у которого постоянно протекает крыша, а управляющая компания, вопреки жалобам, не предпринимает никаких действий. Подобные процессы взаимодействия прессы и общества характерны для российской журналистики еще с периода ее становления и, как показывает практика, во многом организуют в наши дни работу как отдельных ее звеньев, так и системы СМИ в целом.

Глобальную сеть не стоит рассматривать как лишь одну из форм или уровней коммуникации, отдельную от остальных — это, скорее, некая вторая реальность, пласт, на основе которого могут появиться другие типы коммуницирования, но уже с приставкой «интернет». Виртуальная реальность – это действительно особая, вторая реальность, имеющая свою структуру и схему работы. Она дублирует первую «физическую» реальность и во многом способна ее дополнить. Интернет-площадка является пластом, на котором основываются все особенности и отличия интернет-изданий. Чтобы продиктовать человеку, что случилось на одном конце города, достаточно лишь зайти на подобный новостной, информационный сайт, к примеру, рассматриваемый нами «Orenday». Городской новостной портал с 2008 года ежедневно освещает события, которые происходят в Оренбурге и Оренбургской области. По посещаемости и просмотрам страниц «Orenday» занимает первые строчки рейтингов среди региональных Интернет-ресурсов. 236 307 переходов на «Orenday.ru» фиксируются со стационарных компьютеров и ноутбуков, чуть больше через планшеты и телефоны. Каждый пользователь проводит на портале «Orenday» в среднем 2,2 минуты за одно посещение и просматривает четыре страницы. На новостном портале «Orenday» преобладают новости Оренбурга и Оренбургской области, поданные без официального «глянца», сразу, еще с лида, отсылающие читателя к проблеме.

В частности, в статье Екатерины Колокольцевой от 18 ноября 2019 года внимание читателя привлечено к знакомой большинству орчан ситуации: «Жители орского общежития три дня просидели без света». Уже в названии отражается тематика написанного, обозначены главные герои и реальная проблема. Решение этой проблемы в данном случае, по мнению читателей, зависит от корреспондентов, их профессиональных и личностных качеств. Корреспондент действует по следующему сценарию: получает от жителей заявку, выезжает на место, фотографирует, опрашивает горожан, апеллирует к мнению ответственных субъектов, пишет статью. В данном материале представитель СМИ сначала описывает картину происходящего, берет

комментарий у людей и поясняет ответ, полученный от представителей вышестоящей инстанции: *«На прошедшей неделе в доме №52 на ул. Братской Орска загорелся электрический счетчик. Пожар потушили, но весь дом остался без света. На следующий день электричество появилось на трех этажах. А жильцы двух остальных просидели без него три дня. Газа, кстати, в доме нет». «Нам сказали, что мы не относимся ни к какой управляющей компании, а потому должны обходиться своими силами. УК отказалась от нас назад якобы из-за многочисленных должников. В общежитии много комнат пустуют. А мы платим ежемесячно, но должны страдать», – рассказала «Orenday» местная жительница Людмила. На днях, после многочисленных жалоб, поступивших в местную администрацию, подачу электричества на два этажа все-таки возобновили» [1, с. 3].*

В материале Екатерины Колокольцевой от 17 ноября 2019 года «Горожан ужасает состояние подземного перехода на улице Чкалова Оренбурга» [2, с. 3] используется аналогичная структура репортажа. Представлены фото, ситуация описывается журналистом, дается комментарий участника, то есть очевидца и поясняется ответ чиновников.

Чтобы сопоставить формы работы с обращениями граждан, мы обратились к материалам на социальную тему, регулярно и масштабно представленным в новостных программах телеканала «ОРЕН ТВ», оформленных рубриками: «Срок Ответа Сегодня» и «Дежурный по городу». Именно в этих блоках новости предлагают сами жители, звонят по телефону в редакцию и сообщают о своей проблеме. Журналист, получив информацию, проверяет ее достоверность, выезжает на место со съемочной группой, предполагая отснять материал и донести суть проблемы до тех структур, со стороны которых проявились произвол или безразличие. После этого в эфир выходит сюжет уже с комментарием ответственного лица, обязанного предоставлять запрошенную информацию в СМИ, демонстрирующую широкой аудитории эффективность и действенность работы чиновников разного уровня.

В современном информационном потоке российский телезритель отбирает для себя телеканалы, отвечающие его требованиям, среди которых особое место занимают объективность и ответственность в политике руководства и журналистов. Выбранный нами телеканал «ОРЕН ТВ» демонстрирует свою заинтересованность порой даже в малозначительных, «точечных» проблемах горожан, решая которые неизменно принимает сторону последних.

Практика такого формата канала берет начало еще с января 2003 года, хотя оренбургская телекомпания «ОРЕН ТВ» была создана в 2001 году. Она является сетевым партнером канала «РЕН ТВ». Местный телеканал в течение долгого времени создавал собственное ток-шоу

«Простая история». Ранее ежедневный новостной выпуск «Что случилось» рассказывал о самых значимых событиях в городе и области, наиболее полно и ярко освещал информационную картину дня. В наши дни данная тенденция не утратила своей актуальности: информационная программа продолжает выходить три раза в день. В ней журналисты «ОРЕН ТВ» рассказывают о наиболее важных событиях в городе, области и стране. Ранее в информационно-аналитической программе «Что делать» журналисты телеканала совместно с экспертами пытались найти решения острых для города и области проблем. Объективы телекамер «ОРЕН ТВ» в ряде случаев направлены на представителей власти, силовых структур и социальных институтов. Ранее значительное количество бытовых проблем зрителям по-своему помогало решать ток-шоу «Простая история» – обсуждение житейских ситуаций, возникающих проблем или же, наоборот, радостных событий. Структура современного телеканала позволяет осветить за короткое время новостного выпуска информационные сюжеты на разные темы; умело распределенные редактором, они последовательно раскрывают городские сенсации и рутину, будни и праздники, объединяющие людей из разных социальных групп и категорий. Выстраивая концепцию выпуска, сотрудники редакции целенаправленно анонсируют, для какой рубрики будут предназначены материалы «с мест», – «Дежурный по городу» и «Срок ответа сегодня».

Основные аспекты, на которые мы обратили внимание, – сбор, накопление, хранение, переработка, распространение социальной, проблемной информации и ее отслеживание, как и в интернет-издании «Orenday». Журналисту необходимо не просто осветить проблему, но и проанализировать ее, показать масштаб и вероятность повтора. Для успешного развития темы недостаточно знать о фактах, событиях. Необходимо, чтобы пресса своевременно сообщала о противоречиях, которые пока что не получили разрешения и потому должны привлечь к себе общественное внимание, как, например, рубрика «Срок ответа сегодня». Рассмотрим на примере сюжета Томиной Виктории от 24 октября «Горожане недовольны капитальным ремонтом дома №4 по улице Волгоградская». Название говорит само за себя и сразу же указывает на участников события – горожан. Речь идет о людях, которым становится холоднее с каждым новым осенним днем в своих квартирах. Они связывают это с недавно проведенным капитальным ремонтом. Журналист описывает это событие и подводит к комментарию горожанина, в котором он говорит о конкретных недостатках своего дома. «Анатолий Дорышев, житель дома 4 по улице Волгоградская: *«Отмостку месяц назад сломали. Отмостка была, но сейчас нет. А снег будет таять, куда пойдет вода? Все в подвал. Были хорошие швы,*

старые сломали, новые чуть замазали и все. Мы замерзнем зимой. Они говорят: все по проекту, где по проекту, даже края... Вот я показываю хорошие швы на дому, а у нас какие. Это, говорят, по проекту, а проекта нет с собой. С крышей вон там сделали карниз, ну отлив его весь погнули, и вода течет по стенам, вон стены сырые даже» [3, с. 5]. Проверив достоверность фактов, корреспондент собирает информацию в процессе разговора с жителями. Услышав несколько комментариев, он обращается в вышестоящие инстанции для того, чтобы объективно рассмотреть проблему с разных сторон и помочь горожанам узнать, когда состояние их дома будет приведено в соответствие с нормами. В сюжете значительное место отведено наглядной демонстрации позиции власти: прямо при съемочной группе, как только корреспондент приехал на место, подрядная организация начала убирать оставленный за собой мусор, боясь испортить репутацию. Тем не менее в Оренбурге многие ответственные чиновники идут на встречу к представителям СМИ и дают им официальный комментарий. Так случилось и в этот раз: «Строитель компании №1 пояснил, до 2 ноября все проблемы устранить должны, в том числе и выправить водосточную систему. А с оставленным почти на месяц мусором справятся уже сегодня. Руслан Абзалёв, ООО «Строительная компания №1», подрядчик Фонда Модернизации ЖКХ: «С мусором действительно возникла проблема, его действительно своевременно не вывезли, и в свою защиту хотим сказать, что погода не всегда дает возможность своевременно что-то делать. Знаете, сегодня как раз совпало так, что мусор вывозится. На данном доме у нас новая технология теплового шва. Используется жгут теплоизоляционный, пена и герметик, который не позволяет осадкам воздействовать на пену. Раньше дома заделывали раствором, на соседних домах можно увидеть то, что заделано раствором» [3, с. 6]. После этого журналист взял ситуацию на контроль и проследил, как выполняются обещания чиновников. Действительно, подрядчиком и строителями были выполнены обещанные работы. Так телевизионная журналистика вмешивается в социальную сферу, добиваясь создания комфортной для проживания людей среды. Вместе с тем, в рубрике «Срок ответа сегодня» учитываются все аспекты работы журналиста, включая сбор информации и умение с ней работать в дальнейшем. Стоит отметить, что во всех рубриках корреспонденты, как авторы материалов, могут меняться. Все зависит от того, кто принял звонок от жителя.

В «Дежурном по городу» решаются менее глобальные проблемы и рассматриваются частные вопросы горожан. Журналист в конечном выпуске сюжета стоит в кадре и рассказывает о том, что ему удалось узнать от самих горожан и властей. Рассмотрим сюжет Томиной Викторией от 29 октября: «В Оренбурге на улице Транспортной скоро

появится свет. А вот ситуация с ямой на улице Парковской пока не прояснилась, но про нее знают» [4, с. 6]. В названии также отражается суть того, о чем будет говорить дальше, но она не раскрывается полностью. В «Дежурном по городу» жители звонят корреспонденту в редакцию и рассказывают о случившемся. Это могут быть ситуации, связанные непосредственно с самими людьми. Например, как в данной статье, мешающий пройти автомобиль, припаркованный в неположенном месте: «Не боится ничего. Дорожные хамы продолжают думать, что им все может сойти с рук, поэтому и паркуются, где захотят и как захотят. Так, вчера водитель белой Тойота остановился прямо на тротуаре. Люди переходили через дорогу и упирались прямо в этот автомобиль, приходилось обходить. Но наказание часто находит своего нарушителя. Надеемся, соответствующие органы заинтересуются и этим случаем» [4, с. 7]. Это также могут быть и коммунальные проблемы, отсутствие света в доме или на улице: «Тьма уйдет. Фонарное дело завешено. Недавно к нам обратились жители, которые рассказали, что на улице Гаранькина, в районе поворота на Транспортную, нет освещения. Вечерами и ночью это создает определенные неудобства. В управлении строительства и дорожного хозяйства администрации города обещали подготовить ответ. И вот он: подрядчик в рамках гарантийных обязательств восстановит освещение на данном участке в ближайшее время. Скоро и на этой улице будет светло» [4, с. 7]. Также в «Дежурном по городу» журналист может передавать информацию о находках и благодарностях: «Дачный сезон прошел, а благодарности не заканчиваются. Пассажиры автобуса номер 182 говорят «большое спасибо» водителю Василию Губайдулину и кондуктору Марине Киреевой за внимательное отношение к людям. На этом приятные слова не заканчиваются. Юрий Самсонов хотел бы поблагодарить трех тренеров СКК «Оренбуржье» Алексея Антипова, Алексея Шмонова и Гамлета Апреяна за то, что они бесплатно занимаются с детишками и обучают их русскому бильярду. Ему, как наблюдателю, приятно видеть детей, не сидящих за телефоном, а занимающихся чем-то интересным» [4, с. 7]. Подобных заявок может быть от трех до шести в течение одного-двух часов. Ежедневно в редакцию звонят более 10-20 горожан и сообщают о своих проблемах, в том числе – из других районов. Журналисты стараются объективно, вникая в описанную по телефону ситуацию, рассмотреть, помочь и исправить случившееся. Это сближает СМИ и горожан и дает толчок в решении их проблем. Следовательно, так развивается человеческий потенциал на фоне взаимопомощи. Одним – решение проблем, другим – интересный контент.

Таким образом, с помощью специально отобранной информации определенной направленности журналист как телеканала, так и интернет-

СМИ может контролировать общественное мнение или влиять на него. То есть у человека, который увидел сюжет или прочитал статью о том, как обычному жителю помогли исправить ту или иную ситуацию, возникает доверие к СМИ и повод не бояться, смело идти на взаимодействие с журналистами, обмениваться новостями, говорить о наболевшем. Так решаются многие вопросы жителей и реализуется социальная функция СМИ посредством мониторинга и отбора фактов из разнообразного информационного потока. СМИ создает локальное пространство для определенной социальной группы, вызывая у теле-интернет-аудитории сочувствие к проблемам других людей и вовлекая в процесс сопереживания бедам других людей, проживающих рядом, по соседству.

Эффект, достигаемый в социально ориентированных рубриках на «ОРЕН-ТВ» и на портале «Orenday» соответствует задачам современной журналистики, образно сформулированным Е.П. Прохоровым: «Невозможно описать значение даже такого простого предмета, как стол, не говоря уже о таком явлении, как обучение, или о таком виде деятельности, как журналистика, если неясно, зачем они существуют, чему служат» [6]. И действительно, проблемы, затронутые и рассмотренные в статьях изданий, отвечают заявленной тематике развития глобальных коммуникаций при помощи отклика, то есть обратной связи, СМИ на проблему горожан. Социальная ориентация и формирование адекватной картины действительности, определение жизненных позиций граждан и выработка отношения к различным явлениям жизни – все это функциональные задачи журналистики на современном ее этапе, осуществляемые журналистами «ОРЕН-ТВ» и «Orenday» последовательно и планомерно, в ежедневном контакте с горожанами и их проблемами.

Литература

1. Новостной портал «Orenday» (<http://www.orenday.ru/novosti/novostnaya-lenta/181119160235>)
2. Новостной портал «Orenday» (<http://www.orenday.ru/novosti/novostnaya-lenta/171119134054>)
3. Официальный сайт «Orengard» телекомпании «ОРЕН ТВ» (<https://orengard.ru/obshhestvo/gorozhane-nedovolny-kapitalnym-remontom-4-doma-po-ulicze-volgogradskaya/>)
4. Официальный сайт «Orengard» телекомпании «ОРЕН ТВ» (<https://orengard.ru/obshhestvo/v-orenburge-na-ulicze-transportnoj-skoro-poyavitsya-svet-nakonecz-to-dobralis-i-do-pereulka-telegrafnyj-osvobodili-ot-musora-pravda-situacziya-s-yamoj-na-ulicze-parkovskoj-poka-ne-proyasnilas/>)
5. Корконосенко С.Г. Основы журналистики: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс. 2001.

6. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2011.

7. Шейхова Э.Ш., Ибрагимова П.А. Особенности современных информационных программ на отечественном телевидении // Языкознание. Известия ВГПУ. Филологические науки. 2018. №6. С. 163-168.

8. ZeStudentJournal – www.ZSJ.ru // Социальные функции журналистики <http://zsj.ru/sotsialnyie-funktsii-zhurnalistiki.html>

УДК 81'272

Журавлева Евгения Александровна

Левченко Мария Александровна

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

zhuravleva_ea@enu.kz; tiana_lev@mail.ru

БЛОГ В КАЗАХСТАНСКОМ СЕГМЕНТЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ФОРМИРОВАНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается один из современных жанров интернет-коммуникации – блог, который до настоящего времени, несмотря на многочисленные работы, не имеет устойчивых характеристик в связи с постоянно развивающимися инновационными технологиями. Особое внимание уделено описанию блога в казахстанском сегменте сети. Представлен языковой анализ интерфейса блога и основных элементов казахстанской блог-платформы.

Ключевые слова: интернет-жанры, блог-платформа, блог, блогосфера Казахстана, структура блога.

В настоящее время коммуникация посредством интернета имеет огромную значимость, все больше вытесняя не опосредованные сетью способы общения. Интернет-коммуникации имеют множество форм: электронная почта, чат, форум и др. Одним из активно развивающихся сегментов коммуникативного пространства интернета является блог. За последние десять лет появилось достаточно много работ, посвященных интернет-жанрам и, в частности, блогу. Вопрос о классификации интернет-жанров достаточно часто обсуждается, при этом до сих пор не существует единой системы критериев и параметров для его определения.

Рассмотрим структурные и функциональные особенности блогов в казахстанском сегменте сети интернет. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью отслеживать, описывать и систематизировать процесс формирования и модификации блогосферы Казахстана, находящейся в настоящее время в состоянии формирования и развития.

Материалом для исследования послужили казахстанские блог-платформы <https://yvision.kz> и <https://today.kz>, <https://horde.me>; новостные блоги: <https://www.popcornnews.ru>, <http://rueta.ru>, <https://ingush-news.livejournal.com>, <https://www.e-office24.ru/news>, <http://antidron.pro/blog>, <https://mirceramiki.kz/blog-headlines/blogcat59>, <https://synergy.ru/press/blog>, <https://vk.com/chelyabino>, https://www.instagram.com/drugoy_derbent, <http://www.silver-sphere.ru/blog>, <https://vshp.online/blog> и др.

Для детального анализа блогов необходимо отчетливо представлять, каким образом организован данный жанр. Оформление блога, его интерфейс, является одним из важных медийных параметров жанра, которые Л.Ю. Щипицына относит к ключевым при описании жанров компьютерно-опосредованной коммуникации [5].

Блог может размещаться как на личном сайте автора, так и на блог-платформе. Второй способ более популярен, так, большинство казахстанских блогеров публикуют записи на блог-платформах. Нами обнаружено всего шесть казахстанских блог-платформ, из которых лишь четыре на данный момент активны. Под активными мы понимаем блог-платформы, на которых присутствуют записи за 2018 и 2019 годы. Таковыми являются: «Блоги.Казах.ру» (<https://blogs.kazakh.ru>), today.kz/blogs, horde.me, yvision.kz. Рассматриваемые блог-платформы неоднородны по степени развитости функциональных возможностей, активности пользователей и доле использования казахского и русского языков.

Платформа «Блоги.Казах.ру» создана в 2012 году. В разделе сайта «О проекте» создатели определяют данный ресурс как «веб-сервис блогов». На платформе существует разделение всех блогов на семь категорий: «Корпоративные блоги», «Личные блоги о жизни», «Общественные организации», «Прочие», «СМИ», «Тематические по интересам», «Учебные заведения». Одна из функций блог-платформы – возможность ограничить доступ к чтению своего блога определенным кругом людей. Судя по количеству записей, пользователи блог-платформы «Блоги.Казах.ру» неактивны – с начала 2019 года опубликовано всего 76 записей, 54 из которых принадлежат одному автору из категории «СМИ». Все семьдесят шесть записей на русском языке. За весь 2018 год опубликовано всего 238 записей, автором 202 из которых также опубликованы в блоге, который ведется от имени «портала визуальной и социальной журналистики» [Voxporthuli.kz](https://voxporthuli.kz). Соответственно, количество записей других авторов на платформе составляет всего 22 за 2019 и 36 за 2018 годы. Небольшое количество публикаций свидетельствует о низкой популярности платформы, что может объясняться техническими причинами, к примеру, неудобным для

пользователей интерфейсом, набором функций, либо низкой скоростью работы сайта платформы.

Еще одна казахстанская блог-платформа – today.kz/blogs – является частью информационного портала today.kz, созданного в 2016 году. Здесь отсутствует деление блогов на категории. За 2018 год опубликовано всего 145 записей, с начала 2019 – всего 19 записей. Почти все опубликованные записи написаны на русском языке, за исключением шести записей за 2018 год.

Блог-платформа horde.me создана в 2011 году. По словам авторов проекта, такое название было выбрано потому, что *horde* с английского переводится как «орда», то есть «шумная и веселая компания»; пользователей, авторов блогов и участников проекта, на платформе называют «ордынцами». Примечательно, что создатели платформы использовали именно близкое для менталитета казахского народа понятие «орда», а не другой его аналог. Лента записей платформы horde.me регулярно и активно пополняется. В среднем публикуется около ста записей в месяц, немного больше 6% из которых написаны на казахском языке. Блог-платформа имеет довольно большой набор функциональных возможностей. Здесь существует развитая система рейтинга авторов, в рамках которой опубликованным записям могут присваиваться соответствующие метки, такие как: «Лучший за неделю», «Лучший пост автора», «Больше 200 комментариев» и т. д. Для удобной навигации создана развернутая система тегов – слов-меток, являющихся гиперссылками на посты с похожей тематикой. На платформе публикуются записи не только личных дневников, но и корпоративных блогов. Профили корпоративных блогов выделены в отдельный раздел, в них есть возможность объединения в группу сотрудников корпорации. В целом, horde.me является довольно популярной среди казахстанцев блог-платформой с развитыми функциональными возможностями и активными пользователями, отражающей некоторые национальные особенности жителей страны.

Раньше других создана блог-платформа «YourVision» (yvision.kz). Блогеры Казахстана публикуют здесь свои записи с 2008 года. Активность пользователей платформы yvision.kz в разы выше по сравнению с другими казахстанскими блог-платформами. За месяц в ленте появляется более трехсот новых записей. Все записи относятся к определенным категориям, на которые можно «подписаться», чтобы не пропускать публикации на интересные для тебя темы. Всего на платформе двадцать семь категорий: «Спорт и экстрим», «Общество», «Игры», «Кино», «Книги», «Культура», «Наука», «Дневники», «Советы и лайфхаки», «Обзоры», «Образование», «Красота и здоровье», «Гастрономия», «Закон», «Политика», «Аналитика», «Авто и мото»,

«Путешествия», «Новости», «Творчество», «Экономика», «Музыка», «Фотоохота», «История», «Влоги» (Видоблоги), «Хлеб и зрелища», «Бомбануло». Самые популярные категории – «Общество» (480 подписчиков), «Книги» (297 подписчиков) и «Советы и лайфхаки» (283 подписчика). На блог-платформе также созданы специальные разделы для блогов, которые ведутся компаниями, а также для блогов представителей государственных организаций. В разделе «Компании» публикуются записи от имени как небольших, так и крупных организаций и компаний, таких как, например «LG Electronics Kazakhstan» В разделе «Госорганы» публикуются записи блогов департамента комитета труда, социальной защиты и миграции по Костанайской области (deprudastockst); департамента полиции СКО; представителя департамента национального бюро по противодействию коррупции по ЗКО Биржана Хайруллина. Около 45% записей в данном разделе написаны на казахском языке. Как правило, такие записи дублируются на русском языке. Мы можем видеть, что uvision.kz на данный момент является самой развитой и популярной блог-платформой Казахстана. Большой охват аудитории, удобный интерфейс и продуманные функциональные возможности приводят к постоянному увеличению числа блогеров, расширению спектра тем и даже привлечению на платформу крупных компаний и государственных организаций.

Небольшое количество казахстанских блог-платформ наглядно демонстрирует тот факт, что блогосфера Казахстана является еще не до конца сформировавшейся. Однако, на примере таких платформ, как horde.me и, в особенности, «YourVision», мы видим, что в казахстанском сегменте сети развивается собственная коммуникативная блогосфера, освещающая актуальные для казахстанцев проблемы и явления и отражающая национальные особенности государства.

В различных блог-платформах, а также на сайтах самостоятельных блогов оформление интерфейса различно, однако все они объединяются рядом обязательных элементов: 1) профиль пользователя, 2) лента записей, 3) страница отдельной записи блога, 4) лента подписок, или «лента друзей». Данный список основных элементов оформления блога предложен Баженовой Е.И. [2, с. 127-128] при описании блога по жанровой модели Л.Ю. Щипицыной. Стоит отметить, что в самостоятельных блогах, не привязанных к платформам, лента подписок, как правило, отсутствует, поскольку сайт содержит записи только одного автора.

Блог представляет собой сайт с размещенными в обратном хронологическом порядке записями с комментариями к ним. Комментарии к блогосфере являются важной частью коммуникативного процесса внутри блога, необходимым условием для

существования обратной связи между блогером и его читателями. Считаем уместным включить блок «комментариев к записи» в предложенный Е.А. Баженовой список основных структурных элементов блога. А.В. Алексеев предлагает рассматривать комментарии к записям как отдельный речевой жанр [1]. По мнению М.А.Ульяновой, если рассматривать блог как гипержанр, пост и комментарий к нему можно рассматривать как субжанры [4, с. 107].

Уместно, на наш взгляд, включить в список основных элементов еще один характерный элемент оформления – список авторов. Список авторов, как и «ленту друзей» можно встретить лишь на блог-платформах. Насколько справедливо отнесение данного элемента к основным в оформлении блога, можно будет утверждать лишь при более подробном дальнейшем исследовании.

Рассмотрим оформление блога на примере казахстанской блог-платформы *uvision.kz*. Каждый пользователь блог-платформы имеет профиль, создающийся при регистрации на платформе с возможностью редактирования в дальнейшем. Украинский ученый Мельник М.В. профиль автора блога относит к так называемым «средствам до коммуникативной самопрезентации», которые формируются ещё до начала непосредственно коммуникации [3, с. 6]. Структура страницы профиля пользователей блог-платформы *uvision.kz* унифицирована, то есть все профильные страницы строятся по одному шаблону. В профиле пользователя публикуется аватар, то есть графическое представление пользователя – это может быть как фотография автора блога, так и любое другое изображение, отображающее специфику характера пользователя. Рядом с аватаром обязательно указывается никнейм – псевдоним, используемый пользователем в Интернете и адрес профильной страницы пользователя блог-платформы по форме: *@nickname*. Далее по необходимости может быть указана следующая информация: место проживания, ссылка на аккаунт автора в других социальных сетях, краткая информация о себе. На каждой странице профиля расположена статистика пользователя: место в рейтинге платформы, количество опубликованных постов, количество подписок и комментариев.

В Ленте записей представлены расположенные в обратном хронологическом порядке записи автора. Самая последняя запись – сверху. Никнейм и аватар автора отображаются в ленте, сюда же входят дата публикации записи, заголовок, короткая аннотация к записи и иллюстрация. Под иллюстрацией располагаются статистические данные: количество просмотров, комментариев, репостов и лайков. Заголовок и изображение-иллюстрация одновременно являются ссылками на страницу данной блогерской записи.

На странице отдельной блоговой записи находится пост в полном объеме, который может содержать, помимо текста, изображения, динамичные gif-иллюстрации. В конце записи расположен блок, позволяющий поставить оценку или поделиться записью внутри блог-платформы или в социальных сетях. Ниже можно прочесть комментарии других пользователей.

В ленте подписок расположены записи авторов, на которых подписан пользователь, по аналогии с лентой каждого пользователя – в обратном хронологическом порядке. Подобным образом, с незначительными отличиями, оформлены все блог-платформы.

Мы провели анализ структуры нескольких крупных блог-платформ (таких как <https://yvision.kz>, <http://blogs.kazakh.ru>, <https://horde.me>, <https://www.livejournal.com>) на предмет наличия списка авторов блогов. В каждом из них так или иначе присутствует полный перечень всех блогеров, имеющих профиль на данной блог-платформе. Как правило, список авторов блогов одновременно является списком, отображающим рейтинг блогеров на платформе. На наш взгляд, список авторов имеет право быть включенным в список основных элементов оформления блога. Таким образом, мы выделяем шесть основных элементов блога: профиль пользователя, список авторов, лента записей, страница записи, комментарии к записи, лента подписок.

Исследование блога с точки зрения технических характеристик и с точки зрения коммуникативных, лингвистических характеристик, на наш взгляд, является наиболее удачным для описания интернет-жанров и позволяющим дать наиболее полную и развернутую их характеристику. Выделение основных элементов структуры блога важно для дальнейшего анализа блогосферы в различных аспектах.

Литература

1. Алексеев А.В. Записи в блоге как речевой жанр интернет-коммуникации: попытка описания // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых учен: в 3 ч. 2010. Вып. 13, ч. I-III. С. 452-457.
2. Баженова Е.А., Иванова И.А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2012. Вып. 4(20). С. 125-131.
3. Мельник М.В. Блог как жанр интернет-коммуникации // Система и структура восточнославянских языков: сборник научных трудов. Киев: Изд-во НПУ им. М.П. Драгманова, 2012. Вып. 5. С. 216-223.
4. Ульянова М.А. Классификация жанров интернет-дискурса // *Lingua mobilis*. Челябинск: Изд-во Энциклопедия, 2014. Вып. 3 (49). С. 102-110.

5. Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. 238 с.

УКД 659.12

Красноярова Анастасия Ильинична
Кубанский государственный университет
nadezhda.kraj@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ГИБРИДИЗАЦИИ МЕДИАТЕКСТОВ В НАТИВНОЙ РЕКЛАМЕ

В рамках данной статьи исследуются явление нативной рекламы как результат гибридизации медиатекстов, раскрывающих важные для аудитории темы, проблемы освещения спорных и провокационных тем в так называемых «партнерских материалах», вопрос о контроле содержания спонсорских статей и возможное использование гибридизации медиатекстов в целях манипуляции общественным мнением.

Ключевые слова: нативная реклама, медиатекст, партнерский материал.

Нативная реклама (native advertising) является видом рекламного продвижения продукта, принимающего вид медиатекстов, которые не воспринимаются аудиторией как рекламные. Несмотря на относительную новизну термина, данное явление получило широкое распространение, особенно в сфере журналистики, где оно маскируется под информационные или аналитические жанры.

В многочисленных статьях о нативной рекламе нераскрытым остается вопрос о целесообразности освящения тех или иных тем в так называемых «партнерских материалах». Так, российская Федеральная антимонопольная служба и американская Federal Trade Commission рассматривают данный вид продвижения как обычную рекламу: «Закон «О рекламе» не содержит понятия «нативная реклама». В ст. 3 закона о рекламе содержится понятие рекламы, и если информация содержит необходимые признаки рекламы, то она должна распространяться с учётом положений данного закона» [1]. В основном редакции СМИ выполняют предписание органов и раскрывают рекламный характер материала специальными обозначениями: логотип бренда, надписи “Sponsor content”, баннеры “Paid by” и др.

Вместе с тем, помимо спонсорского контента, оплаченного благотворительными организациями, в интернет-СМИ публикуется нативное продвижение бренда с тематикой, затрагивающей проблемы

личности, общества, социальных групп и государств в целом. На сегодняшний день не существует такого органа, который бы отслеживал публикации «партнерских материалов» и ставил вопрос о целесообразности раскрытия тех или иных новостей и событий в статьях «на правах рекламы»: «На данный момент у ФАС нет правовой базы выделения нативной рекламы как отдельного формата и нет опыта, чтобы определять, насколько «естественно» интегрирован тот или иной бренд, если тематика ресурса совпадает с тематикой продвигаемой статьи» [1].

Редко можно встретить комментарии авторитетных источников к данному вопросу. В 2019 году датский Институт нативной рекламы дал рекомендации в создании «партнерских материалов», в которых несколько абзацев уделялось содержанию «партнерских материалов». Первыми в списке оказались наставления маркетологам быть «смелыми». Согласно их советам, выход за рамки «зоны комфорта» позволит рекламе обратить на себя внимание читателей: «Возможно, достаточно добавить юмористический поворот к не очень смешной теме или продукту – но, возможно, стоит поговорить о сложных вопросах, даже если они кажутся неуместными или слишком личными. Люди ценят чтение о вещах, которых беспокоят их больше всего, и в результате они будут благодарны бренду за то, что он пишет об этом» [7, с. 218]. В сочетании с рекомендацией обращаться к актуальным новостям для добавления актуальности и авторитета материалу, «даже если вы поддерживаете жесткое разделение между новостным и рекламным контентом», данные рекомендации от международных экспертов по созданию и оцениванию нативной рекламы подводит авторов к созданию остросоциальных статей «на правах рекламы».

В Институте также отмечают, что важно держать на привычном месте разделение «церкви» и «государства». Данное уточнение отсылает к самой скандальной и провальной нативной рекламе для общественно-политического издания. Статья “David Miscavige Leads Scientology to Milestone Year” («Дэвид Мискэвидж привел саентологию к поворотному году») вышла в свет в январе 2013 года в электронной версии журнала The Atlantic по заказу церкви саентологии, о чем предупреждала пометка над заголовком «Спонсорский контент» (Sponsor content). Более того, в комментариях под материалом были убраны все сообщения с критикой в адрес журнала и церкви.

Однако, несмотря на шквал критики и удаление скандального материала, формат нативной рекламы оставался привлекательным для интернет-издательств. По словам Хейли Ромер, вице-президента-издателя The Atlantic, редакция не создавала сама эту рекламу. Но скандал привел журнал к созданию и публикации руководящих принципов для спонсируемого контента. «Самый большой вывод из ситуации с

саентологией заключался в том, что мы не думали о том, чего хочет читатель», – сказала она [9].

Материал, который мотивировал создателей «спонсорского контента» чаще обращаться к «горячим» темам общественно-политических изданий, называется “Women Inmates: Separate But Not Equal” от The New York Times. Данный спецпроект представляет сериал от Netflix под видом исследования проблем женщин-заключенных. В многочисленных статьях о нативной рекламе авторы описывают этот материал как нашумевший и успешный проект, который по силе влияния на аудиторию сравним с журналистским расследованием.

С того дня, как был опубликован материал об узниках тюрем, прошло более 5 лет. За это время было выпущено огромное количество «брендированных» статей с остросоциальной повесткой, часть из которых получили престижные награды и международное признание. На основе исследования данных примеров нативной рекламы в российских и зарубежных интернет-СМИ можно составить список спорных и провокационных тем, встречаемых в «партнерских материалах»:

1. Социальные проблемы. Общественно-политические онлайн-издания зачастую публикуют «спонсорский контент», затрагивающие болезненные проблемы общества: бедность, проблемы людей преклонного возраста, безработицу, нарушение прав ребенка и многие другие. Так, на фоне основного содержания естественно выглядят статьи “Helping Children of War Be Children Again” («Помогая «детям войны» стать снова детьми») на The New York Times, “Can technology make medication errors a thing of the past?” («Могут ли технологии оставить врачебные ошибки в прошлом?») на The Guardian, “How to save electricity: The best ways to save money on your energy bills” («Как сэкономить электроэнергию: лучшие способы сэкономить на счетах за электроэнергию»), “Helping Refugees Find Economic Opportunity, Across Borders ” («Содействие беженцам в поиске экономических возможностей за границей») на The Atlantic и др.

2. Исторические конфликты. Нередко в нативной рекламе упоминаются драматические события в истории стран. Например, лонгрид «Земля разделена» (“A land divided”) на The Atlantic, посвященный Израильско-Палестинскому конфликту и созданный для продвижения второго сезона сериала «Фауда», обращается к кровопролитным международным столкновениям второй половины XX века: «8 декабря 1987 года в лагере палестинских беженцев на севере Газы грузовик армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) столкнулся с гражданским автомобилем, в результате чего погибли четыре палестинца <...> Восстание началось мирным путем с всеобщих забастовок и бойкотов израильских руководящих органов в Газе и на Западном берегу,

а также с других акций протеста. Он быстро перешел к забрасыванию камнями и бутылками с зажигательной смесью зданий ЦАХАЛ и удерживаемых армией строений в регионах. В ответ Израиль развернул около 80 000 солдат в течение первого года, первоначально стреляя боевыми патронами, которые убили сотни палестинцев» [4].

3. Политические интересы. Помимо рекламного продвижения бренда «партнерские материалы» могут содержать в себе высказывания, которые раскрывает политические предпочтения их создателей. Интервью «Ленты.ру» с председателя правления кооператива ЖК «Бест Вей» Романом Василенко наводит на мысль о необходимости изменений во внутренней политике России: «Мной предложены поправки в законодательство в сфере жилищной кооперации, поддержанные фракцией «Справедливая Россия». Надеюсь, что ситуация на жилищном рынке подвигнет депутатов к тому, чтобы заняться законом – и тем самым стимулировать создание массовой системы жилищной кооперации в нашей стране» [3]. Более того, в проплаченных статьях могут сравниваться политика «проблемных» и «продвинутых» стран, как это происходит в «партнерском материале» от шведской компании Invest Stockholm «Разве это лучшее место в мире, чтобы быть женщиной?» (“Is this the best place in the world to be a woman?”). В нем противопоставляется «равноправная» Швеция с недостаточно прогрессивной Америкой: «После выборов в США Кристин и ее муж собрали свои вещи и, образно говоря, отправились в Стокгольм в поисках города, более соответствующего их политическим убеждениям. Для Кристины также было важно переехать в город, где ее пол не будет препятствовать профессиональному потенциалу <...> «Все мои подруги трудятся на работах, которые в Штатах почти на 100 % выполняли бы мужчины» [6].

4. Криминальная хроника. В зарубежных интернет-СМИ встречаются нативная реклама, основной темой которой являются преступления. Так, в продвигаемых The New York Times подкастах “Why Women Kill: Truth, Lies and Labels” («Почему женщины убивают: правда, ложь и ярлыки») от стримингового сервиса CBS All Access рассматриваются реальные истории женщин-убийц. Также выделились на общем фоне спецпроекты, посвященные деятельности наркобарона Пабло Эскобара: рекламирующий сериал от Netflix “Cocainomics” на электронной версии “The Wall Street Journal”, представляющая фильм «American Made» статья “Superpiloten som lurte Escobar i fella” для норвежской газеты VG и др.

5. Болезненные состояния. Когда через «спонсорский контент» рекламируются медицинские товары и услуги, на передний план выдвигается детальное описание нарушения нормальной жизнедеятельности организма. Статьи могут иллюстрировать как

физические недостатки («Как заботиться о зрении и почему возникает близорукость? Офтальмолог-хирург – о гаджетах, питании и лазерной коррекции» от газеты «Бумага»), так и психологические проблемы («Лучшее время суток. Почему возникает бессонница и как с ней бороться» от «Ленты.ру»).

6. Случаи насилия и смерти. Некоторые создатели «партнерских материалов» не гнушаются использовать приемы шокирующей рекламы. Так, «Тест: на какой слэшер похожа ваша жизнь?» от информационного портала «Нож» изобилует пугающими образами из фильмов ужасов: иллюстрации с орудием убийства, красочные метафоры, отсылки к слэшерам и т.д.

7. Гендерные конфликты. Судя по результатам международного конкурса 2018 Native Advertising Awards, одной из самых популярных тем в нативной рекламе является проблемы взаимоотношений мужчин и женщин. Например, 3-е места в номинации “Most Creative Native Advertising Campaign” («Самая креативная кампания нативной рекламы») удостоился российский женский интернет-журнал “Wonderzine”. Создатели лонгрида «Почему мы больше не должны готовить. Девушки рассказывают о счастливой жизни без кухни» так описали креативную идею для иностранных жюри: «В России распространена идея, что женщины должны готовить для своих домочадцев. Они ДОЛЖНЫ знать, как это делать. Они ДОЛЖНЫ обеспечивать едой своих партнеров. Родители обычно ругают своих дочерей, говоря: «Ты должна больше готовить для него... Почему ты не готовишь? Он тебя бросит!» Почему же? И кто это сказал?» [7, р. 28-29]. Однако на создание материала побудило не стремление журналистов организовать дискуссию о злоупотреблениях патриархального общества, а желание удачно представить читательницам услуги доставки еды Delivery Club.

8. Аспекты интимной жизни. Порой к публикации допускаются «партнерские материалы», затрагивающие вопросы сексуального характера. Ранее журнал о городской жизни The Village объединила несколько рассказов в материал под заголовком «"Экстренно ищу партнера": 3 истории о сексе и псориазе». Видимо, успех статьи побудило издание опубликовать совместный проект с Suzuki «Гид по сексу в машине: что, куда и как» с порнографическим содержанием – спустя некоторое время эта нативная реклама была удалена.

Подобный опыт публикации провокационной нативной рекламы в интернет-СМИ указывает на то, что контроль над качеством содержания «партнерских материалов» и достоверностью описанных в них сведений лежит на редакции и аудитории. Угроза обращения пользователей сети к ФАС порой становится решающим доводом к снятию из открытого доступа «спонсорского контента» на провокационную тему.

Существует множество статей, в которых исследователи призывают журналистов относиться ответственно к публикации нативной рекламы: «Если журналисты хотят привлечь внимание к брендам, предоставив им часть своего издательского пространства, они должны нести за это ответственность. Они должны действовать как фильтры и постоянно держать свою аудиторию в поле зрения, а также они должны нести ответственность за бренды и быть полностью прозрачными в отношении публикации спонсируемого контента. Это единственный способ продолжать делать свою работу должным образом, защищая доверительные узы, которые они имеют с читателями» [8]. Однако, как можно наблюдать в приведенных выше примерах, сотрудники редакции нередко готовы рисковать доверием читателей и авторитетом издания ради эффективной нативной рекламы. Вместе с тем такие медиагиганты, как The New York Times, The Washington Post, BBC, CNN и др., преодолели скептическое отношение к «партнерским материалам» и сами стали их активно распространять: «Нативная реклама не может убить настоящую журналистику: только журналисты могут» [5]. Активное внедрение этого конвергентного жанра в медиасферу приводит к злоупотреблению средствами коммуникативного влияния на читателей: «Этическая проблемность гибридизации медиатекстов должна получить также адекватное отражение в содержании журналистского образования – особенно если принять во внимание благосклонное отношение части практиков к возможности экономить расходы и привлекать дополнительные средства, прибегая к "пиарналистике" и "нативной рекламе"» [2, с. 91].

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что нативная реклама превратилась из простого инструмента обхода «баннерной слепоты» и блокирующих рекламу фильтров в неотъемлемый для многих информационных порталов контент, освещающий важные для аудитории темы. Поскольку рынок спонсорского контента функционирует без строгих ограничений к наполнению текстов, обращение к общественно значимым и дискуссионным темам стал в нативной рекламе одним из самых эффективным способом манипуляции вниманием читателей и внушением потребителям определенных сценариев поведения.

Литература

1. Законна ли нативная реклама / Дружинин А., Вовнякова А., Бережная Н. / Sostav.ru, 2016. URL: <https://www.sostav.ru/publication/nativnaya-reklama-20662.html> (дата обращения: 15.10.2019)

2. Короченский А.П. Тенденция гибридации медиатекстов как этический вызов журналистике // Современная журналистика в аспекте деонтологии. М.: Ф-т журн. МГУ, 2017. С. 86-93.

3. С миру по нитке. / Лента.ру, 2019. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/10/07/cooperativ/> (дата обращения: 15.10.2019)

4. A land divided / The Atlantic, 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/sponsored/netflix-fauda-2018/a-land-divided/1853/> (дата обращения: 15.10.2019)

5. Dana Abulaban. Are Native Ads Killing Real Journalism? / Medium, 2017. URL: <https://medium.com/@DanaAbulaban/are-native-ads-killing-real-journalism-e14685d3ba1> (дата обращения: 15.10.2019)

6. Is this the best place in the world to be a woman? / The Local, 2018. URL: <https://www.thelocal.se/20180308/is-this-the-best-place-in-the-world-to-be-a-woman-investstockholm-tlccu> (дата обращения: 15.10.2019)

7. Johanne Eliasson. 51 Award-winning Native Advertising Examples from the 2018 Native Advertising Awards / Johanne Eliasson – Copenhagen: Native Advertising Institute, 2019. 225 p.

8. Mía Čomić. Is sponsored content destroying journalism? / Content Insights AD, 2019. URL: <https://contentinsights.com/sponsored-content-destroying-journalism/> (дата обращения: 15.10.2019)

9. Michael Sebastian. Netflix goes native on the atlantic to promote “House of cards” / Ad Age, 2015. URL: <https://adage.com/article/digital/netflix-native-promote-house-cards/297532> (дата обращения: 15.10.2019)

УДК 050

Медведева Анастасия Павловна
Башкирский государственный университет
alexejmedvedev@mail.ru

ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ АНОНСА В НОВОСТНОЙ ТЕЛЕПРОГРАММЕ

В статье рассматриваются языковые особенности оформления анонса – предваряющего сюжетную часть компонента телевизионного выпуска новостей. Материалом для анализа стали итоговые (недельные) телепрограммы канала «Россия. Башкортостан».

Ключевые слова: телепрограмма, информационный выпуск, анонс, языковые образные средства.

Телевидение является одним из самых влиятельных современных средств массовой коммуникации. Уникальность теле вещания – передача

одновременно звуковой информации и зрительной, что создает особый эффект восприятия и понимания. Кроме того, как средство обработки и передачи информации, телевидение обладает способностью проникать в любую точку мира – это так называемая «вездесущность телевидения» [1, с. 22].

Отражая реальную жизнь в ее многообразных проявлениях, телевидение является богатейшим источником информации и в то же время инструментом для изучения развития общества. Оно имеет свои жанровые особенности, методы и формы работы, которые определяются спецификой телевизионного вещания.

Информационные (новостные) программы представляют собой регулярное сообщение о текущих событиях во всех сферах жизни, они нацелены на любого зрителя, поскольку удовлетворяют его потребность в информации о происходящем в городе, регионе, стране и мире. Это могут быть постоянные телепередачи с широким тематическим спектром или специализированные выпуски, содержащие набор новостей одного профиля, а также информационно-аналитические программы, в которых обобщается и систематизируется информация за определенный период (обычно неделю, месяц). Качественная новостная программа имеет свой сценарный план, подготовленные информативные тексты, хорошо узнаваемый графический стиль, ярких ведущих и корреспондентов.

Информационный телевизионный выпуск новостей имеет собственную структуру. Обычно в ней две части – анонс и сюжеты, они могут иметь внутреннюю классификацию. Мы проанализировали языковое оформление анонса на примере программы «Вести. Башкортостан - События недели» телеканала «Россия. Башкортостан» - в этих итоговых по своему содержанию выпусках анонсы играют важную роль, определяют концепцию и задают тон всей передачи.

Условно можно подразделить анонс, т.е. вступительную, предваряющую новости (сюжеты) часть телевыпуска, на 2 вида: 1) шпигель; 2) собственно анонс.

1. Шпигель (нем. «зеркало») – это анонс-вступление, имеющий заданную структуру: 1) первое предложение является своего рода образным заголовком, привлекающим внимание: здесь нередко используются метафоры, фразеологизмы, прецедентные тексты; 2) следующие 1-2 предложения – краткое, свёрнутое содержание новости (или наиболее важных новостей); 3) представление ведущим себя; 4) обязательное упоминание названия программы («События недели»); 5) устойчивая фразеологическая клише, которая обеспечивает переход к собственно анонсу.

Приведем несколько примеров:

Окно в Европу: прямо из Уфы рекордные 80 миллиардов и Волейбольная Лига наций. Подведем информационные итоги уходящих

семи дней. Это «События недели». Я Эльвира Ямианова. Смотрите в этом выпуске...

Расстрел в центре Уфы. Брошенные машины отправят на свалки. Дачные войны. И почему власть назвали белой акулой? Это «Вести. Башкортостан – События недели». Я Элла Курильская. Смотрите в этом выпуске...

Наши в Кремле. Башкирский Робин Гуд в юбке. Что первое июня нам готовит? Первый трезвый башкирский Сабантуй. И новый телевизионный лидер в стране. Это «Вести. Башкортостан – События недели». Я Элла Курильская. В этом выпуске вы увидите...

Иногда шпигель сокращается, и тогда зрителю как будто предлагают подвести информационные итоги уходящих семи дней вместе с ведущим. Здесь появляется интрига – мы не знаем, что будет в выпуске, но предполагаем, что нам расскажут о самом важном за неделю: *Неделя подходит к завершению, и время подвести информационные итоги этих семи дней.* Я Эльвира Ямианова. Это «События недели». Смотрите в этом выпуске...; *Воскресенье. И время подводить информационные итоги уходящих семи дней.* Это «Вести. Башкортостан – События недели». Я Эльвира Ямианова. И вначале коротко о главном...

Первое предложение шпигеля – это часто так называемый «Именительный темы», несамостоятельное предложение, которое представляет тему, иногда пронизывающую весь выпуск (*74-ая годовщина Великой Победы; Первый трезвый башкирский Сабантуй; Транспортный коллапс на трассе Уфа – Аэропорт*); нередко здесь вопросительные предложения, которые «сближают» автора и аудиторию (*Что первое июня нам готовит?... И почему власть назвали белой акулой?*), а также односоставные предложения - чаще всего неопределенно-личные, где субъект не называется, п.ч. он известен (*Брошенные машины отправят на свалки; Труд врачей отметили на республиканском уровне. На форуме в Уфе говорили о начале «мусорной реформы»*). Всё это придаёт шпигелю броскость, лаконичность, образность.

2. Собственно анонс – это предварительное сообщение зрителям о тех событиях, которые будут освещены в выпуске. По сравнению со шпигелем, он более насыщен информацией, это развёрнутый текст из нескольких предложений. В анонсе ведущий представляет уже не себя, а корреспондентов – авторов сюжетов.

Анонс «Событий недели» знакомит зрителей с 4-5 (редко больше) главными новостями выпуска. Он содержит перечисление основных вопросов и тем, затронутых в каждом сюжете. Приведем примеры:

Неделя семьи. Уфа стала местом встречи детских правозащитников со всей России. Какие вызовы стоят перед взрослыми? Почему Конгресс «Вектор детства» приехал именно в Уфу. О чем

большой Родительский форум? А ещё — о школьном буллинге, отцовском патруле, гостинице для подростков и уникальном центре абилитации. Специальный репортаж Гульназ Нураевой.

Время перерабатывать мусор. Первый в республике экотехнопарк оценили делегаты Международного съезда региональных операторов. На форуме в Уфе говорили о начале «мусорной реформы». Когда такая спецтехника появится во всех уголках республики и почему самый сильный человек России приехал в Уфу, чтобы сдвинуть с места мусоровоз, расскажет Ирина Швец.

Врачи нарахват. В медуниверситете прошло первое распределение ординаторов. За молодыми медиками развернулась настоящая охота. Нормундс Калькис наблюдал за кадровым аукционом.

Шведская муха погубила башкирский урожай. Режим ЧС в 42-х районах республики. Ущерб - почти один миллиард рублей. Кто и в каких объемах получит компенсацию? Репортаж Алексея Медведева.

В связи с большой информативной насыщенностью анонс оформляется с помощью различных синтаксических конструкций: здесь используется именительный темы (*Прощание со школой; Разбушевавшийся буян*), двусоставные предложения (*Какими будут «башкирские комфортные дворики»; Шведская муха погубила башкирский урожай; На закрытом показе побывал Азамат Салихов;*), неполные предложения с незамещенной позицией сказуемого (*Вся актуальная информация для поступающих - у Алины Каматовой; Айну́р Гибадуллин – о силе веры; А ещё - об отцовском патруле, гостинице для подростков и уникальном центре абилитации.*), вопросительные предложения (*О чем большой Родительский форум? Какие методы лечения практиковал уфимский доктор?*). В последней части анонса почти всегда употребляется сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным - это особого рода представление корреспондента и темы его сюжета: *В чем корни такой беспрецедентной жестокости, разбиралась Ангелина Машикина; Анвар Аслямов о том, как проследить путь препаратов от производителя до аптеки; Как к реформе готовится парк общественного транспорта, выясняла Гульназ Нураева.*

В тексте анонса широко используются языковые образные средства. Здесь представлены **метафора** (*кладбище домашних автомобилей; в Уфе забило «Сердце Евразии»; за молодыми медиками развернулась настоящая охота; кадровый аукцион; единая транспортная карта с 1 июня свяжет всю республику*) и **метонимия** (*Башкортостан замер в минуте молчания; трезвый башкирский Сабантуй; Конгресс «Вектор детства» приехал именно в Уфу*), **фразеологизмы** (*о тех, кто ежедневно стоит на страже россиян; подведем итоги недели; горе луковое; привлекли внимание; проводят время*) и **прецедентные феномены** (*Беги, Луиза, беги!; башкирские*

Бонни и Клайд; Робин Гуд в юбке; окно в Европу; что первое июня нам готовит?), эпитеты («токсичный» доллар; недружелюбное пространство; заоблачные цены). Следует отметить и вполне удачные приемы обыгрывания в тексте известных устойчивых выражений: В Стерлитамаке женщина-ветеран Великой Отечественной войны с боем отстояла свою квартиру; Вся правда о лекарствах. Медикаменты ставят на учет и вводят их маркировку; Время перерабатывать мусор. Первый в республике экотехнопарк оценили делегаты Международного съезда региональных операторов; Горе луковое. Куда исчез лук -севок? И почему в этом сезоне сажать овощ дороже, чем купить?

Новостные телепрограммы строятся по устойчивым моделям в соответствии с требованиями телевизионного формата. Структурированность усиливает эффект информационного воздействия на зрителей. Поэтому качественный выпуск новостей возможно построить на основе органичного соединения всех компонентов. В. Л. Цвик назвал самое начало новостной программы «опасным моментом» для журналистов, поскольку, если в анонсе информация преподнесена скучно, зритель переключается на другой канал [2, с.327]. Яркое, грамотное языковое оформление в комплексе с информационной ёмкостью и актуальной тематикой составляет главное достоинство анонса как важнейшей части новостной телепрограммы.

Литература

1. Васильева Л. А. Делаем новости! М.: Аспект-пресс, 2002. 190 с.
2. Цвик В. Л. Телевизионная журналистика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030601 «Журналистика». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 495 с.

УДК 81.26

Перова Елена Анатольевна

Краснодарский государственный институт культуры
enja10@mail.ru

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

Воспроизводя общественно-политическую обстановку и социально-психологическую атмосферу 1950-1960-х гг., автор статьи выявляет обусловленность содержания массовой печати выбранного периода существовавшими политико-идеологическими установками и ее роль в интерпретации общественно значимых событий. Устанавливается,

что содержание публикуемых материалов было подчинено единой цели текстового воздействия – укреплению власти путем завоевания симпатий народа.

Ключевые слова: СМИ, язык СМИ, пресса, периодическая печать, «хрущевская» оттепель.

В советский период роль и функции такого социального института, как пресса были строго определены и ограничены: печать не могла быть чем-то иным, кроме как инструментом господства правящей партии, что непосредственным образом отражалось на характере воспроизводимой информации. Влияние периодической печати на массовое сознание особенно возрастает в моменты острых социальных потрясений. Конец Второй мировой войны, ее первые послевоенные годы, а также последовавшее за ними десятилетие можно считать периодами, отмеченными такими чертами, как переходность и нестабильность. Кратко охарактеризуем основные социально-экономические и политические изменения, произошедшие в государстве и, как следствие, нашедшие отражение в периодической печати 1950–1960-х гг.

Привлекая различные источники, попытаемся воспроизвести социально-психологическую атмосферу середины 1950-х – начала 1960-х гг. И здесь, естественно, нужно отдавать себе отчет в том, что любые попытки реконструировать столь отдаленное прошлое априори будут носить достаточно условный характер. Ведь так или иначе, но сохранившиеся документы (которые в данном случае не гарантируют точность), собранные факты имеют безусловную ценность, но лишь как отдельные мнения, суждения, которые неизбежно будут иметь личностный, субъективный характер [2, с. 96]. Составить целостное представление о «хрущевском» десятилетии – задача трудноразрешимая во всех отношениях.

Что представляло собой мироощущение советских граждан в рассматриваемый период? Интересно, на наш взгляд, мнение журналиста и тогда еще не получившего широкую известность писателя Г. Маркеса, который приехал в Москву в 1950-е гг. и в качестве важнейшей составляющей, определявшей психологию советских граждан, назвал навык массовой организованности: общество ощущает себя единым целым с властью. Г. Маркес также отметил, что народ, разделяя видение мира, диктуемое партией, знает, в сущности, только одно противоречие: между хорошим и лучшим [6].

Все лучшее, что было в жизни каждого советского человека, непременно ассоциировалось с существующим в стране политическим строем, который воспринимался как единственно верный и возможный. А все дурное должно было остаться где-то за его пределами, на обочине. И

вполне естественно, что в такой атмосфере любая критика существующего строя подвергалась всеобщему осуждению. Характерная черта времени – социальный оптимизм, убежденность общества во временном характере трудностей и в обязательности скорого их преодоления, гарантирующего счастливое будущее. В советском сознании последовательно и планомерно укреплялось насаждавшееся прежде всего средствами массовой информации (далее – СМИ) представление, что выражать недовольство социальным устройством общества, где старательно искореняется все дурное, оставляя выбор между «хорошим и лучшим», могут исключительно люди, которые лишены всего человеческого – безродные космополиты [9, с. 130-131].

В интервью, опубликованном в книге «Пресса в обществе (1959–2000)», дочь Н. С. Хрущева Р. Н. Аджубей, оценивая обстановку, сложившуюся в 1950-е гг., определяла ее как «нараставший психоз», который разразился смертью Сталина, а события 1956 г. сравнивала с революционными [7, с. 15-16].

Смерть Сталина создала ощущение катастрофы, породила состояние мучительного ожидания грядущих еще более страшных потрясений в социуме, поскольку система, которая воспринималась как нерушимая, дала сбой. Для советских людей фигура вождя заключала в себе не просто представление о власти, но была средоточием целой системы жизненно важных ориентиров. Пугающее ожидание завтрашнего дня было небеспочвенным: продолжительное пребывание в крайне стесненных материальных и тяжелых психологических условиях не позволяло надеяться на «светлое будущее» [9, с. 128]. Новое руководство во главе с Хрущевым теперь должно было установить иную систему взаимоотношений между властью и народом. Оказавшиеся к стати отрицательно маркированная идеологема «культ личности» и положительно маркированная идеологема «коллективное руководство», регулярно воспроизводимые в СМИ, позволяли сталинским преемникам сводить любые недоработки существующего строя к личностным факторам, «маскировать» собственные просчеты, манипулировать массовым сознанием, снимая с себя ответственность.

Но все-таки новое руководство отчетливо понимало: остро назрела необходимость кардинальных перемен, решительных действий, которые нашли бы одобрительный отклик в народе. Исследователь Н. Барсуков отмечал, что три первых послесталинских года были наиболее спокойными и продуктивными за все послевоенное время, можно было считать, что консенсус «власть – народ» в значительной мере сложился. В качестве положительных преобразований автор называет такие действия, как восстановление норм законности и правопорядка, ослабление идеологического прессинга, первые шаги в деле политической

реабилитации, повышенное внимание к вопросам экономического характера, прежде всего подъему сельского хозяйства, повышению материальной заинтересованности трудящихся, общего уровня жизни и т.д. Наступила долгожданная «оттепель» [2, с. 99-100].

Исследователь В. Н. Шевелев, подчеркивая масштаб «осевого сдвига», сравнивал совершавшиеся изменения 1956-1964-х гг. с реформами Петра I, преобразованиями Александра II, а также эпохой «трех революций», разразившихся в XX веке. Ученый также перечисляет безусловно продуктивные действия и тенденции, качественные изменения уровня жизни советских граждан, пришедшие на смену укоренившемуся страху и сомнениям: во многом был решен вопрос жилья, в области искусства и литературы произошел небывалый всплеск, менялись сами люди, их сознание, поведение. Настоящим «политическим бестселлером» автор назвал произнесенный на XX съезде партии доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» [11, с. 10].

Новая общественно-политическая атмосфера требовала особого наименования, которое бы отвечало наметившимся демократическим тенденциям, отражало психологическое состояние советского общества. Как нельзя кстати оказалось именно понятие «оттепель», подхваченное после опубликования в журнале «Знамя» одноименной повести И. Эренбурга и очень четко определившее период исторического межсезонья: «оттаивание», постепенное освобождение от страха, агрессии, лжи, смена общественной атмосферы, характеризующейся обновлением духовной жизни, появлением феномена «общественное мнение». И, хотя обозначенные тенденции имели место прежде всего в образованных слоях, начало было положено [11, с. 160].

Что же принципиально нового происходило в 1950–1960-е гг.? Пожалуй, главным было то, что, возможно, впервые в советской истории в общественном сознании возникает сомнение насчет механизмов власти и концепции социального устройства. Доклад Н. С. Хрущева явился мощнейшим стимулом будущих преобразований. Но «оттепельные» явления длились недолго, не заставили себя ждать и следовавшие вскоре «заморозки» [7, с. 7].

Как это обычно происходит в кризисные моменты, в рассматриваемый период активизируется историческая роль периодической печати – отражать умонастроения времени, быть «пульсом» эпохи. Именно публицистическое слово может дать ответ на вопрос, что такое «оттепель» в контексте советской истории: конец «зимы сталинизма» или затишье перед предстоящим «застоем».

Анализ таких периодических печатных источников, как газеты «Правда», «Известия», журналы «Новый мир», «Знамя» позволил выявить, что получившие большую популярность в рассматриваемый

период различного рода погодные аллегории, метафоры («оттепель», «заморозки» и пр.) актуализировались в текстах намеренно, поскольку позволяли в условиях по-прежнему сохранявшихся цензурных ограничений номинировать явления не напрямую, а опосредованно. Авторы газетных и журнальных текстов общались со своими читателями, используя различного рода иносказания, посредством «эзопова языка», помещали значимую информацию в подтекст.

Таким образом, язык печати в данный период отмечен чертами агитационности: все, что было связано со сталинским режимом, окружалось ореолом негативных ассоциаций (частотны лексемы *мрак*, *страх*, *несвобода* и пр.), а в отношении нового политического курса, напротив, возникали исключительно положительные, оптимистические коннотативные наслоения (регулярны лексемы *свет*, *тепло*, *радость*, *инициатива* и пр.).

Читатель привыкал к новому стилю общения с авторами и начинал не просто воспринимать излагаемые в произведениях литературы, публицистики события и факты, но также старался интерпретировать каждый художественный образ. Поэтому очевидно, что в рассматриваемый период особую ценность и доверие читающей публики получает именно слово, «либо несущее в себе отчетливо выраженный публицистический заряд, либо поддающееся интерпретированию в публицистическом ключе» [10, с. 14].

В научной литературе период «хрущевской» оттепели практически единогласно определяется как полный противоречий, «перегибов» и ошибок при безусловном присутствии отдельных положительных тенденций и свершений, которые, к сожалению, не имели системного характера и не определяли развития общества в целом.

Подтверждение находим в многочисленных трудах ученых, занимавшихся исследованиями различных аспектов жизни советского социума 1950–1960-х гг. Авторы Э. К. Арутюнов [1], А. В. Гаврилюк [4], А. Л. Воронцов [3], Ю. В. Кузнецов [5], А. В. Пыжиков [8], О. И. Федоренко [9] и др. называют главный фактор, препятствовавший прогрессу и действительному, стабильному, а не показному росту благосостояния народа, – это сама политическая система, остававшаяся в неизменном виде. По мнению ученых, требовались кардинальные меры, которые не были предприняты ни в исследуемый период, ни впоследствии [3, с. 177-178].

Подвергаясь неослабевающему цензурному контролю, периодическая печать вынуждена была лавировать: безжалостно обличать «темное прошлое», утверждать радостное настоящее и торжественно приближать светлое коммунистическое будущее.

Появилась возможность дискуссии, полемики, критического осмысления былого и происходящего – немислимые приобретения для печати в сравнении с предшествующим периодом. Однако необходимо было во всем соблюдать осторожный баланс: прежде всего, говорить о недостатках в стиле руководства можно было исключительно в объеме дозволенного, не затрагивая высших эшелонов власти. Следовательно, можно судить лишь о тенденциях демократизации в периодической печати, об обретении авторами большей, но не абсолютной свободы, степень которой практически всецело регулировалась интересами правящей партии. Печать, таким образом, была главным инструментом конструирования новой, послесталинской действительности.

Несмотря на провозглашение в СМИ человека и всех его потребностей в качестве главного объекта заботы со стороны государства, назначение периодической печати по-прежнему сводилось к удержанию правящей партией своих властных позиций.

Литература

1. Арутюнов Э.К. Разработка и основные проблемы реализации аграрной политики СССР (1965–1975 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Эрик Каренович Арутюнов. М., 2004. 222 с.
2. Барсуков Н.А. На переломе: Советское общество в послевоенные десятилетия // Свободная мысль. 1994. №6. С. 95-107.
3. Воронцов А.Л. Общественно-политические процессы в жизни советского общества 1953-1964 годы: дисс. ... канд. ист. наук. Курск: КГТУ, 1999. 198 с.
4. Гаврилюк А.В. Общественно-политическая жизнь советской провинции в 1953–1964 годах (на материалах Курской области): дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2012. 308 с.
5. Кузнецов Ю.В. Аграрная политика КПСС в 50-х – первой половине 60-х гг. и общественно-политическая мысль: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995. 291 с.
6. Маркес Г. СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы. URL: http://www.leonidandreev.ru/personal/markes_ussr.htm
7. Пресса в обществе (1959–2000): Оценки журналистов и социологов. Документы / Авторы и исполнит. проекта А. И. Волков, М.Г. Пугачева, С.Ф. Ярмолук. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 613 с.
8. Пыжиков А.В. Общественно-политическое развитие советского общества в 1953–1964 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998. 326 с.

9. Федоренко О.И. Тенденции и противоречия аграрной политики советского государства в 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 198 с.

10. Чупринин С. Оттепель: время больших ожиданий // Оттепель. 1953–1956: Страницы русской советской литературы. М.: Московский рабочий, 1989. С. 3-15.

11. Шевелев В.Н. Н.С. Хрущев. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 352 с.

УДК 811.111-133

Терашвили Тамара Акакиевна

Северо-Осетинский государственный университет
им. Коста Левановича Хетагурова
tamariste@gmail.com

СТРАТЕГИИ ОСУЖДЕНИЯ И ДИСКРЕДИТАЦИИ В ЗАГОЛОВКАХ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПОЛИТИКА В АМЕРИКАНСКИХ МАССМЕДИА

Медиатексты политического характера являются наиболее популярными по контенту среди пользователей социальных медиа и массового потребителя печатных изданий. Поскольку массовая аудитория не является непосредственным участником политических процессов, основной площадкой существования политической коммуникации между политиками и гражданами страны становятся массмедиа. При этом роль посредника, которую они на себя берут, дает им возможность влиять на политические процессы, формируя общественное мнение. Оценочная составляющая политических статей, которой авторы добиваются с помощью целого арсенала языковых средств, призвана снизить информационное восприятие политической коммуникации. Отношения людей и их групп, которыми двигают коллективные и индивидуальные потребности, составляют политический дискурс. В выстраивании указанных отношений немалое значение имеет газетный заголовок.

Ключевые слова: политический дискурс, функция заголовка, тип заголовков, дискурс массмедиа, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, образ политика.

Одной из первоочередных задач заголовка газетного текста является привлечение внимания читателя. Некоторые ученые отмечают, что заголовок статьи – это своего рода ее реклама [1, с. 156]. Современный заголовок позволяет не только быстро ознакомиться с содержанием текста, но и реализует ценностные модели, как с помощью шаблонных политических

маркеров, так и через позитивно либо негативно окрашенную лексику, идеализацию либо демонизацию образов.

Традиции политической журналистики позволяют сегодня применять широкий спектр самых различных коммуникативных стратегий с использованием лексических средств и стилистических приемов создания образа политика.

Предметом анализа данного исследования являются заголовки политических статей одной из ведущих американских газет "USA Today".

Целью исследования является выявление лексических средств и стилистических приемов, с помощью которых осуществляются стратегии осуждения и дискредитации образа американского президента Дональда Трампа.

Результаты исследования призваны дополнить картину, показать изменения в тенденции отрицательной оценки образа Дональда Трампа в американских массмедиа.

Актуальность исследования обусловлена собственно темой импичмента Дональда Трампа, слушания по которому происходят в настоящее время.

Американские массмедиа «гордятся» своей традицией критиковать власть, поэтому коммуникативные стратегии осуждения и дискредитации повсеместно используются журналистами.

Например, в заголовке **Gordon Sondland, who flaunted Trump access, may offer first-hand account of Trump's Ukraine aims**/ *Гордон Сондленд, который воспользовался доступом к Трампу, может из первых уст рассказать о целях Трампа на Украине* уже присутствует негативная тональность, сознательно утрируемая общеупотребительной лексикой, свойственной в тоже время юридической практике. В этом предложении чувствуется эффект назревающего разоблачения, которое обязательно прольет свет на факты, компрометирующие президента США.

Или другой заголовок **White House budget official Mark Sandy signals he will testify in impeachment inquiry** / *Финансовый служащий Белого дома Марк Сэнди дает понять, что готов свидетельствовать в деле об импичменте* также готовит к сенсации, которая дальше в тексте не происходит, по этой причине такие заголовки часто обманывают ожидания читателя.

В попытке дискредитации президента США в процессе импичмента некоторые лица, которые дают показания на слушаниях, из простых свидетелей возводятся в ранг жертв, как например, **Impeachment hearing: Marie Yovanovitch calls Trump's attacks on her 'intimidating'** / *Слушание по делу об импичменте: Мария Йованович называет атаки Трампа на нее «пугающими»*. Лексема «пугающими» носит не просто негативную коннотацию, а угрожающий характер, определяя действия, могущие внушать

страх, боязнь, опасения. Эпитет используется для преувеличения и усиления отрицательного образа Трампа, который написал о Йованович в своем Твиттере следующее: **Everywhere Marie Yovanovitch went turned bad. She started off in Somalia, how did that go? Then fast forward to Ukraine, where the new Ukrainian President spoke unfavorably about her in my second phone call with him. It is a U.S. President's absolute right to appoint ambassadors** / Где бы Йованович ни оказалась, там всё шло плохо. Она начала в Сомали – что там произошло? Затем перенесёмся в Украину, где новый президент неблагоприятно отозвался о ней во время моего второго телефонного разговора с ним. Президент США обладает абсолютным правом назначать послов.

Однако твит Трампа подхватывает автор газеты «USA Today» и появляется заголовок: **Ousted envoy symbolizes clash with Trump over Ukraine. Marie Yovanovitch: A symbol of State Department resistance to Trump in impeachment inquiry** / Изгнанный посол символизирует конфликт с Трампом по вопросу Украины. Мария Йованович: символ сопротивления Госдепартамента Трампу в деле об импичменте. Используется прецедент, словосочетание **symbol of resistance** / символ сопротивления идеализирующий жертвенный образ Йованович, а образ Трампа, напротив, связывается с *конфликтом*, показывающим некорректность его политики.

Сгущает краски заголовок **GOP, Dems slam Trump's tweet on Yovanovitch** / Республиканская партия, Демократы раскритиковали твит Трампа о Йованович в котором некоторые члены партии самого Трампа также критикуют его, однако заголовок обобщает и утрирует, ассоциируя их со всей Республиканской партией. Кроме того, использование названий двух основных политических партий США в одном ряду означает, что они едины в критике Трампа, т.е. против Трампа выступает все общество.

С одной стороны, Трамп представляется как самоуверенный и бесцеремонный политик, с другой стороны он, якобы, боится разоблачения

President Trump asks Supreme Court to block access to his tax returns, setting up separation of powers battle / Президент Трамп просит Верховный суд заблокировать доступ к своим налоговым декларациям, обосновывая это борьбой за разделение власти. Лексема «просит» эмоционально окрашена. Создается впечатление, что политик загнан в угол и боится, что нелюбимая правда о нем может раскрыться.

Еще одна статья имеет надзаголовок: **Trump under fire for discrepancies in Ukraine call** и заголовок: **Impeachment inquiry: White House under fire for discrepancies in record of Ukraine call** / Трамп под огнем за несоответствия по украинскому звонку. Дело об импичменте:

Белый дом под огнем за несоответствия в записи звонка на Украину. Метафора Трамп под огнем / Белый дом под огнем создает впечатление обрушившегося на президента США народного гнева, из которого он едва ли выйдет живым (как политик).

Еще больше подвергаются критике со стороны журналистов личностные качества Трампа. С одной стороны, он представлен как авторитарный политик, зачастую пренебрегающий законом и игнорирующий, в частности, слушания по импичменту: **Trump said he was 'too busy' to watch impeachment inquiry hearing** / *Трамп сказал, что он «слишком занят», чтобы наблюдать за слушаниями по импичменту.* Такое пренебрежение общественным мнением со стороны Трампа может еще больше настроить общество против него, потому что он выступает как заносчивый, надменный человек. Аналогичным образом представлен Трамп в заголовке **Trump rallies for Louisiana governor race, mocks diplomats in impeachment hearings** / *Трамп вступает в предвыборную гонку за победу в Луизиане, высмеивает дипломатов на слушаниях по импичменту.* С другой стороны, заголовки представляют читателям образ Трампа как человека с болезненной самооценкой, нуждающейся в одобрении **Impeachment hearing: Diplomat says Trump felt 'wronged' by Ukraine and that they 'owed' him** / *Слушания по импичменту: Дипломат говорит, что Трамп почувствовал себя «обиженным» Украиной, и что они «должны» ему.* Эпитет «обиженный» применим к инфантильным, эгоистичным и жестоким людям, в попытке их унижить. Обида – это чувство неудовлетворения тем, что ситуация пошла не по намеченному сценарию, не оправдались ожидания, в связи с чем растет чувство внутреннего недовольства и желания отомстить. Отношение к обиженному человеку в обществе крайне отрицательное.

Стратегии дискредитации выносятся в заголовки статей, посвященных таким важным для мирового сообщества вопросам, как климатические изменения и вопросы сексуального насилия. **President Trump threatens to slash funds to fight California wildfires** / *Президент Трамп грозит урезать средства для борьбы с лесными пожарами в Калифорнии.*

Katie Hill tells women to make sure a 'sexual predator no longer occupies the White House' / *Кэти Хилл просит женщин убедиться, что «сексуальный хищник больше не занимает Белый дом».*

Проведенный анализ заголовков статей в интернет-версии американской газеты “USA Today” позволяет заключить, что в репрезентации образа президента США в новом процессе импичмента коммуникативные стратегии осуждения и / или дискредитации являются первостепенными. Преобладающими лексическими средствами являются эпитеты, метафоры, сравнения. Продолжает формироваться отрицательный образ Дональда Трампа в процессе импичмента, который

стал концентрацией всех усилий массмедиа по оценке действий президента США.

Литература

1. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. Урал. гос. пед. ун-т: Екатеринбург, 2005.
2. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.
3. Сафонов А.А. Стилистика газетных заголовков // Стилистика газетных жанров / под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1981. С. 205-227.
4. Вейхман Г.А. Некоторые стилистические (грамматические и лексические) особенности языка современной английской и американской прессы: на материале газетных заголовков. М., 1995. 249 с.
5. Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект Пресс, 2004.
6. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1989.
7. Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М.: Издательская группа Норма–Инфра-М, 1998.

УДК 821.512.141+82:1

Хусаинова Айсылу Хамзеевна
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
a_hah@mailru

ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СССР – РФ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗМА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются экзистенциально-онтологические проблемы языкового пространства СССР и Российской Федерации. Язык – это единственное пространство, где обитает истина бытия, где бытие в безопасности, и это способствует становлению и дальнейшему развитию языка. Но в эпоху глобализации происходит постепенная утрата безопасности языка, преимущественное использование одного из иностранных языков, что способствует исчезновению родных языков, стиранию особенностей этнической идентичности, утрате специфики национального самосознания и т.п. Поэтому для сохранения своего

суверенитета народы должны сохранить свое языковое пространство на все времена.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, народ, онтология, пространство, философия, родной, русский, экзистенция, язык.

Экзистенциально-онтологические проблемы языка стали основополагающими в философии XX столетия. Проблема языка объединяет самые разные философские течения, сформировавшиеся в течение прошедшего столетия, и значимость данной проблемы была сопоставима со значимостью проблемы познания для философии века XIX или проблемы рациональности для философии века XVIII. Различия в подходе к языку и связанным с ним проблемами во многом определялось стремлением осмыслить бытие и сущее, что приобретает особую актуальность в начале XXI века [5] – в эпоху глобализации. Глобализация (лат. – *globus terrae* – земной шар); (фр. *global* – глобальный) – охватывающий весь земной шар; процесс формирования общемирового финансово-информационного пространства на основе новых компьютерных технологий.

Как известно, на рубеже XX–XXI явно или неявно стали проявляться идеи т.н. глобального государства всего населения Земного шара, без межгосударственных границ, без расовой принадлежности, без этнической идентичности, без суверенитета наций, без необходимости родного языка народов, когда главным и всемирным объявляется и становится английский язык. Это язык глобального общения, язык «мировой паутины» т.н. постиндустриального, или информационного общества, ибо как говорил британский Премьер-министр, «кто владеет информацией, тот владеет миром». Как известно, именно он стал автором «проекта» «холодной войны», противостоял процессу глобализации в первой половине XX столетия, планам «Ост» и «Барбаросса» Третьего рейха, победившего западноевропейский фашизм и немецкий нацизм в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и внесшего значительный вклад в исход Второй мировой войны 1939–1945 гг., определившее дальнейшее бытие мира и существование человека.

Язык напрямую связан с бытием, считал свидетель «тридцатилетней войны» (1914–1945 гг.) между Востоком и Западом немецкий философ М. Хайдеггер, ибо существует «изначальная принадлежность слова к бытию»; и онтологическая характеристика языка говорит о его «самовластности». Язык не представляет собой человеческое установление с его грамматической структурой «субъект-объект», с субъективизмом «Я». Язык – это самостоятельная сила; не человек говорит на языке, а говорит сам язык, говорит самовластно, а через него и само бытие. Таким образом, по Хайдеггеру, «язык – это дом

бытия» и «кров» – «жилище самого человека», и самостоятельная смыслополагающая сила, и **язык – единственное пространство, где обитает истина бытия**, ибо «все пути мысли более или менее осязаемым образом загадочно ведут через язык». [4, 325]. Более того, бытие как самое неуловимое, только и дает о себе знать, «просвечивает» сквозь язык. Следовательно, **язык – это пространство, где бытие «чувствует» себя в безопасности**; язык – это «ближайшее», и именно как ближайшее, как самораскрытие бытия, язык приобретает особое значение и смысл для каждого народа.

Как известно, в начале XX столетия, в 1917 г., произошли крупные исторические события, которые изменили социальную систему российской империи и способствовали образованию в 1922 г. СССР. А также способствовало появлению структуры федеративного деления и развития РСФСР, созданию первой автономной республики в 1919 г. – Башкирской автономной советской социалистической республики, давшей начало возможности права наций на самоопределение и предопределившей дальнейшее бытие и существование башкирского народа и других народов на одной шестой части суши Земли.

В 1934 г. в РСФСР, по официальным данным, была завершена ликвидация безграмотности, и продолжалось введение обучения на родных языках. Этот процесс претерпевал значительные изменения и корректировки в ходе исторического развития СССР, РСФСР и РФ, что приобрело судьбоносный характер в традициях, культуре, языках и т.п. народов страны. 13 марта 1938 г., 81 год назад, русский язык стал обязательным предметом в школах и оказал существенное экзистенциально-онтологическое влияние на процесс становления системы образования в Советском Союзе и на судьбу народов.

Как писал древнегреческий историк Полибий (201–120 до н.э.), история – это борьба народов и отдельных личностей против власти судьбы [1], которая в дальнейшем была тесно связана с экзистенциально-онтологическими, социально-экономическими и политико-идеологическими проблемами бытия. По мнению русского философа И. А. Ильина (1889–1954), в каждом народе, пока он не потерял историческую память, язык и душу, живет свое «национальное чувство», ибо «никогда философия одного народа не повторяет философию другого» [2]. Следовательно, каждый народ имеет свои особенности, образующие его национальный духовный уклад и духовный акт, ибо каждый народ по-своему рождает и умирает, созерцает и познает, рассуждает и доказывает, благоденствует и проявляет гостеприимство, молится и геройствует и т.д. В этой экзистенциально-онтологической структуре бытия каждого народа главенствующее место занимает его сознание, которое рассматривалось известным русским философом

В.С. Соловьевым (1853–1900) в следующей последовательности: 1) самосознание; 2) самодостаточность; 3) самообожание; 4) самоуничтожение [3]. По мнению философа, каждый народ может сохранить свою национальную идентичность только при условии бережливого, правильного и адекватного отношения к двум первым пунктам – самосознанию, самодостаточности, ибо последние два, (самообожание и самоуничтожение) могут привести к плачевным или даже губительным последствиям.

Проблемы самосознания народов и наций, исследуемые русским философом В. С. Соловьевым во второй половине XIX в., приобретают особую остроту и актуальность в XX столетии. А на рубеже этой эпохи глобализация приобретает всеохватный характер, когда в конце 1980-х в СССР начинается т.н. «перестройка», «катастрофка» (А. Зиновьев), а затем, в 1990-е, в РФ наступают «лихие» времена «железных локтей». Этот период «нового мышления», «ускорения», реформ и т.п. сопровождался бесконечными преобразованиями предыдущей социально-экономической, политико-идеологической системы страны, что способствовало изменению экзистенциально-онтологического смысла бытия на одной шестой части суши Земли. «Месторазвитие» России, «событие», судьба ее народов оказались в неоднозначной геополитической ситуации «или-или» (С.Кьеркегор), когда новая реальность, всеохватное информационное пространство глобализации диктовала иные условия бытия и экзистенции страны и народа, его традиции, культуры, языка и т.п. Как известно, в процессе глобализации основным языком в мире становится английский, и некоторое время назад в образовательном пространстве нашей страны главенствующее место стало отводиться данному языку. В связи с этим встал вопрос о сохранении государственного русского языка, а также языков малочисленных народов, желательно, по возможности, в перевозданном виде, для увековечения уникальности, самобытности этносов и национальных языков, среди которых, например, башкирский язык, который занимает третью позицию в РФ.

Как говорил еще на рубеже VI–V вв. до н.э. древнегреческий философ Гераклит: «Все течет, все меняется» [1], имея в виду диалектический характер становления и развития. Но в начале XXI столетия в бытии мира и народов становление приобретает одинаково унифицированный характер, а законы диалектического развития преднамеренно или непреднамеренно как бы затормаживаются как извне, так и изнутри. Причинно-следственные связи этого процесса обусловлены социально-экономическими и экзистенциально-онтологическими факторами, которые явно или неявно проявляются во всем, что происходит в рамках посткапитализма начала XXI века:

1. Современное «сверхпотребительское» общество пытается «изобрести» «одномерного человека» (Г. Маркузе) в многополярном мире «сытого» Севера и «голодного» Юга, где происходят социально-экономические кризисы и «великие переселения народов», что существенно влияет на «языковое пространство» в планетарном масштабе.

2. Все это способствует и приводит к широкой урбанизации населения, возникновению больших мегаполисов, в которых происходит постепенное исчезновение этнической идентичности и утрата родного языка, в том числе и традиционного русского языка.

3. Вместе с языком постепенно стираются компоненты национального самосознания: традиции, обычаи, нравы и т.п., скрепляющие нити «коллективного бессознательного» (К. Юнг).

4. Индивид «глобального муравейника» становится легко манипулируемым, ибо ценностная ориентация, аксиологическая установка приобретает общий оттенок, или общечеловеческий характер, без экзистенциальной опоры на родную кров (деревня, село, хутор и т.п.), или на «зов крови» (предков, родных, семьи и т.п.).

5. Современное общемировое финансово-информационное пространство на базе новых компьютерных технологий «создает», «творит» «однокнопочного» «клика» пользователя с «виртуальной зависимостью» во «всемирной паутине, с известными, но, порой, весьма явными и неявными неоднозначными последствиями.

О ценности родного языка очень четко выразился испанский философ-экзистенциалист Мигель де Унамуно: «Пока народ будет говорить по-испански, он также будет думать по-испански и чувствовать по-испански» – сказанное можно отнести к языку каждой нации, ибо это своеобразное проникновение в бытие и сущее, выражение мировоззрения и экзистенции, менталитета и образа жизни, смыслополагания и логики поведения любого этноса.

Как известно, по «Форсайт-проекту–2035», человек будет называться следующим образом: «биологическое существо, поддающееся управлению извне». Следовательно, чтобы предотвратить такую вероятность и сохранить свою этническую идентичность, национальное самосознание, культурный код, традиционную модель и исконную веру, нужно осваивать, отстаивать свой родной язык, ибо «язык – дом бытия» (М. Хайдеггер), который нужно сберечь и увековечить, т.к. для любого человека он дан Всевышним, он – святой, уникальный, непревзойденный. И это незыблемая истина для всех народов на все времена, в том числе.

Литература

1. История античности: В 2 т. М.: «Правда», 1989. Т. 1.
2. Ильин И. Собрание сочинений: В 10 т. М.; 1993. Т. 3.
3. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М.: 1989. 497 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время (Пер. с нем.). Харьков, «Фолио», 2003. 503 с.
5. Языки как образ мира. М.: ООО Изд-во АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 569 с.

УДК 340.111

Шейбак Виктор Викторович

Оренбургский государственный университет
vitsh99@yandex.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Актуальность проблемы, раскрываемой в статье, объясняется противоречиями в практике реализации законодательства в области установления связей с общественностью. В статье отмечается, как осуществляется подача информации в соответствии с законодательством, регламентирующим журналистскую деятельность и связь с общественностью как важную сферу журналистики. Автор приходит к выводу, что журналистская деятельность начинается с изучения нормативно-правовых основ и практики её применения в современных условиях.

Ключевые слова: нормативно-правовой акт, связи с общественностью, правовые нормы, нормативно-правовая поддержка.

Для любого вида деятельности в рамках государственной системы необходимо опираться на законодательство как фундамент для построения крепкой основы в различных областях и видах деятельности. Не исключение и журналистская деятельность и её важная область связи с общественностью. В Российской Федерации основным источником права является нормативно-правовой акт. Реализация журналистской деятельности, связи с общественностью невозможна без законодательного обеспечения данного вида деятельности и понимания смысла нормативно-правового акта. Для лучшего понимания проблемы следует разобраться, что понимается в научной среде под нормативно-правовым актом. На наш взгляд, это важно для того, чтобы лица, занятые в рассматриваемой нами сфере журналистской деятельности, правильно

понимали, как отличить нормативный, то есть общеобязательный акт от рекомендательного акта.

В своей работе с общественностью журналист может столкнуться с большим количеством документации, следовательно, он должен быть вооружен четкими знаниями в области права. Посмотрим, как разработан данный вопрос в специальной литературе. Существует несколько определений нормативно-правового акта. Рассмотрим некоторые из них и отметим их состоятельность или неочевидную пользу для работы с документами в рассматриваемой нами сфере деятельности журналиста. В академической среде учёных-правоведов наиболее популярно определение, данное в Большом юридическом словаре. Авторы понимают под нормативно-правовым актом официальный документ, «...принятый (изданный) правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм» [1]. Нормативным правовым актом может быть как постоянно действующий, так и временный акт, рассчитанный на четко установленный срок, определяемый конкретной датой или наступлением того или иного события. Это определение может стать ориентиром для понимания сути нормативно-правового акта, однако оно не может быть использовано в качестве легитимной основы для работы с документами, поскольку данное определение никак не закреплено в нормативе на федеральном уровне.

Следует отметить, что легитимная, то есть закреплённая в Федеральном Законе формулировка нормативно-правового акта, отсутствует. И именно этот факт даёт возможность широко трактовать многие важные документы. В отдельных субъектах Российской Федерации в законах о правовых актах существует своя формулировка этого определения. Так, для Оренбургской области дано следующее определение, закреплённое в документе «О правовых актах органов государственной власти Оренбургской области (с изменениями на 27 апреля 2018 года)»: «Нормативный правовой акт – правовой акт, устанавливающий, изменяющий или отменяющий правовые нормы, рассчитанный на многократное применение и распространяющийся на неопределённый круг лиц». В Постановлении Пленума Верховного суда РФ №48 от 29 ноября 2007 года «Об отдельных вопросах оспаривания нормативно-правовых актов» были определены два основных критерия отнесения акта к нормативным актам. Первый – акт должен быть издан уполномоченным на это органом. Второй – акт содержит правовые нормы.

Посмотрим теперь, в каких же государственных нормативных актах очерчено правовое поле в сфере PR-деятельности. Прежде всего стоит рассмотреть следующие нормативные акты: Закон «Об

информации, информатизации и защите информации», Закон «О рекламе», Закон «Об авторском праве и смежных правах», Закон «О товарных знаках, обслуживания и наименования мест прохождения товаров». В данных актах законодательно прописана обязательная для всех членов общества система правовых норм. Основным полем деятельности специалиста в области связей с общественностью является информация. Поэтому одной из задач любой организации, в которой есть служба связи с общественностью, является накопление различных сведений о государственных учреждениях, общественных организациях, партнерах, конкурентах, предприятиях и их руководителях. В этом плане нормативно-правовой поддержкой может служить Конституция Российской Федерации, которая в статье 29 гарантирует права физических и юридических лиц «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Также в этом документе подчеркивается, что «каждому гарантируется свобода мысли и слова». Кроме того, представителям службы связи с общественностью важно не допускать пропаганды или агитации, которая может навредить другим гражданам [4].

Если сфера деятельности специалиста в области связей с общественностью каким-то образом будет связана с обеспечением рекламного блока, то в этой связи для него первостепенной значимостью будут обладать документы, регламентирующие нормативно-правовые отношения в этой области. Ими могут быть следующие документы: Федеральный закон «О рекламе» № 38-ФЗ от 13 марта 2006 года, Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» №128-ФЗ от 08 августа 2001 года. В том случае, если работа PR-специалиста связана со сферой торговли, нужно знать следующие нормативно-правовые акты: «Особенности рекламы алкогольной продукции» (выдержки из Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» №171-ФЗ от 22 ноября 1995 года), Государственный стандарт ГОСТ 52044-2003 «Наружная реклама на автомобильных дорогах и территориях городских и сельских поселений. Общие технические требования к средствам наружной рекламы. Правила размещения». Стоит обратить пристальное внимание на следующие документы: «Особенности применения русского языка в рекламе (выдержки из Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации №53-ФЗ 01 июля 2005 года, «Нормативы расходов на рекламу (выдержки из Налогового Кодекса Российской Федерации, ч.2. №117-ФЗ от 05 августа 2000 года), Закон РФ «О языках народов Российской Федерации».

Если специалист по связям с общественностью участвует в агитационной кампании, он должен руководствоваться следующим документом: «Ответственность за нарушение законодательства о рекламе и порядке изготовления агитационных материалов (выдержки из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях №195-ФЗ от 30 декабря 2001 года). В случае, когда работа специалиста по связям с общественностью связана с освещением вопросов деятельности органов государственной власти, следует руководствоваться Федеральным законом «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» [2].

Кроме отмеченных выше документов, в своей работе специалист в области связей с общественностью должен прежде всего опереться на Закон РФ «О средствах массовой информации», а также на Федеральный закон «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации». В связи с широким распространением электронных средств массовой информации также применительно к ним нужно руководствоваться Постановлением Правительства Российской Федерации «О государственной регистрации средств массовой информации, использующих для распространения информации глобальные информационные сети («сетевых СМИ»)», а также «Положение о порядке государственной регистрации средства массовой информации, использующих для распространения информации глобальные информационные сети («сетевых СМИ»)».

Как видно из приведенных выше данных, рассматриваемая тема имеет большую актуальность для работы специалистов в области связей с общественностью. И это, несомненно, так, поскольку в современном обществе любой вид деятельности подлежит правовому регулированию во избежание судебных разбирательств по спорным вопросам. Именно государство вводит определенные рамки и разумные ограничения в различных сферах деятельности своих граждан. Отсюда сам факт изучения нормативно-правовых норм и актов становится важным в плане обеспечения дальнейшей эффективной работы по применению информации, защищающей специалиста с точки зрения законодательства. Положенный во главу угла принцип юридического равенства означает в данном случае, что различия взглядов людей на различные предметы и события должны быть унифицированы именно в правовом поле. Это устранит возникающие проблемы и сгладит острые углы при разнице позиций взаимодействующих в процессе работы сторон. Поскольку именно «право – это та область, в природе которой заложено признание непохожести людей друг на друга, а, следовательно, необходимости толерантного отношения к ценностным ориентациям того, кто на тебя не

похож» [5, с. 14]. Только опираясь на соответствующие нормативно-правовые акты, специалист в области связей с общественностью может и должен вести свою деятельность.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить: начиная журналистскую деятельность, необходимо ознакомиться с нормативно-правовыми основами этого сложного вида деятельности, четко понять, как важно специалисту в области связей с общественностью быть подкованным в правовом поле, прежде чем приступать к исполнению своих должностных обязанностей.

Литература

1. Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2011. 704 с.
2. Лагутин Г.А. Институт связей с общественностью в политике и государственном управлении // Социальная политика и социальное партнерство, 2018. № 1. С. 45-51.
3. Новиков В.А. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов // Законность, 2012. № 11. С. 30-32.
4. Загородников С.Н. Чужие тайны и их защита: нормативно-правовые аспекты / С.Н. Загородников, Д.А. Максимов // Российский следователь, 2014. №4. С. 48-52.
5. Лейст О.Э. Сущность права: проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2002. 288 с.

СЕКЦИЯ III
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

УДК 37.016:811.161.1'243:008

Авдеева Альбина Евгеньевна
Дмитриева Наталья Михайловна
Оренбургский государственный университет
miledilabelle@yandex.ru; orencentrslav@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ НА УРОКАХ РКИ

Авторы статьи исследуют лингвокультурологический подход в преподавании русского языка как иностранного. Авторы отмечают особую роль знакомства с обрядами и традициями для формирования лингвокультурной компетенции. Анализируются в аспекте лингвокультурологии все этапы свадебного русского обряда (сватовство, благословение, венчание), обряды встречи гостей и погребения. Авторами предлагается лингвокультурный комментарий к обрядам, встречающимся в сказках А.С. Пушкина. В статье подчеркивается, что знакомство с традициями и обрядами русского народа путем введения лингвокультурного комментария при работе с художественными текстами (со сказками, в том числе) способствует формированию лингвокультурной компетенции, которая позволит иностранцам быстрее и успешнее адаптироваться в России, устранил культурные и коммуникативные барьеры при общении с носителями русского языка.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурная компетенция, лингвокультурный комментарий, обряды, сказки, гостеприимство, сватовство, благословение, венчание, погребение.

Одним из важнейших условий успешного овладения иностранным языком и участия в коммуникации с носителями языка является знание и понимание культуры народа изучаемого языка.

По мнению Э. Сепира, высказанному во «Введении в изучение речи», «язык не существует вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [5]. Поэтому иностранец, знакомясь с культурой народа – носителя изучаемого языка, приобретает определенные социальные навыки, национально-культурные речеповеденческие тактики, знание культурных и социальных норм поведения (этикет, особенности коммуникации и системы вежливости). Таким образом, изучение языка является освоением культуры другого

народа, системы ценностей, что должно привести иностранца к пониманию всех сфер жизни носителей изучаемого языка.

Когда студенты-иностранцы приезжают в Россию или любую другую страну для изучения иностранного языка, то чаще всего они не имеют представления об особенностях культуры народа, о специфических нормах поведения. Даже если уровень знания русского языка студентов-иностранцев не является начальным, то часто знание культуры русского народа не выходит за рамки распространенных стереотипов и общеизвестных символов (самовар, матрешка, медведь, суровая зима). Однако многое из того, что известно иностранцам о России и русских, не является истинным отражением жизни и культуры народа. Поэтому для достижения в будущем успешной коммуникации между иностранцами и носителями языка, комфортного пребывания первых в России, необходимо не только расширить знания о культуре русского народа, но и изменить их представление о стране и народе, основанное на ложных стереотипах. Именно поэтому при изучении русского языка как иностранного необходимо уделять должное внимание формированию лингвокультурной компетенции.

Методика русского языка как иностранного, имея необходимость развития наряду с другими аспектами изучения языка знаний о культуре народа, не могла не обратиться к лингвокультурологии. Однако если цель курса лингвострановедения, прочно вошедшего в практику преподавания русского языка как иностранного, – это «обучение культуре через язык» [3], то цель лингвокультурологии – «описание взаимодействия языка и культуры, которое может послужить теоретической базой для лингвострановедения» [3]. Опираясь на теоретические основы лингвокультурологии, внедряя в учебный процесс данные этой науки, ученые сформировали лингвокультурологический подход, который в настоящее время определяется в методике РКИ как «один из наиболее эффективных подходов, нацеленных на формирование и совершенствование навыков и умений осуществления межкультурного общения путем изучения иностранного языка как феномена культуры» [3].

При изучении русского языка как иностранного в аспекте лингвокультурологического подхода внимание уделяется всем проявлениям культуры в жизни народа: прецедентным именам и ситуациям, этическим ценностям, постулатам христианской веры, символам культуры, народным и церковным праздникам. Помимо перечисленного, неотъемлемыми составляющими культуры народа также являются обряды и традиции. Без понимания обрядов и традиций, как и других составляющих культуры, иностранцу будет сложно адаптироваться в иноязычном обществе. Обряды и традиции очень редко имеют какую-то схожесть с аналогичными проявлениями в культуре

другого народа, что затрудняет их понимание и восприятие иностранцами. Именно поэтому объяснение иностранцам сути и порядка проведения основных обрядов и традиций русского народа является необходимым для комфортного пребывания представителей другой культуры в стране и успешной коммуникации с носителями языка.

Обряды и традиции, пройдя долгий путь истории становления и развития русского народа, сохраняются в его культуре. Какие-то обряды и традиции были утрачены в связи с принятием христианской веры и заменой языческих праздников православными, какие-то были вытеснены из жизни народа в связи с прогрессивными изменениями в жизни народа. Однако некоторые обряды и традиции до сих пор являются неотъемлемой частью жизни русского человека. К таким можно отнести обряды сватовства и венчания, погребения и поминовения, традиции с почестями встречать гостей и почитать хозяев.

Все перечисленные обряды и традиции, которые присутствуют и в нашей современной жизни, можно найти в текстах русских литературных сказок. По нашему мнению, объяснять культурные реалии русского народа для лучшего понимания иностранцами проще на примерах литературных текстов. Одними из таких текстов могут выступить русские литературные сказки, так как именно они являются сокровищницей культуры и отражением всех сфер русской жизни, беря свои истоки из бытования русской народной сказки. Однако к фрагментам сказки, являющимся в основном иллюстрацией (описанием) обрядов и традиций русского народа, неизменно будет необходим комментарий, раскрывающий суть культурной реалии.

Так, в «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина мы можем найти описание всех трех традиционных этапов вступления в брак: благословение родителей – сватовство – венчание.

*«Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе,
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной*

Слезы льет и говорит:

«Бог вас, дети, наградит» [4].

В данном фрагменте представлен обряд благословения на вступление в брак. Для лучшего понимания иностранными студентами сути обряда благословения необходимо дать комментарий. Благословение – разрешение родителей на брак своих детей. Дети (жених и невеста) должны попросить разрешения на вступление в брак (*«Просим оба разрешенья, / Твоего благословенья»*). Так как благословение связано прежде всего с христианской верой, то понимается оно одновременно как разрешение на брак не только от родителей, но и от Бога. Именно поэтому данный обряд проводится с молитвой к Богу или святым-покровителям (*«Над главою их покорной / Мать с иконой чудотворной»*). Также стоит обратить внимание на фразу «жить в совете и любви», которая отсылает нас к традиционному свадебному пожеланию «совет да любовь», которое можно объяснить тем, что молодым желают всю совместную жизнь прожить, не утратив любви друг к другу, не ссорясь, находя правильные решения вместе.

Сопутствующим благословию является обряд сватовства: *«Но царевна молодая, / Тихомолком расцветая, / Между тем росла, росла, / Поднялась – и расцвела, / Белолица, черноброва, / Нраву кроткого такого. / И жених сыскался ей, / Королевич Елисей. / Сват приехал, царь дал слово. / А приданое готово: / Семь торговых городов / Да сто сорок теремов» [4].*

Комментарий. В традиционном понимании после того, как девушка достигала определенного возраста, к ней присылали сватов, чтобы просить руки девушки у ее отца. «Просить руки» – просить разрешения жениться на ней. В настоящее время, когда жених и невеста собираются вступить в брак, традиция сватовства все так же соблюдается. Родители девушки, чаще всего мать, готовит ей приданое – то, что девушка заберет с собой в свой дом, в традиции – для успешного ведения хозяйства (*«А приданое готово: / Семь торговых городов / Да сто сорок теремов»*). В свою очередь жених в сопровождении своего отца, друзей и близких родственников приезжает в дом невесты с подарками, чтобы просить руки своей возлюбленной. Отец является сватом со стороны жениха (*«Сват приехал, / Царь дал слово»*) по названию основных участников называется и обряд: сват – сватовство. Основными целями данного обряда являются просьба о разрешении на брак и знакомство родителей и родственников с обеих сторон (со стороны жениха и невесты). Данный обряд сопровождается преподнесением подарков и большим застольем в доме невесты. После получения разрешения со стороны родителей невесты на вступление в брак назначается дата свадьбы.

После того как благословение получено со стороны родителей и жениха, и невесты, назначена дата свадьбы, все приготовления к свадьбе

закончены, приходит время заключительного обряда – венчания: *«Царь недолго собирался: / В тот же вечер обвенчался. / Царь Салтан за пир честной / Сел с царицей молодой; / А потом честные гости / На кровати слоновой кости / Положили молодых / И оставили одних»* [4].

Венчание – заключение брака в церкви. Этот обряд относится к христианской вере, поэтому считается, что брак во время венчания заключается с благословения Бога, а поэтому будет более счастливым, потому что охраняется святыми. Во время венчания голову жениха и невесты покрывают венцами (коронами), читают молитву – благословляют. Жених и невеста во время этого обряда приносят клятвы верности и любви друг другу, обмениваются обручальными кольцами. После венчания жених и невеста, все гости празднуют свадьбу. В современном мире венчание не всегда проводится, иногда вступающие в брак ограничиваются только государственным подтверждением своего союза – соглашаются на брак в специальном государственном учреждении и обмениваются кольцами, после чего считаются мужем и женой.

Помимо обрядов, связанных со вступлением парня и девушки в брак, неизменным остается обряд погребения, описание которого можно обнаружить в сказке А.С. Пушкина «Сказка о Мертвой царевне и о семи богатырях»: *«Перед мертвою царевной / Братья в горести душевной / Все поникли головой, / И с молитвою святой / С лавки подняли, одели, / Хоронить ее хотели / И раздумали... / <...> / Ждали три дня, но она / Не востала ото сна»* [4].

Комментарий. Обряд погребения – проводы умершего в его последний путь, переход из мира земного в мир подземный/небесный. Как показано во фрагменте сказки, все близкие в это время скорбят, так как они потеряли близкого человека (*«...в горести душевной / Все поникли головой»*). Над умершим проводится отпевание – чтение последней молитвы священником, которая отпустит все грехи и будет сопровождать душу в переходе из мира земного в мир небесный (*«...с молитвою святой»*). Умершего одевают в чистую, иногда новую, одежду, в которой он совершит свой последний путь (*«...с лавки подняли, одели»*). По правилам, с момента предполагаемой смерти до погребения тела проходит три дня. У этого момента есть два объяснения: по некоторым поверьям, за это время душа покидает тело (вечное русское число три). После погребения покойника проводят обряд поминовения – кормят и поят всех родственников и знакомых, чтобы они почтили память умершего (подобный обряд проводится не только в день погребения, но и спустя 9, 40 дней и затем каждый год в день смерти покойника).

Помимо обрядов, в русских литературных сказках можно найти упоминание самой распространенной традиции, которой славится

русский народ – традиции гостеприимства. Однако и гости всегда с почтением относятся к хозяевам дома.

В «Сказке о Мертвой Царевне и о семи богатырях» можно увидеть пример традиционного приема гостей у русского народа: богатыри накормили Царевну пирожком, напоили вином, а затем отпустили ее отдыхать – все это соответствует типичной русской «формуле» гостеприимства «напоили, накормили и спать уложили»: *«Усадили в уголок, / Подносили пирожок; / Рюмку полную наливали, / На подносе подавали. / <...> / Отвели они девицу / Вверх во светлую светлицу / И оставили одну, / Отходящую ко сну»* [4].

В «Сказке о Царе Салтане» ситуация с гостями является аналогичной. Царь Салтан, как и князь Гвидон, прежде чем задавать гостям вопросы, усадил их за стол, напоил и накормил. Эта ситуация так же соответствует традиционному русскому поведению, которое отражено в сказках: «Ты сначала напои-накорми, а затем спрашивай».

«Царь Салтан гостей сажает

За свой стол и вопрошает:

«Ой вы, гости-господа,

Долго ль ездили? куда?

Ладно ль за морем, иль худо?

И какое в свете чудо?»

<...>

«Пристают к заставе гости;

Князь Гвидон зовет их в гости,

Их он кормит и поит

И ответ держать велит:

«Чем вы, гости, торг ведете

И куда теперь плывете?» [4].

Таким образом, в традиционном русском гостеприимстве всегда с почтением относятся к гостям, ставят на стол самое лучшее, а если гости устали, то им предоставляют лучшее место в доме для отдыха.

Однако и гости всегда с почтением относятся к хозяевам дома в ответ на их гостеприимство. Так, Царевна извиняется за то, что пришла в гости к богатырям без приглашения, хоть это никак и не повлияло на их гостеприимство, поклонилась: *«И царевна к ним сошла, / Честь хозяям отдала, / В пояс низко поклонилась; / Закрасневшись, извинилась, / Что-де в гости к ним зашла, / Хоть звана и не была»* [4].

Таким образом, русские литературные сказки, являясь отражением жизни русского народа, вобрали в себя все основные обряды и традиции, которые соблюдаются русскими людьми и в настоящее время. А так как обряды венчания и сватовства, погребения, традиция приема гостей являются неотъемлемой частью жизни народа и по сей день, то для

успешной коммуникации с носителями языка и комфортного пребывания в иноязычном пространстве иностранцам необходимо понимать ценности и менталитет русского народа, русскую культуру, его традиции и обычаи. Изучение всего перечисленного будет способствовать формированию лингвокультурной компетенции у иностранных студентов, что приведет к их более быстрой и успешной адаптации в России и устранению культурных и коммуникативных барьеров при общении с носителями русского языка.

В любом случае реализация лингвокультурологического подхода к обучению русскому языку «обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения» [2], способствует тому, что «усвоение языка достигает полноты, человек одновременно получает огромное духовное богатство, хранимое языком, проникает в новую национальную культуру» [1].

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980.
2. Воробьев В.В. О статусе лингвокультурологии // Матер. IX Конгресса МАПРЯ. Братислава, 1999.
3. Зиновьева Е.И. О соотношении терминов «лингвострановедение» и «лингвокультурология» // Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика (№9). СПб., 2000. С. 14-18.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т.3: Поэмы и сказки. М., 1960. 540 с.
5. Сепир Э. Введение в изучение речи. М.: Прогресс, 1993.

УДК 37.013: 371.8

Базылев Владимир Николаевич

Московский государственный лингвистический университет
v-bazylev@inbox.ru

В ПОИСКАХ ТЕКСТУАЛЬНО ДЕТЕРМИНИРОВАННОГО ТИПА УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ

Материал знакомит с инновационными подходами в организации учебных занятий по русскому языку в билингвальном или полилингвальном классе в новых условиях преподавания русского языка в Европе. Предлагается новое теоретическое осмысление приемов цифрового обучения в современной образовательной среде. Представляется новый авторский учебный комплекс «Театральные чтения», демонстрирующий системные возможности применения театральной и облачной технологии на уроке русского языка.

Ключевые слова: русский язык для билингвов, цифровое обучение, театральная методика, облачная технология, полилингвальный класс, билингвальный класс.

Дидактически детерминированные и ориентированные лингвистические исследования, т.е. описание языковой системы и речевой коммуникации в учебных целях, являются той неотъемлемой частью прикладной лингвистики, которую мы по терминологическим соображениям называем дидактолингвистикой. К ней наряду со многими другими направлениями в языкознании относится также функционально-коммуникативное описание языка как отдельный кластер в рамках лингвистики текста, разработанный в целях повышения коммуникативной компетенции обучающихся. Оно во многом перекликается с теорией речевых актов, но отличается от нее прежде всего именно своей дидактической направленностью, которую на рубеже веков активно пропагандировали немецкие лингводидакты [1]. Упомянутая концепция функционально-коммуникативного описания языка является собственно теоретической основой и точкой отсчета в наших дидактолингвистических размышлениях, которые сводятся к следующему.

Представляется целесообразным при обучении рецепции и (ре)продукции текстов создавать такие учебные пособия, в которых речевые средства были бы кодифицированы в виде комплексов, выражающих типично расположенные структурные элементы избранных в учебных целях текстовых (речевых) жанров, как их понимает В.В. Дементьев [2]. Совокупность всех комплексов в определенном порядке расположения и составляет учебное пособие – сборник речевых средств для рецепции и (ре)продукции текстовых экземпляров данного текстового жанра или данной группы близких текстовых жанров.

Исходными ориентирами отбора и способа подачи речевых средств, являются, следовательно, не понятия (дескрипторы), не темы, не ситуации и т.п. сами по себе, а коммуникативные задания и, значит, текстовые жанры, так как любое коммуникативное задание ориентировано на текст. А поскольку текстовый жанр в свою очередь характеризуется, главным образом, типичными предметами коммуникации (пропозициями) и типичными типами речевых действий (речевых актов), презентация языкового материала, разделение его на учебные порции, осуществляется непосредственно на основе этих двух из основных понятий функционально-коммуникативного описания языка. Следовательно, речь идет о составлении учебных комплексов как пропозициональных, так иллюкутивных речевых средств, а также о создании в учебных целях текстовых образцов, воплощающих расположение и взаимодействие этих видов речевых средств. Под

речевыми средствами подразумеваются, таким образом, не только слова и различные группы слов, но и коммуникативные обороты (конструкции), а также структурные модели (образцы) текстов. По этой причине можно лишь условно говорить об учебном словаре и нами используется рабочий термин «сборник речевых средств».

Показанный выше способ презентации языкового материала мог бы управлять ходом решения коммуникативного учебного задания, т.е. руководить учащимися при работе с/над текстами – при их рецепции, репродукции и продукции, мог бы, следовательно, служить коммуникативным руководством в полном смысле этого слова.

При выборе и представлении языкового материала в виде текстуально детерминированного сборника речевых средств необходимо задуматься над следующими вопросами: 1. Какие тексты (экземпляры каких речевых жанров) должны реципироваться или (ре) продуцироваться в соответствии с коммуникативными заданиями? 2. Какие структурные элементы (пропозициональные, иллокутивные) типичны для данных избранных текстовых жанров? 3. Как (в какой типичной последовательности) расположены эти элементы в текстах? 4. Какими типичными речевыми средствами они реализуются?

Практический шаг в этом направлении недавно был сделан авторским коллективом, реализовавшим указанные выше лингвометодические установки. В 2019 году вышел в свет комплект учебных пособий под общим заголовком «Театральные чтения» [3-6].

В данном случае под термином «театральная технология» понимается комплекс действий обучающихся – чтение, анализ (иноязычных - для полилингвальной аудитории) источников, дискуссию и обсуждение выявленной проблемы, завершающиеся театральной постановкой. Именно с этой целью авторами были отобраны в качестве текстов-образцов и исходных текстов лучшие образцы русского театра, не только драматического, но и кукольного, оперного, а также оперетты. Основному учебному пособию, а также рабочим тетрадям предпослан навигатор курса, ориентируясь на который обучающийся и учитель могут комбинировать при помощи методического конструктора различные виды деятельности. Как на уроке, так и во внеурочной работе, в т.ч. в самостоятельной работе обучающегося. С этой целью в методическом конструкторе предлагается не только ориентация на чтение как вид речевой деятельности, но и на визуализацию материала и на его аудиовосприятие.

Навигатор строится по принципу «открытой методики» и содержит необходимые для учителя методические и дидактические указания. Это касается, в первую очередь, творческих заданий. Их педагогическая и методическая ценность, по нашему мнению, состоит в том, что они являются результатом педагогического сотрудничества взрослых и детей,

основанного на добрых отношениях между учащимися и воспитателями и прививающего интерес к русскому языку и культуре.

Данный комплекс нельзя, конечно, рассматривать как систематический учебный курс. Это своеобразная «копилка» материалов и методических приемов, из которых преподаватель может выбрать то, что считает необходимым для себя и своих учеников.

Приведем некоторые фрагменты пособия в качестве иллюстрации к сказанному выше.

Навигатор «Театральные чтения – 3» адресован школьникам русскоязычных и билингвальных общеобразовательных российских школ (старшая ступень), билингвам русскоязычных образовательных учреждений за рубежом (старшая ступень), а также участникам курсов РКИ (3 и 4 сертификационный уровень). Контент учебного пособия: пьеса Н.В. Гоголя «Женитьба»; пьеса А.Н. Островского «Бесприданница»; пьеса В.В. Маяковского «Баня»; опера П.И. Чайковского «Пиковая дама»; опера С.С. Прокофьева «Война и мир»; мюзикл А.К. Гладкова «Давным-давно»; оперетта К.Я. Листова «Севастопольский вальс».

Формальное членение учебного процесса заменяется у нас на активные мероприятия – походы в театр. Мы можем, например, пойти в Театр оперетты. Сегодня в программе оперетта К.Я. Листова «Севастопольский вальс».

Познакомим обучающихся с содержанием спектакля. «Севастопольский вальс» – героико-романтическая оперетта, которую написал в 1961 году композитор Константин Листов, авторы либретто: Елена Гальперина и Юлий Анненков. Лейтмотивом оперетты является мелодия появившегося в 1955 году «Севастопольского вальса».

Дадим краткое содержание оперетты: «Севастопольский вальс» – самая известная и популярная героическая оперетта Константина Листова. В ее основе – одноименная песня, которая стала основным стержнем будущей постановки и, пережив свое второе рождение, на долгие годы утвердилась в новом для себя жанре. В центре сюжета – еще ничего не успевшие сделать в своей жизни молодые севастьянцы, на долю которых выпала война. Оттого, что любовь нашла их в час тяжелых испытаний, история, рассказанная со сцены ярким языком театра, становится еще более трогательной. Первое действие происходит в 1942 году в дни героической обороны на Инкерманских высотах, второе – вскоре после окончания войны в Севастополе, когда герои – лейтенант Дмитрий Аверин и медсестра Любаша, а также их однополчане – встречаются вновь.

Предложим прослушать и прочесть текст вальса, положенного в основу сюжета оперетты. «Севастопольский вальс», слова Г. Рублева, музыка К. Листова, поет Георг Отс.

Тихо плещет волна,
Ярко светит луна; <...>

Затем начинаем работать над языком и содержанием оперетты.

1. Знакомимся с реалиями, которые важны для понимания сюжета спектакля.

Севастополь – город на побережье Чёрного моря, на полуострове Крым. Незамерзающий морской торговый и рыбный порт, промышленный, научно-технический и культурно-исторический центр. Носит звание «Город-герой». В Севастополе расположена главная военно-морская база Черноморского флота Российской Федерации.

Рекомендуем самостоятельно прочитать подробнее об истории Севастополя: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_Севастополя)

В первую очередь о Малаховом кургане – тактически важной высоте Севастополя на Корабельной стороне. Он прославлен героической обороной русскими войсками во время Крымской войны против англо-французских войск в 1854–1855 годах и в 1942 году советскими войсками во время Великой Отечественной войны против немецких захватчиков.

2. Выбираем из спектакля эпизоды, важные для раскрытия его идеи.

3. Оцениваем важность эпизодов, их значение для раскрытия темы спектакля.

4. Находим в спектакле фрагменты, в которых раскрывается идея, выраженная в заглавии – «Севастопольский вальс».

5. Подтверждаем идею спектакля, выраженную автором, или даем собственную формулировку идеи спектакля.

6. Оцениваем значение следующих событий (эпизодов спектакля), важных для развития сюжета: письмо Нины Аверину – бой за Инкерман – встреча Любы и Аверина – встреча Нины и Аверина – праздничный вечер в Доме офицеров – помощь Рахмета – последние объяснения героев.

Обращаемся к лингвокультурному комментированию: Дом офицеров – военное учреждение культуры, территориальный объект культуры и искусства Министерства обороны в военном округе (группе войск), на флоте и в гарнизоне вооружённых сил России, советского и современного периодов.

7. Отбираем наиболее значимые фрагменты спектакля для его основных сюжетных линий.

8. Пересказываем сюжет спектакля-оперетты сначала по одной повествовательной линии, а затем – по нескольким повествовательным линиям.

9. Выбираем из спектакля те фрагменты (сцены), которые повлияли на отношение обучающегося к событиям. Рассказываем об этих фрагментах.

10. Сформулируем собственную оценку событий, представленных на сцене – исторических и личных (семейных).

11. Отбираем сначала те сцены, в которых содержатся прямые, а затем те, в которых содержатся косвенные характеристики персонажей.

Литература

1. Schmidt W. Funktional-kommunikative Sprachbeschreibung. Theoretisch-methodische Grundlegung, Leipzig, 2001.

2. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М., 2010.

3. Театральные чтения: учебное пособие / В.Н. Базылев, Н.П. Дутко, Д.Б. Чекийска-Иванова. М., 2019.

4. Театральные чтения-1: учебное пособие: рабочая тетрадь / В.Н. Базылев, Н.П. Дутко, Д.Б. Чекийска-Иванова. М., 2019.

5. Театральные чтения-2: учебное пособие: рабочая тетрадь / В.Н. Базылев, Н.П. Дутко, Д.Б. Чекийска-Иванова. М., 2019.

6. Театральные чтения-3: учебное пособие: рабочая тетрадь / В.Н. Базылев, Н.П. Дутко, Д.Б. Чекийска-Иванова. М., 2019.

УДК 372.881.61.1

**Величко Ирина Владимировна
Рябчунова Карина Николаевна**

Филиал Ставропольского государственного
педагогического института в г. Железноводске
velichkoir@yandex.ru; ryabchunova.karina@yandex.ru

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ СЕВЕРНОГО КAVKAZA

Статья посвящена изучению актуальной для современной школы проблемы обучения детей-инофонов в классах общеобразовательных организаций. Авторы предлагают поэтапное осуществление программы, направленной на создание условий образовательной среды, обеспечивающей успешное освоение образовательных программ детьми-инофонами, и их адаптации в социокультурной среде образовательной организации.

Ключевые слова: полиэтничный класс, дети-инофоны, речевой класс, адаптация в социокультурной среде.

С проблемой языковой адаптации учащихся-инофонов российская система образования столкнулась еще 10 лет назад. Дети мигрантов поступают в национальную российскую школу независимо от наличия гражданства. В широком смысле российская школа всегда была полиэтнической, поскольку на территории Российской Федерации насчитывается свыше 100 национальностей. Особенно это актуально для образовательных организаций Северного Кавказа, где к поликультурному, поликонфессиональному составу обучающихся добавляются дети мигрантов из государств ближнего зарубежья. Современные миграционные процессы в России приводят к тому, что в русскоязычной среде проживает все больше некоренного населения. Дети мигрантов, как правило, не теряют родной язык, который выполняет функции языка семейного общения, общения в диаспоре, но в условиях социализации в русскоязычной среде вынуждены изучать русский язык. Современная полиэтническая школа - это новый тип обычной российской школы, в которой нерусскоязычные дети без знания русского языка обучаются не в отдельных классах, а вместе с русскоязычными, поступая не только в первый, но и в другие, старшие, классы без какой-либо специальной предварительной языковой подготовки.

Одной из альтернатив решения трудностей преподавания такой категории детей (носителей иностранного языка и картины мира, соответствующей обычаям народа, к которому они относятся) считается формирование в образовательном учреждении намеренно созданной социокультурной сферы, осуществление общеобразовательных программ с обучением на русском языке обучающихся-инофонов.

Инофон – носитель иностранного языка и соответствующей картины мира [1].

Классы, в составе которых учатся не менее двадцати процентов инофонов, принадлежащих различным национальностям, культурам и языкам, можно признавать полиэтническими классами – классами, в которых в единых образовательных обстоятельствах оказываются дети – носители русского языка и русской культуры – также ребята, не обладающие или обладающие на бытовом уровне русским языком и имеющие незначительное представление о русской культуре.

Русский язык – это язык обучения, то есть язык, на котором ведется общеобразовательный процесс: речь общения педагога с обучающимися, одноклассников между собой, язык учебников.

Согласно Федеральной целевой программе «Русский язык», закону РФ «О государственном языке РФ» в настоящее время необходимо «продолжить работу по созданию предпосылок для бесконфликтного функционирования русского языка в условиях двуязычия, по обеспечению обучения русскому языку в школах на базе новейших

образовательных технологий, внедрения нового поколения учебников, создания и освоения современных методов преподавания русского языка в школе»

«В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык» (Федеральный закон о государственном языке Российской Федерации. Статья 1).

Таким образом, значимость русского языка в школах Российской Федерации на сегодняшний день чрезвычайно высока. Русский язык считается для учащихся средством не только лишь общения, но и получения знаний, инструментом мышления, орудием постижения. По этой причине в процессе изучения русского языка задачей педагога становится языковое развитие – воспитание не только лишь языковой, но и коммуникативной компетентности [2]. Коммуникативная компетенция – умение осуществлять лингвистическую компетенцию в разных ситуациях речевого общения с учетом общественных норм поведения и коммуникативной рациональности выражения [1].

С позиций нынешней научно-образовательной парадигмы термин языковая компетенция обуславливается в коммуникативно-деятельностном ключе равно как уровень обладания языком, выражающийся, с одной стороны, в конкретной степени сформированности абстрактного познания о системной организации языка, категориальных свойствах языковых единиц различных степеней, способах рассмотрения и отображения этих единиц, с иной – в уровне фактического применения ресурсов абсолютно всех уровней языковой системы, их опытным использовании в определенных коммуникативных условиях [3].

Полиязычность школьного контингента формирует для педагога несколько проблем. Общеобразовательный стандарт, программа, методика, ресурсы и язык обучения нацелены исключительно на носителя русского языка (мы никак не имеем в виду национальные школы для обучающихся с родным нерусским и русским неродным языком). Невладение русским языком (либо владение на начальном уровне) мешает обучению ребенка-инофона в школе, так как обучение проводится фактически на языке, иностранном для части контингента обучающихся современной полиэтнической школы.

Работая с полиэтническим контингентом, педагог начальных классов принимает на себя и решает задачу выравнивания и развития учеников - инофонов с целью их социализации, формирует на уроках в начальной школе условия, благоприятные для выражения ребенком своей языковой особенности и реализации творческих возможностей, которые нужны для формирования познавательного интереса [4].

Не вызывает сомнения факт, что полиэтнические классы становятся массовым явлением в российских школах. В МБОУ СОШ №21 г. Пятигорска в 2018 году обучалось 423 ребенка, из них 253 – дети-инофоны (60%). При поступлении в школу у таких детей возникают трудности с изучением предметов на русском языке, а также социализация в современном мире, поэтому в 2019 году было принято решение о создании инновационной площадки «Формирование коммуникативной компетенции и социальная адаптация детей - инофонов в полиэтнических классах общеобразовательной школы», которая поможет решить ряд проблем, связанных с поликультурным образованием как детей-инофонов, так и русскоязычных учеников. Целью инновационной деятельности стало создание условий образовательной среды, обеспечивающей успешное освоение образовательных программ детьми-инофонами и их адаптации в социокультурной среде образовательной организации.

Организация деятельности экспериментальной площадки призвана решить следующие задачи:

1) обеспечить обучение русскому языку, качество образования и социализации детей-инофонов;

2) создать банк социальных практик, направленных на повышение мотивации обучения детей-инофонов;

3) разработать программу обучения русскому языку родителей детей-инофонов;

4) организовать соответствующую кадровую подготовку сотрудников (курсовая подготовка);

5) сформировать мотивационную и практическую готовность педагогов к качественным изменениям в работе в условиях образовательной среды, обеспечивающей качественное обучение детей-инофонов в рамках реализации проекта;

6) обеспечить работу сайта с целью продвижения проекта, публичной презентации результатов работы;

7) подготовить программу дополнительного образования, обеспечивающую деятельность школьников в рамках внеурочной работы по направлениям: спортивно-оздоровительное, духовно-нравственное, научно-познавательное, военно-патриотическое, общественно полезная деятельность, проектная деятельность, учитывающая интересы детей-инофонов, в том числе обучение разговорному русскому языку.

Проведение данной работы планируется в несколько этапов:

1 этап – диагностический (сентябрь 2019 – январь 2020) – предполагает осуществление первичной диагностики, включающей анкетирование учащихся, беседы с родителями, тестирование, сопоставительный анализ результатов анкетирования и тестирования;

прогнозируемый результат – выявление теоретических основ исследования, публикация научных статей по итогам теоретического исследования. Планируемый результат этапа – создание модели адаптации детей-инофонов в социокультурной среде «Школа – дом: вместе дружная семья».

2 этап – организационный (сентябрь 2019) – подготовить образовательную программу по работе с детьми-инофонами; программы дополнительного образования для внеурочной деятельности школьников с учетом интересов и возрастных особенностей обучающихся-инофонов. Планируемый результат – утверждение программ учебной и внеурочной деятельности, программ дополнительного образования по работе с детьми-инофонами.

3 этап – экспериментально-методический (2019-2020 гг.) – повышение уровня профессиональных знаний и компетенций, необходимых учителям начальной школы и учителям русского языка и литературы для работы с данной категорией обучающихся. Оказание методической помощи педагогам в работе с группой детей-инофонов, координация их деятельности с общим планом воспитательной работы школы. Планируемый результат – успешное использование педагогами индивидуальных рекомендаций, согласованность в действиях на основе единого планирования внеурочной деятельности, использование программ дополнительного образования в рамках организации социокультурной среды «Школа – дом: вместе дружная семья».

4 этап – практический (2020-2023 гг.) – организация учебной, внеурочной совместной деятельности учащихся, педагогов, родителей. Организация дополнительных занятий с детьми-инофонами для достижения успешного написания ВПР, РПР и сдачи государственной итоговой аттестации. Планируемый результат – формирование дискурсивной компетенции детей-инофонов (умение репродуцировать и продуцировать тексты монологического и диалогического характера в заданных социально-бытовых и социально-культурных ситуациях).

5 этап – обобщающий (рефлексивный) (2023-2024 гг.) – завершение мероприятий по реализации программы инновационной площадки, анализ полученных данных. Планируемый результат – создание методических рекомендаций по организации учебной и внеурочной деятельности по работе с детьми-инофонами.

На 1 этапе было проведено анкетирование родителей, с целью установления степени владения русским языком как самого ребенка, так и его окружения. Было выявлено, что в начальных классах обучаются дети мигрантов из Таджикистана, Узбекистана, Армении, Азербайджана, Украины, Турции, Карачаево-Черкесской Республики. В большинстве семей говорят на родном языке. Так же на этом этапе осуществлялась

работа по выявлению овладения детьми фонетического, грамматического, лексического и морфологического строя русского языка, который показал, что у данных детей низкий уровень владения русским языком. На основе этих данных будет разрабатываться дальнейшая работа с детьми-инофонами.

Следовательно, при работе учителей начальных классов с учениками-инофонами будет планомерно вестись работа для повышения уровня овладения русским языком с использованием языкового материала учебников на уроках и во внеурочной деятельности. Каждый учитель должен стремиться создать условия для успешности своих учеников, тем более, если в его классе обучаются дети мигрантов.

Таким образом, возможно предложить следующие рекомендации для организации учителями результативной учебной деятельности, а также внеклассной работы с целью преодоления трудностей и проблем преподавания русского языка младшим школьникам в полиэтническом классе:

1. Важно выявить и исследовать характерные проблемы обучающихся-инофонов с помощью диагностирующих тестов и анкет по русскому языку как иностранному.

2. Адаптация и коррекция методики обучения русского языка и применение нужных добавлений в УМК.

3. Индивидуализирование и дифференцирование работы на уроках русского языка с учетом характерных затруднений обучающихся-инофонов. Учет индивидуально-психологических особенностей (мышление, память, темп работы), а также учебных способностей детей.

4. Организация результативного речевого взаимодействия между детьми-инофонами и русскоговорящими ребятами класса, введение обучающихся в разнообразные формы внеклассной и внеаудиторной работы.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.И. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб., 2007. С. 92.

2. Хамраева Е.А. Современный урок русского языка в поликультурной образовательной среде // Читаем вместе. 2014. № 4. С. 40-42.

3. Курьянович А.В. Психолого-педагогические, лингводидактические и методические аспекты совершенствования языковой компетенции в школе и вузе // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2015. Вып. 1 (7). С. 90-101.

4. Кумукова Ф.К. Освоение русского языка детьми-инофонами в условиях школы с полиэтническим составом // Сибирский учитель. 2012. №3. С. 102-105.

5. Батарчук Д.С. Психолого-педагогическое сопровождение развития поликультурной личности в условиях полиэтнической образовательной среды // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin), 2014. Вып. 12 (102). С. 149-53.

6. Гузеев В.В., Остапенко А.А. Методические основы обучения детей-инофонов младшего школьного возраста письму на неродном русском языке // Педагогические технологии, 2018. №1. С. 103-111.

7. Каленчук М.Л., Чуракова Н.А., Малаховская О.В. Программа по русскому языку УМК «Перспективная начальная школа». М.: Академкнига/Учебник, 2016. С. 289.

8. Харенкова А.В. Анализ особенностей речевого развития детей-билингвов // Проблемы современного образования. 2017. №2. С. 164-171.

9. Каленчук М.Л. Русский язык: 3 класс: учебник: в 3 ч. М.: Академкнига/Учебник, 2017. Ч. 2. С. 160.

УДК 811.161.1

Закирьянов Кабир Закирьянович
Башкирский государственный университет
srya409@mail.ru

УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ «РУССКИЙ ЯЗЫК» В РУССКОЙ И НЕРУССКИХ ШКОЛАХ: СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

В статье рассматривается специфика обучения русскому языку как родному в русской школе и как неродному в нерусских школах. Эта специфика определяется тем, что русский язык занимает не одинаковое место в сознании русского и нерусского ученика, различны пути и способы овладения русским языком учащимися русской и нерусских школ. Этим обуславливается необходимость разработки разной методики обучения русскому языку как родному и как неродному, а также необходимость создания специальных учебников русского языка для русских и нерусских школ.

Ключевые слова: русский язык, родной язык, неродной язык, нерусские школы, методика обучения русскому языку, учебники русского языка.

Учебный предмет «Русский язык» занимает одно из центральных мест в учебных планах всех типов школ, и отводится на его изучение большое количество часов. И единый государственный экзамен (ЕГЭ) по

русскому языку при завершении школьного обучения относится к числу обязательных для всех выпускников средней общеобразовательной школы. Объясняется такое место учебного предмета «Русский язык» в общей системе школьного образования политическим статусом русского языка и его практической ролью в жизни народов Российской Федерации.

В нашей многонациональной и многоязычной стране – Российской Федерации (РФ) русский язык занимает особое место: фактически он является **основным языком** среди множества других, наделен большими полномочиями, пользуется огромным авторитетом, постоянно востребован и защищен Основным законом – Конституцией страны.

Согласно законам о языках, принятым в нашей стране (см., например [1, 2, 3, 4]), языки всех народов, населяющих территорию Российской Федерации, политически и юридически равноправны. Но по выполняемым общественным функциям среди всех других языков огромной страны русский язык в силу объективных исторических, экономических, политических и культурных условий стал первым среди равноправных. Он приобрел особый статус – избран в качестве **государственного языка** Российской Федерации и выполняет функцию **языка-посредника**, с помощью которого представители разных национальностей, носители разных языков и культур, свободно вступают в языковые контакты между собой.

Русский язык выполняет прежде всего консолидирующую функцию: обеспечивая языковую коммуникацию, взаимопонимание и сотрудничество разноязычных народов, он объединяет все население страны в одно гражданское общество; обслуживает каждого гражданина страны во всех сферах его жизнедеятельности. Верховная государственная власть общается с гражданами страны на русском языке: на нем публикуются законы и другие правовые акты, пишутся официальные документы, ведется делопроизводство в учреждениях и предприятиях и т.д. Выполняя множество общественных функций (ни один язык в РФ не выполняет столько общественных функций, какие выполняет русский язык), он регулирует нормальную жизнедеятельность страны и обеспечивает мирное сосуществование разноязычных народов в одном государстве.

В этих условиях свободное владение русским языком как государственным языком страны и как языком-посредником является обязательным и практической необходимостью для всех граждан РФ, независимо от их национальной принадлежности, т.е. независимо от того, является ли для них русский язык родным или неродным. В соответствии с такой установкой определяется общность задач в преподавании учебного предмета «Русский язык» в русской и нерусских (с разным национальным составом учащихся) школах. По-видимому, именно этим

фактором объясняется и оправдывается предъявление единых требований к знаниям выпускников русских и нерусских школ на ЕГЭ по русскому языку (полностью совпадает содержание экзаменационных заданий и критерии их оценивания). Единство требований к знаниям выпускников всех типов школ основано на принципе "равенства всех", который полностью исключает субъективизм и обеспечивает объективность в оценивании знаний экзаменующихся.

Такой экзамен можно было бы признать идеальным с точки зрения справедливости и объективности оценивания знаний обучающихся, но тут вступает в противодействие другой фактор – механизм овладения русским языком как родным и как неродным. Хотя содержание экзамена и критерии оценивания заданий одинаковы для всех, в целом совпадает и содержание обучения русскому языку в русской и нерусских школах, общи также цели и задачи обучения – практическое овладение русским языком как средством общения и формирование у учащихся языковых, коммуникативных, лингвистических и лингвокультурологических компетенций, но не одинаковы механизмы овладения и условия пользования русским языком учащимися русской и нерусских школ. Дело в том, что русский язык занимает не одинаковое место в сознании русского и нерусского ученика, не одинаковы его роль и значение в жизнедеятельности того и другого, различны пути и способы овладения русским языком как родным и как неродным, соответственно в большинстве случаев не одинакова степень владения русским языком учащимися русской и нерусских школ.

Для ученика (выпускника) русской школы русский язык является его родным языком, усвоенным еще в раннем детстве, "с молоком матери", в процессе естественного повседневного общения на этом языке (речь идет об ученике – носителе русского языка); языковое сознание его формировалось на базе родного (русского) языка; реальный мир первоначально он познал на своем родном (русском) языке; он формировался как языковая личность на базе родного (русского) языка; он мыслит, общается на этом родном (русском) языке; с помощью родного (русского) языка он удовлетворяет свои коммуникативные потребности; на родном (русском) языке формировалось его национальное самосознание, национальная психология, национальный менталитет; вместе с родным (русским) языком он усвоил родную культуру – культуру русского народа. Словом, родной (русский) язык играет первостепенную, жизненно важную коммуникативную и социальную роль в его жизни.

Таковую же роль выполняет в сознании ученика нерусской школы его родной (нерусский) язык, а русский язык занимает совсем иное место и функционирует совсем по-другому – пассивно. Русский язык для него

неродной, "чужой", приобретенный вторично, после родного. И овладение русским языком как вторым, неродным сопряжено с определенными трудностями. В условиях отсутствия русскоязычной речевой среды (в нерусской сельской местности) свои коммуникативные потребности ученик нерусской школы реализует на своем родном языке; непосредственной необходимости в пользовании русским языком у него нет; овладение русским языком осуществляется главным образом в школе, в известной мере искусственно – путем специального обучения с помощью учебников и других учебно-методических пособий.

Таким образом, русский язык изучается в русской школе как родной, а в нерусской школе обучают ему как неродному, второму, «чужому».

Процесс овладения родным и неродным языками не одинаковый: овладение родным (первым) языком намного легче по сравнению с неродным, овладение же неродным (вторым) языком – процесс более длительный и более трудоемкий. Причину такого разноуспешного усвоения родного и неродного языков киргизский методист П.И. Харакос объясняет следующим образом: «... родной язык – первый, а неродной – второй; после того как первый (родной) уже безраздельно материализовал сознание человека в своих языковых формах, второй язык воспринимается сознанием учащегося как нечто чуждое ему, чему нужно специально и напряженно учиться, с трудом переоформляя свое сознание» [5, с. 12-13].

В основе трудностей усвоения неродного (чужого) языка лежит *различие языковой картины мира* народов, говорящих на разных языках. Мысль о различии языковой картины мира разных народов впервые высказал Вильгельм фон Гумбольдт. Он утверждал, что разные языки являются разными мировидениями [6, с. 172]. Согласно этой теории, различия между языками заключаются не просто в отличии языковых средств, используемых в процессе коммуникации, а в выражении духа народа, его культуры.

Картина мира – это обобщенное представление человека об окружающей действительности, о реальном мире на данном этапе познания, знание законов природы и общества, отношение к предметам и явлениям реального мира. Реальный мир отражается в сознании, воспринимается и познается через язык. Язык дает возможность представить мир таким, какой он есть. Это дает основание говорить о *языковой картине мира*. Поскольку любой язык (язык каждого народа) имеет национальный характер, то можно говорить о национальном разнообразии языковых картин мира. По утверждению Ю.Д. Апресяна, каждый естественный язык отражает "определенный способ восприятия мира" [7, с. 38], поэтому носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих родных,

национальных языков. Значит, под «языковой картиной мира» подразумевается *национальная языковая картина мира*, отраженная средствами конкретного национального языка.

По этому поводу О.А. Корнилов рассуждает: «... нет просто языковой картины мира – это абстракция, реально нигде не существующая; реально существуют и могут анализироваться лишь языковые картины мира конкретных национальных языков» [8, с. 113].

Словом, национальная языковая картина мира – это объективно существующая реальность, увиденная через призму конкретного национального языка и выраженная средствами данного языка.

Национальная специфика языковой картины мира проявляется в несовпадении предметных образов, лежащих в основе образования понятий у разных народов, и в разных способах выражения этих понятий. Эту специфику кратко можно объяснить следующим образом.

Объективная действительность отражается в сознании в понятиях, а понятия выражаются словами. Содержание понятий как формы познания реального мира одинаково для всех людей, независимо от того, на каком языке они говорят. Если бы оно было не одинаковым, то был бы невозможен обмен мыслями между представителями разных народов, говорящих на разных языках, был бы невозможен адекватный перевод с одного языка на другой. Нет таких понятий, отражающих объективную действительность, которые могут быть усвоены одним народом и не могут быть усвоены другим, которые можно было бы выразить средствами одного языка и нельзя выразить средствами другого. Значит, понятие – категория логическая, общечеловеческая, оно не ограничивается национальными рамками.

Но не одинаковы, не совпадают способы словесного выражения понятий в разных языках, т.е. при общности содержания понятий различается в разных языках система словесных выражений этих понятий. Одно и то же понятие может быть выражено в разных языках по-разному, в основу образования понятий могут быть положены разные признаки, разные образы-символы. Значит, словесное выражение понятий на разных языках окрашено национальной спецификой. Например, понятие «отверстие в тупом конце швейной иглы, в которое продевается нитка» в русском языке обозначается словом *ушко* (*ушко иглы*), а в башкирском – словом *куз* (*энэ кузе*, досл. «глаз иглы»). Одно и то же понятие образовано у русских и башкир на основе разных образов: русские сравнили отверстие иглы с ухом, башкиры – с глазом; понятие общее, а его метафорический образ – разный.

Национальная специфика языковой картины мира прослеживается на всех уровнях языковой системы, но особенно выпукло она обнаруживается в лексике, фразеологии, афористике (см., например, на

материале русского и башкирского языков [9, 10, 11, 12]). Отсюда напрашивается следующий вывод: разные языки не просто по-разному обозначают один и тот же предмет и явление, а отражают разное видение этого предмета и явления, т.е. в языке отражается национальное видение мира. Значит, **усвоение второго языка сопровождается усвоением новой языковой картины мира.**

Овладение вторым языком означает овладение не только ещё одним языковым кодом, но и определенной суммой знаний о картине мира данной языковой общности. Познание новой языковой картины мира означает проникновение в миропонимание (мировидение) народа – создателя и носителя этого языка. Осознание того, что второй язык – это другая, отличная от родного языка система отражения объективного мира языковыми средствами, – вот что лежит в основе овладения вторым, неродным языком.

Овладение новой языковой картиной мира означает одновременно вхождение в другую культуру, освоение новой культуры. Дело в том, что язык и культура настолько тесно взаимосвязаны, что предполагают друг друга, не существуют один без другого, воспринимаются как две данности одного целого. Такая тесная взаимосвязь языка и культуры проявляется в том, что вся культура живет и развивается в «языковой оболочке», отражается в языке [13, с. 14]. Соответственно нельзя рассматривать язык в отрыве от культуры, а культуру – в отрыве от языка.

Отсюда естественно напрашивается методический вывод о необходимости изучения второго, неродного языка (в нашем случае – русского языка в нерусской школе) в органической связи с культурой народа – носителя данного языка. При изучении языка в отрыве от культуры останется вне поля зрения его культуруносная, духовная, человеко формирующая сущность. Взаимосвязанное изучение языка и культуры способствует в конечном итоге формированию билингвальной и одновременно бикультурной личности. Такая личность в состоянии пользоваться средствами обоих языков в соответствии с отражаемой ими языковой картиной мира и национальной культурой [14, с. 76].

Таким образом, в результате изучения русского языка как неродного в нерусской школе формируется билингвальная личность, овладевшая двумя языками как средством общения и усвоившая вместе с языковыми средствами две национальные языковые картины мира и две национальные культуры.

Как видно из изложенного, различны пути овладения русским языком как родным и как неродным, существенно отличается функционирование его в сознании монолингва и билингва. Соответственно учебная дисциплина «Русский язык», имеющая общее

содержание и общую конечную цель обучения, представляет собой в русской и нерусских школах два совершенно разных варианта одного учебного предмета, отличающиеся принципами отбора языкового (теоретического и дидактического) материала для активного усвоения и системой его подачи, применяемыми методами и приемами обучения, системой и характером учебных заданий и упражнений, способствующих усвоению и закреплению изучаемого языкового материала, используемыми учебно-методическими пособиями и т.д.

В русской школе, где русский язык изучается как родной и учащиеся владеют им практически с раннего детства, в преподавании русского языка ставится задача усвоения системы языка, его законов и норм, теоретического осмысления устройства языка, овладения навыками грамотного письма, развития речи и повышения культуры речи, т.е. ставится задача формирования у обучающихся научного представления о русском языке как лингвистической дисциплине (лингвистической компетенции), задача формирования полноценной языковой личности, способной свободно пользоваться языковыми средствами в речевой практике во всех сферах жизнедеятельности.

В нерусской же школе, где русский язык изучается как неродной, где учащиеся им еще практически не владеют (или владеют очень слабо), ставится в первую очередь задача практического овладения средствами русского языка для использования их в процессе русскоязычной речевой коммуникации, а задача формирования у обучающихся научного представления о русском языке как лингвистической дисциплине (лингвистической компетенции), теоретическое осмысление практического языкового материала идет параллельно с практическим усвоением языковых средств; соответственно поставленной задаче основное место занимает в учебном процессе работа по практическому овладению русским языком как средством общения.

Отличие психологических механизмов овладения русским языком как родным и как неродным, несовпадение функционирования русского языка в условиях наличия и отсутствия русскоязычной речевой среды диктуют необходимость разработки разной методики обучения русскому языку в русской и нерусских школах: в русской школе – это методика обучения родному языку, а в нерусской школе – методика обучения второму, неродному языку. Это совершенно разные методики, хотя имеется в них немало общего. Каждая из них имеет свою специфику.

Методика обучения русскому языку как родному имеет богатую, уже более двухвековую историю; достигнутые успехи поистине велики; разработаны в этой области теоретические положения и накоплен богатый практический опыт; в настоящее время интенсивно ведутся поиски новых, более эффективных методов, приемов и средств обучения,

отвечающих требованиям сегодняшнего дня, использующих современные достижения информационно-коммуникационных технологий и т.д.

Методика обучения русскому языку как неродному в нерусских школах Российской Федерации (и бывших союзных республик СССР) стала усиленно и целенаправленно разрабатываться сравнительно недавно – с середины прошлого, XX столетия, хотя само направление методической науки (преподавание русского языка в нерусской школе) имеет уже более вековую историю. За этот период сделано в этой области очень много, достигнутые успехи огромны. Благодаря обучению русскому языку по этой методике учащиеся нерусских школ овладевают русским языком настолько, что могут успешно сдать (и сдают) ЕГЭ по русскому языку наряду с выпускниками русских школ, продолжать обучение в высших учебных заведениях страны на русском языке, трудиться в много(разно)язычном коллективе, свободно общаясь между собой на русском языке. Много сделали и делают в этой области методисты и учителя русского языка. В национальных регионах страны созданы научные труды, разработаны методические рекомендации по изучению отдельных разделов русского языка, найдены принципы эффективного преподавания русского языка в нерусских школах, например: принципы учета особенностей родного языка учащихся, коммуникативной (речевой) направленности обучения, функциональности, текстоцентрический принцип обучения и ряд других. Заимствуется все положительное из методики обучения русскому языку как родному и как иностранному.

Вместе с тем на фоне достигнутых успехов с сожалением приходится констатировать, что за последние полтора-два десятилетия внимание к проблемам преподавания русского языка в нерусской школе значительно ослабло: почти не появляются фундаментальные научные труды в этой области, не проводятся научно-практические конференции, посвященные актуальным проблемам преподавания русского языка нерусским, не издаются и специальные сборники статей по преподаванию русского языка как неродного, не обсуждаются вопросы преподавания русского языка нерусским и на курсах повышения квалификации учителей и т.д. Подобное "безразличное", даже, можно сказать, пренебрежительное отношение к данной проблеме следует оценивать как негативное. Нужно решительно изменить такое отношение. Необходимо разработать такую методику обучения русскому языку как неродному, которая обеспечила бы степень владения русским языком выпускниками нерусских школ на уровне его носителей.

В этом контексте становится весьма актуальной **проблема создания учебников русского языка для нерусских школ**. В учебном

процессе ему (учебнику) принадлежит первостепенная роль: с одной стороны, в соответствии с программой учебной дисциплины он конкретизирует (материализует) ее содержание, с другой – намечает (в какой-то мере подсказывает) методику изучения языкового материала, определяет содержание и характер учебной деятельности обучающихся. Кроме того, в нерусской школе, в условиях отсутствия естественной русскоязычной речевой среды, с помощью материалов учебника создается своеобразная (искусственная) русскоязычная речевая мини-среда (тренировка в русской речи с помощью упражнений учебника), способствующая практическому овладению русским языком. Значит, учебник русского языка является первоосновой в обучении русскому языку нерусских учащихся. Это аксиома, не требующая доказательств.

Однако в настоящее время (за последнее десятилетие) наметилась "нездоровая" тенденция – отказ от учебников русского языка, специально предназначенных для нерусских школ, путем перехода к единым учебникам русского языка, созданным для русских школ. Такая тенденция, на наш взгляд, является не только нежелательной и нецелесообразной, но в корне ошибочной. Отказ от специальных учебников русского языка для нерусских школ методически никак не может быть оправдан.

Как уже было сказано, различны механизмы усвоения родного и неродного языков. Значит, различается (должна различаться) и методика обучения русскому языку как родному (в русской школе) и как неродному (в нерусской школе). Соответственно отличаются (должны отличаться) и учебники русского языка для русских и нерусских школ: для первых – это учебник родного языка, для вторых – учебник неродного языка.

Учебники русского языка для русской школы и для нерусских школ отличаются прежде всего по целевому назначению. В учебниках для русской школы, где учащиеся практически свободно владеют русским языком как родным, усвоили его практически еще в раннем детстве, приводятся в систему практически знакомые языковые единицы, сообщаются теоретические сведения о законах и нормах функционирования их в речи, которые в конечном итоге способствуют формированию у обучающихся научного представления о русском языке как лингвистической дисциплине. В учебниках же русского языка для нерусской школы, где учащиеся практически не владеют (или очень слабо владеют) русским языком, теоретическое осмысление языкового материала, формирование научного представления о языке идет одновременно, параллельно с практическим усвоением языковых средств, соответственно в них основное место занимают упражнения и задания,

способствующие практическому усвоению языковых средств (языковых единиц).

Отличие учебников русского языка для русской и для нерусских школ находит отражение во всем: и в отборе языкового материала, и порядке (последовательности) его подачи, и в объеме сообщаемых теоретических сведений и в их комментариях, и в характере заданий и упражнений, и в их системе, и в подборе дидактического материала к упражнениям и т.д. Даже трудно представить одинаковую эффективность обучения русскому языку как родному и как неродному по единым учебникам.

На основе всего изложенного напрашивается следующий вывод: **для нерусских школ нужны специальные учебники русского языка, учитывающие специфику овладения русским языком как неродным нерусскими учащимися.**

За годы существования нерусской школы в нашей многонациональной стране (РФ) в разных ее регионах накоплен богатый опыт, особенно в последние полвека, по созданию учебников русского языка и учебно-методических комплектов для конкретных национальных школ. Так, в Республике Башкортостан для башкирской школы, в Республике Татарстан для татарской школы, частично и в других национальных регионах созданы и действовали до настоящего времени учебники и учебные комплекты по русскому языку для всех звеньев школы: для начальных (1–4), средних (5–9) и старших (10–11) классов. Каждый комплект для каждого класса имеет свою специфику и свой состав компонентов. Для некоторых классов число компонентов в учебных комплектах доходило до семи–восьми. Каждый компонент учебного комплекта имеет свое целевое назначение, в соответствии с которым имеет свое содержание и свою структуру (подробнее см. об этом [15, 16]).

Существовавшие до сих пор учебники русского языка для нерусских школ вполне соответствовали своему назначению. Трудно переоценить сегодня роль и значение этих учебников и учебных комплектов: с их помощью удалось формировать в национальных регионах нашей страны массовое национально-русское двуязычие. Правда, с позиций требований современной образовательной парадигмы что-то в них устарело, и они нуждаются в обновлении и дальнейшем совершенствовании и содержания, и структуры, и методического аппарата. На их основе можно создать оригинальные учебники нового поколения, отвечающие современным требованиям образовательного пространства. Но отказаться от специальных учебников русского языка для нерусских школ **крайне нежелательно**. Нужно создать такую систему учебников русского языка с 1 по 11 класс для учащихся нерусских школ, которая обеспечит в конечном итоге свободное

практическое владение русским языком как средством общения и вооружит учащихся теоретическими знаниями о русском языке в объеме, достаточном для формирования научного представления о системе русского языка как лингвистической дисциплины (подробнее о том, каким должен быть современный учебник русского языка для нерусских школ, каким требованиям он должен отвечать, каким должно быть его содержание, структура и методический аппарат, см. в нашей статье [17]). В этой связи заметим, что проблема создания учебников русского языка как неродного для нерусских школ относится к числу сложных и окончательно не решенных до сих пор. Пока ясно одно: для нерусских школ нужны специальные учебники русского языка, отличные от учебников русского языка для русских школ [18].

Все изложенное позволяет сделать следующий вывод.

Русский язык в нашей многонациональной и многоязычной стране (РФ) функционирует: 1) как средство внутринационального общения (это его основная функция – родной, национальный язык русского народа) и 2) как средство межнационального общения народов РФ, как язык-посредник (вторая, не менее важная, чем первая, коммуникативная функция). В соответствии с указанными двумя функциями русский язык обслуживает миллионы людей разных национальностей – носителей разных языков и разных культур в разных жизненных ситуациях и в разных условиях речевой коммуникации. В этих условиях практическое овладение русским языком как языком-посредником для речевой коммуникации становится жизненной необходимостью для нормального сосуществования разноязычных народов в одном государстве (РФ). Для одних он родной язык, для других – неродной, и неодинаковы возможности и пути овладения им теми и другими. Соответственно будет неодинаковым и методика преподавания русского языка в русской (русский язык родной) и в нерусских (русский язык неродной) школах. В зависимости от контингента обучаемых требуется разработка своей методической системы, учитывающей не только специфику усвоения русского языка как родного или как неродного, но и условия функционирования русского языка в той или иной среде. В этом контексте становится актуальной и проблема подготовки учителей русского языка для работы в соответствующих аудиториях.

Смело можно утверждать, что хорошая методическая система обучения при наличии хороших учебников и учебно-методических пособий в руках хорошо подготовленного учителя обеспечит успех овладения русским языком обучающимися любой категории.

Литература

1. Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (от 24.07.1998 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998, №31.
2. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (от 07.06.2005 г.). М., 2005.
3. Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» (от 21.01.1999 г.). Уфа, 1999.
4. Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республики Татарстан». Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. 68 с.
5. Харакоз П.И. Основы методики обучения русскому языку в киргизской восьмилетней школе. Фрунзе: Мектеп, 1983. 352 с.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1986. 452 с.
7. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, 1995, №1. С. 37-67.
8. Корнилов О.А. Языковая картина мира как производные национальных менталитетов: учебное пособие. 4-е изд-е. М.: КДУ, 2014. 348 с.
9. Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). М.: Прометей, 1996. 146 с.
10. Хайруллина Р.Х. Сопоставительная фразеология русского и башкирского языков. Теория и практика. Уфа: Изд-во БГПУ. 1999. 87 с.
11. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. Уфа: Изд-во БГПУ, 2000. 285 с.
12. Хайруллина Р.Х. Лингвистика межкультурных коммуникаций: Курс лекций. Уфа: Изд-во БГПУ, 2005. 138 с.
13. Зайнуллин М.В., Зайнуллина Л.М. Общие проблемы лингвокультурологии: Курс лекций. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 206 с.
14. Воробьев В.В., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур: Учебное пособие. Элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. М.: Ладомир, 2006. 286 с.
15. Роль учебно-методических комплектов по русскому языку в реализации межъязыковых и межкультурных связей: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 29–30 ноября 2006 г.). Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. 132 с.
16. Современная образовательная парадигма и школьные учебники по русскому языку: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Оренбург, 2–3 ноября 2003 г.). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2000. Раздел: Вопросы создания учебников по русскому языку как неродному. С. 162-176.

17. Закирьянов К.З. Современный учебник русского языка для нерусских школ: каким он должен быть // Вестник Башкирского университета, 2017. Т. 22. №4. С. 1131-1140.

18. Сабаткоев Р.Б. Учебник как основное средство обучения русскому языку в школе // Роль учебно-методических комплектов по русскому языку в реализации межъязыковых и межкультурных связей: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 29–30 ноября 2006 г.). Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. С. 20-22.

УДК 811.161.1'367

Кабанова Светлана Александровна

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

kabanovas1@rambler.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

Современное состояние лингвистической теории, характеризующееся многообразием концепций, свидетельствует о детальном изучении разных аспектов языковых явлений, в особенности синтаксического строя русского языка. В статье рассматриваются структурный и семантический аспекты анализа членов предложения, предлагается система заданий, направленных на выработку навыка узнавания членов предложения в тексте, определения их структуры и способа выражения, а также особенностей семантики. Акцентируется внимание на однословных способах выражения членов предложения, в частности на синтаксически несвободных, нечленимых сочетаниях и фразеологизмах.

Ключевые слова: главный член предложения, фразеологизм, синтаксически несвободное сочетание, нечленимое, сочетание, синкретичный член предложения (член предложения со смешанным значением).

В настоящее время пересматриваются многие положения теории членов предложения, изменяется понятийно-терминологическая система, в ряде случаев традиционные названия структурно-семантических компонентов предложения заменяются новыми. В этой связи одним из широко обсуждаемых является вопрос о наиболее общем делении членов предложения на главные и второстепенные: так, авторы учебника «Синтаксис современного русского языка», рассматривая историю изучения членов предложения, отмечают принципиальное их разграничение по формальному признаку в академической «Грамматике русского языка» (1952–1954) и дискуссионность вопроса о принципе

классификации второстепенных членов [24, с. 102]. Члены предложения позволяют обобщить результаты исследований разных лингвистических направлений и систематизировать наблюдения над элементами синтаксических конструкций с целью их квалификации как синкретичных или однозначных или же как определенных компонентов актуального членения.

На синтаксическом уровне члены предложения соотносятся со словоформами, словосочетаниями разных типов и предложениями, образуя систему взаимосвязанных и взаимодействующих структурно-семантических компонентов предложения. Принцип системности в языке предполагает анализ связи членов предложения – элементов синтаксического уровня с лексемами разных частей речи, а также несвободными сочетаниями слов – элементами морфологического и лексико-фразеологического уровней.

Основными аспектами анализа членов предложения являются структурный и семантический, в связи с чем выделяются семантические группы членов предложения и их структурные разновидности, связанные с наличием или отсутствием предлога при именной / местоименной форме, наличием в составе члена предложения информативно недостаточного слова, требующего к себе облигаторного распространителя, или слова с количественным значением, выступающего в сочетании с именем существительным, называющим исчисляемые предметы. Кроме того, член предложения может быть выражен неизменяемой формой (наречие, инфинитив, деепричастие, причем последнее часто представляет собой обособленный член или находится в его составе, будучи распространенным одной или несколькими зависимыми словоформами); в подобных случаях возникает необходимость в правильной его квалификации, что нередко представляет сложность для национальной студенческой аудитории. Так, о субстантивированном наречии речь идет в случае *Наше завтра весьма неопределенно*, поскольку налицо левый распространитель подлежащего – согласованная атрибутивная форма; возможность отнесения действия, выраженного инфинитивом, к одному или разным лицам позволяет включить инфинитив в состав составного глагольного сказуемого или же объектного дополнения: *Начинали краснеть верхушки деревьев* [14, с. 21]. – ср.: *Её робко уговаривали остановиться в Губине на ночлег, но она не велела останавливаться...* [17, с. 258]; в ином же случае речь идет о форме обстоятельства с целевым значением: *Баба Евдокия присела на лавку передохнуть после лестницы* [16, с. 95] или же о несогласованном определении: *Кривоножка не хотел выговаривать этого слова – «расстреливать»* [13, с. 55].

Поскольку при изучении семантики и структуры членов

предложения студенты часто испытывают трудности в употреблении фразеологизмов, синтаксически несвободных сочетаний и глагольно-именных сочетаний-эквивалентов слова, постольку целесообразно применение системы заданий, целью которых является определение сходства и различий названных видов сочетаний, а также отдельных лексем; затем студентам предлагаются задания на подбор однословного эквивалента к несвободному сочетанию, фразеологизмов-синонимов, а затем употребление обоих типов несвободных сочетаний в роли членов предложения. Предлагаемая система заданий направлена на выработку навыка узнавания членов предложения в тексте, определения их структуры и способа выражения, причем немалая роль отводится использованию приема трансформаций-преобразований, позволяющего сопоставить структурные и смысловые особенности исходной и новой конструкции.

Так, при работе над усвоением структурно-семантических особенностей подлежащего особое внимание уделяется формам его выражения, для чего составляется таблица, включающая базовые структурные схемы **неоднословного подлежащего** с иллюстративным материалом, например:

1) составные наименования, семантически эквивалентные слову и выступающие в позиции соответствующего члена предложения: **Такие вещи случаются только на море** [8, с. 9]. – ср. **такое случается только на море**;

2) нечленимые сочетания-имена собственные: **В Первую мировую войну Беловежская Пуца стала ареной военных действий...** [9, с. 28];

3) устойчивые сочетания терминологического типа: **Строчок неприкосновенный** – условно съедобный гриб низкого качества [7, с. 128];

4) собир. числ. + сущ. в род. пад. мн. ч.: **Двое мальчишек, сцепившись, катались по земле** [8, с. 54];

5) колич. числ. + сущ. в род. пад. ед./мн.ч.: **В этом туристическом рейсе на борту было 122 китайца и 8 туристов из других стран** [3, с. 58], ср. и **8 не-китайцев, других иностранцев**;

6) колич. числ. + сущ. / мест. в род. пад. с предл.: **На крохотном острове расположен один из кордонов Красноводского заповедника** [9, с. 54];

7) сущ. в имен. пад. + сущ. в твор. пад. ед./мн.ч. с предл.: **Каждый день в четыре-пять утра Ма с Леной выходят в лес** [19, с. 232];

8) мест. в им. пад. + мест. /сущ. в твор. пад. ед./мн.ч. с предл.: **Мы с Аскольдом непременно вас прокатим!** [4, с. 7];

9) мест. в имен. пад.+ сущ./ мест. в род. пад. мн.ч. с предл.: **Никто из других гостей к блюду не прикоснулся** [4, с. 108], ср. **никто из прочих**;

10) сущ. с колич. знач. / знач. совмест. + сущ. в род. пад. мн.ч.: **Где-**

то там сидели Таир и Родька, Ленка Бородулина, Мамед по прозвищу Очевидец и ещё **десятки знакомых людей** [8, с. 53] (ср. ещё **десятки знакомых**);

11) количественно-вопросительное слово *сколько* + сущ. в род. пад. ед. / мн.ч.: **Сколько лет** пронеслось! **Сколько व्यог** отсвистело **и гроз!** [11, с. 143];

12) беспредложные / предложно-падежные сочетания со значением приблизительности: *На занятиях Янова собиралось человек семь, в комнате за учительской* [14, с. 128];

13) неопред.-колич. числ. + сущ. в род. пад. мн.ч.: *На него навалилось сразу несколько болезней – ангина, бронхит, крупозное воспаление лёгких* [8, с. 69].

Построение подобной таблицы необходимо, поскольку, кроме ранее изученных способов выражения подлежащего (имя существительное, местоимение, субстантиват, инфинитив, синтаксически неразложимое сочетание местоимений типа **всё это / это всё**: **Всё это** у меня на родине осталось только в памяти людей да в книжках [16, с. 92], исследуются и другие количественно-именные сочетания, детально не рассматриваемые в школьном курсе русского языка в старших классах. Студенты анализируют предлагаемый в таблице иллюстративный материал, а затем приводят собственные примеры.

При изучении структурно-семантических черт сказуемого обращается внимание, во-первых, на то, что сказуемое обозначает признак в широком смысле слова: сюда включается значение **действия** (*К исходу суток тучи **распространились** на всё небо* [22, с. 50], **состояния** (*Он **отморозил** кожу на щеках и большой палец ноги* [22, с. 121], **свойства** (*Разбросанность всегда **была чертой** моего характера* [23, с. 6], **качество** (<...> *улыбка **получилась** жалкой, **извиняющейся*** [22, с. 174]. Рассмотрение структурных типов сказуемого стоит начать с простых глагольных сказуемых, выраженных, в том числе, устойчивыми сочетаниями или перифразами, приравниваемыми к слову: *А потом кроны лип **покрылись** лёгкой **светло-зелёной дымкой*** [14, с. 131], ср. **зазеленели**: студентам может быть предложено задание заменить простое глагольное сказуемое-фразеологизм простым глагольным сказуемым-спрягаемой глагольной формой, а также задание обратного типа нахождение подходящего по смыслу фразеологизма к спрягаемой глагольной форме и употребление их в предикативной функции. Тем самым достигается более высокий уровень овладения фразеологическими единицами русского языка, и у обучающихся появляется возможность применения знаний из данной области в сфере синтаксических конструкций.

Во-вторых, внимание обращается на вспомогательные глаголы в

структуре составного глагольного сказуемого: это фазовые и модальные глаголы, а также глаголы эмоционального отношения к действию или его интеллектуальной оценки. Глаголы первой и третьей группы способны выступать в своем основном значении в роли простого глагольного сказуемого. В связи с этим обучающимся предлагаются задания сопоставительного плана, например: указать, в каких предложениях глагол играет роль простого глагольного сказуемого, а в каких – роль вспомогательного компонента составного глагольного сказуемого: *Покончив с салом, **принялись** за колбасу* [18, с. 59]. – *Я вышел из избы, нашёл старую плеху и **принялся заколачивать** сенную дверь* [16, с. 107]. При выполнении подобной работы нужно обратить внимание на выражение лексического и грамматического значений в составе простого глагольного сказуемого одной словоформой, тогда как в составном глагольном сказуемом основное значение сказуемого выражается инфинитивом, а грамматические и, частично, смысловые значения переданы вспомогательным глаголом – в случаях употребления глаголов, указывающих на эмоциональное отношение к действию, его обычность, умение выполнять действие или готовность к последнему, а также обозначающих интеллектуальную деятельность: *А кошка проснулась / И выгнула спину, / И **пробовать** стала лесную малину* [15, с. 27]. – ср. *Филимон **попробовал вздохнуть** и не смог* [8, с. 10].

При изучении составного именного сказуемого целесообразно остановиться, во-первых, на его структурной особенности – наличии связочного глагола и, во-вторых, на способах выражения именной части. Следует акцентировать внимание аудитории на том, что именное сказуемое всегда является составным, поскольку имена не могут выражать категорию времени, хотя некоторые лингвисты говорят о наличии в русском языке простого именного сказуемого с конца 15-го столетия [26, с. 298]. Система заданий строится на сопоставлении сказуемых и определений, а также сказуемых, чья именная часть выражена, прежде всего, существительным или полным прилагательным в именительном / творительном падежах, а также в формах степеней сравнения или краткой форме, а в качестве связочных используются, кроме **быть, стать, делаться, казаться, становиться**, глаголы движения, состояния или его изменения, положения в пространстве, а также глагольные формы со значением сходства (**походить, напоминать**): *В кресле с высоченной спинкой Алексей Алексеевич **делался ещё меньше и незначительней*** [14, с. 142]; *Домой я **явился в нормальном виде*** [14, с. 18]; *Плотные заросли елей **походили на материки и острова*** [25, с. 110]; *Мой шалаш больше **напоминал собачью конуру**, чем человеческое жильё* [5, с. 16]. Предлагается задание на изменение места атрибутивной формы в словосочетании со связью согласование с целью показа

изменения синтаксической роли полной атрибутивной формы, её трансформации в предикативную форму: *солнечное утро* → *Утро солнечное*. → *Утро стояло солнечное*.

При работе над усвоением второстепенных членов предложения необходимо остановиться на способах различения подлежащего и дополнения в случае выражения обоих омонимичными формами типа *Платье задело весло*; на синтаксических функциях инфинитива и формах выражения согласованного и несогласованного определения; отдельного рассмотрения требует вопрос об обособлении членов предложения.

Для выработки навыка различения дополнения и подлежащего можно использовать задания на составление словосочетаний с объектным значением зависимого компонента, на исправление ошибок в употреблении предлогов и постановку зависимой от глагола или отглагольного существительного формы в нужном падеже и под. Для выяснения синтаксической роли омонимичных форм существительных следует руководствоваться порядком слов, в соответствии с чем объектная зависимая форма стоит после распространяемого слова, хотя в речи возможна препозиция и постпозиция дополнения по отношению к подчиняющему слову, что определяется коммуникативной нагрузкой дополнения [1, с. 146]. Объектная семантика может быть присуща инфинитиву глагола при условии обозначения данной формой действия лица – партнера говорящего: *Это чья же теплота, / Чья такая доброта / Заставляет улыбаться / Зайца, курицу, коша?* [15, с. 24].

При изучении определения целесообразно подробное рассмотрение его структурно-семантических типов – согласованного, несогласованного и приложения. Анализ семантики атрибутивных форм производится на базе словосочетаний со связью согласования и управления, причем преподаватель обращает внимание на смысловые оттенки, возникающие в процессе преобразования согласуемой формы в управляемую, при этом управляемая форма представляет собой член предложения со смешанным значением: см., например, *мусорный бак* → *бак для мусора / под мусор* (какой? Для чего? Для какой цели?); *цветочный горшок* → *горшок для цветов / под цветы / с цветами* (какой? Для чего? Для какой цели? С чем?). В подобных образованиях «совмещаются категориальные значения разных членов предложения, имеющих в своей основе общие грамматические значения частей речи» [2, с. 264].

Поскольку ошибки в квалификации той или иной словоформы как определения или дополнения часты, предлагается воспользоваться следующим приёмом разграничения: при возможности постановки вопросов обоим членам необходимо обратить внимание на возможность замены несогласованного определения согласованным с тем же значением

– если подобная замена невозможна, то речь идет о дополнении. Студентам предлагаются следующие виды заданий: установить синтаксическую роль предложно-падежных форм существительных в приводимом материале; выявить черты сходства и различия между согласованными и несогласованными определениями.

Анализ определения-приложения проходит с опорой на качественно-оценочную функцию последнего по отношению к определяемому слову и видовую семантику определения по отношению к родовой семантике определяемого слова, а также на характер имени собственного и его роль в обозначении предмета наряду с именем нарицательным. Предлагаемое задание направлено на определение в тексте синтаксической роли имен собственных; другие задания предполагают нахождение приложения в составе предложения, определение его структурных и смысловых особенностей (другое наименование предмета, обозначение лица, выражение оценочного значения, характеристика лица или предмета по определенному признаку и др.), а также выяснение условий обособления приложения, например: *Грацияно протягивает ручку Тургеневу очаровательная Смирнова-Россет, по прозвищу «Донна Соль» – большая приятельница Пушкина* [10, с. 385]; *Наконец, уже упоминавшийся листовничный трутовик, или листовничная губка, издревле применялся в России как лекарственное средство против туберкулёза и кровоостанавливающее средство* [7, с. 160].

При изучении обстоятельства и способов его выражения основное внимание уделяется его семантическим типам, а также синонимии обстоятельств-деепричастных оборотов (деепричастий) и предложно-падежных именных форм. В связи с этим предлагается следующее задание: заменить обстоятельство конкретного семантического типа, выраженное предложно-падежной формой имени, обстоятельством-деепричастием (деепричастным оборотом), например: *При падении с каменного уступа вода бурлила.* → *Падая с каменного уступа, вода бурлила* [21, с. 259]. Другой вид заданий предполагает замену обстоятельства-деепричастного оборота обстоятельством-предложно-падежной формой: *Посетив Чимкент, Ташкент, Ходжент, казак-исследователь прибыл в Коканд – столицу одноименного ханства* [12, с. 226]. → *После посещения Чимкента, Ташкента, Ходжента казак-исследователь прибыл в Коканд...*

С целью выработки навыка правописания наречий и предложно-падежных именных форм, а затем различения обстоятельств-наречий и предложно-падежных форм имени в роли обстоятельства или дополнения предлагаются следующие задания: 1) разграничить наречия и именные части речи на следующих и подобных примерах: *Сначала подумай – потом ответь.* – ср.: *С начала июня установилась жара*; 2) записать

сочетания слов в две группы: в первую сочетания с существительными с предлогом, во вторую сочетания с наречиями: *ввысь подняться – в высь небесную взлететь; век не забыть друга – в век технизации* [6, с. 46]; 3) выписать из данных сочетаний только словосочетания с наречиями, например: *идти (в) глубь леса; что-то виднеется (в)дали и под.* [20, с. 164]; 4) произвести синтаксический разбор предложений со слитно- или дефиснооформленными наречиями-обстоятельствами и построить предложения со сходными формами существительных с предлогами в разных синтаксических ролях.

Таким образом, изучение системы членов предложения в вузовской практике преподавания синтаксиса должно проходить с опорой на семантику члена предложения, его морфологическое выражение, а также с учетом явлений грамматической синонимии уровня простого и простого осложненного предложения.

Литература

1. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1989. 159 с.
2. Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка: монография / В.В. Бабайцева. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 576 с.
3. Бундур О.С. В гостях у белого медведя. СПб.: ООО «Детское время», 2015. 128 с.
4. Бундур О.С. У нас на Крайнем Севере. М.: ООО «Мой учебник», 2013. 128 с.
5. Внуков Н.А. Один: Повесть. Л.: Дет. лит., 1985. 127 с.
6. Войлова К.А. и др. Сборник диктантов для поступающих в вузы: учеб. пособие по рус. языку / К.А. Войлова, В.В. Паршина, В.В. Тихонова. М.: Высш. шк., 1990. 287 с.
7. Грибы в лесу, на столе, в аптечке. Справочник-определитель. М.: Эксмо, 2006. 192 с.
8. Дворкин И.Л. Взгляни на небо: Повесть. Л.: Дет. лит., 1985. 127 с.
9. Дроздов Н.Н., Макеев А.К. Тайны живой природы. М.: Вече, 2007. 272 с.
10. Кузнецова А.А. Под бурями судьбы жестокой... Трилогия. М.: Дет. лит., 1987. 415 с.
11. Лабораторные работы по русскому языку: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.» / А.А. Камынина, К.И. Мишина, Л.В. Николенко и др.; Под ред. Л.Ю. Максимова. М.: Просвещение, 1989. 160 с.
12. Марков С.М. Вечные следы. М.: Молодая гвардия, 1973. 496 с.

13. Мелентьев В.Г. Варшавка: Роман. М.: Современник, 1984. 318 с.
14. Минчковский А.М. Повести о моём Ленинграде: Повести. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1987. 456 с.
15. Мориц Ю.П. Большой секрет для маленькой компании. М.: Малыш, 1987. 240 с.
16. Носов Е.И. В чистом поле... . М.: Известия, 1980. 624 с.
17. Окуджава Б.Ш. Свидание с Бонапартом; Частная жизнь Александра Сергеевича; Стихотворения. М.: Эксмо, 2010. 768 с.
18. Поливин Н.Г. Корабельная сторона. Роман. М.: Московский рабочий, 1976. 416 с.
19. Раскина Л.П. Былое и думы собаки Диты. М.: Розовый жираф, 2014. 264 с.
20. Русский язык и культура речи: учебное пособие / О.Я. Гойхман, Л.М. Гончарова, О.Н. Лапшина и др. / Под ред. проф. О.Я. Гойхмана. М.: ИНФРА-М, 2002. 192 с.
21. Сахарнов С.В. Белые киты. Л.: Лениздат, 1978. 415 с.
22. Сахарнов С.В. Витраж: Повести и рассказы. Л.: Сов. писатель, 1986. 280 с.
23. Сахарнов С.В. Лошадь над городом: Романы приключений. Л.: Сов. писатель, 1990. 416 с.
24. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков и др.; под ред. С.В. Вяткиной / Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 432 с.
25. Сотник Ю.В. Рассказы. М.: Гос. изд-во дет. лит. Министерства Просвещения РСФСР, 1958. 286 с.
26. Тарланов З.К. Простое именное сказуемое как сигнал новой стадии в синтаксическом развитии языка // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки / Отв. редакторы С.В. Вяткина, Д.В. Руднев. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 295-299.

УДК 811.161

Якушкина Зинаида Никитична
Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева
zinaalevtinina@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящается одному из актуальных объектов обучения языку – тексту как наиболее эффективному средству коммуникации и развития речевых умений обучающихся. Отмечается роль лингвокультурологического и функционального подходов к обучению языку. Используется метод концептуального анализа и другие способы работы с текстом.

Ключевые слова: текст, текстоориентированное обучение, текстообразующие средства, творческие упражнения, функциональный подход.

Еще со времен Ф.И. Буслаева в методике обучения языку закрепилась тенденция изучения языковых явлений с широким использованием литературных произведений. В XX веке текстоориентированное обучение привлекло заметное внимание языковедов и методистов. В настоящее время лингвисты и методисты подчеркивают важность функционального аспекта содержания курса русского языка в вузе и школе, при котором лингвистические единицы рассматриваются в плане их взаимной связи, текстообразующей специфики и контекстуальной обусловленности [1, с. 431-432]. При функциональном подходе учитывают изучение морфологии на синтаксической основе и частей речи на текстовой основе. Также при обучении и воспитании обучающейся молодёжи актуален аксиологический подход, заключающийся в «утверждении приоритета общечеловеческих ценностей и гуманистических начал в культурной среде» [3, с. 4]. Эти общечеловеческие ценности фиксируются при акцентировании внимания обучающихся на текстах, содержащих в себе гуманистическое начало. Чтобы развитие культурно-языковой компетенции студентов-филологов было более результативным, в вузовском преподавании активно используются возможности лингвокультурологического подхода, позволяющего вооружить учащихся знаниями в области современной лингвистической теории, улучшить усвоение ими русской и других концептосфер, развить умение дешифровать и интерпретировать то культурное содержание, которое несут ключевые концепты.

Для организации эффективной работы по анализу содержания текста необходимо, чтобы он включал в себя информацию, воздействующую на эмоции, чувства обучаемых, «что способствует формированию и развитию их культурного уровня» [2, с. 101]. Как

считает Н. В. Кривошапова, творческая деятельность на основе текста способствует интеллектуальному развитию. Проанализированный ею текст стихотворения В. А. Гурковского «Стреляли в Пушкина опять» обладает большим воспитательным потенциалом. На филологическом факультете Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, где установлен бюст А. С. Пушкина, под которым проходят самые значимые мероприятия, где оформлено «Лукоморье» – место раздумий студентов – обязательно найдут отклик слова из этого стихотворения, выражающего боль души автора, возмущенного выстрелом в памятник А. С. Пушкина:

*<...> Один сидел спокойно в сквере,
На перекрестке улиц двух.
Смотрел, глазам своим не веря,
На то, что делалось вокруг.
Другой по городу мотался,
Не знал, куда себя девать.
Губил подряд, за что ни брался
И все искал, в кого стрелять.
Нашел кого! Скульптурный Пушкин,
Конечно, дать не мог отпор.
Не знал поэт, что мир нарушен.
Не ждал он очередь в упор.
И стаю пуль сквозь грудь воронкой
Без боли пропустил, скорбя:
«В кого стреляете, потомки?
Ведь вы стреляете – в себя!» <...> [2, с. 100]*

Представляется, что при обучении русскому языку в поликультурной среде найдет отклик следующий рассказ [5, с. 77-78], написанный русским писателем, но описывающий реалии чувашского быта, связанные с приготовлением одного из самых известных среди других народов пищевых продуктов, и воздействующий на эмоции читателей своей неожиданной концовкой:

*Она встала сегодня рано. **Очень рано.** Не включая света, сунула босые ноги в валенки и, с трудом разогнув поясницу, повязанную толстым пуховым платком, прошла к рукомойнику. В избе было холодно. Воду в открытом цинковом ведре подёрнуло тонким ледком. Старым ковшом с отбитой эмалью зачерпнула воды вместе с крошевом льдинок и поставила ковш на плитку. Нашарив в темноте вилку от плитки, сунула её в розетку. Часть открытой спирали, не прикрытая ковшом, быстро заалела. Потянуло лёгким дымком, значит, опять что-то приклеилось ко дну ковша. Присела на старый скрипящий табурет. Сегодня день будет длинным и полным забот. Сегодня она будет печь ширтан. **Сыну.** Ещё*

вчера старый Алений, сосед, принёс ей телячий рубец – большой ширтан получится, крупнее, чем из бараньего желудка. Включила свет. Согретой водой ополоснула лицо. В зеркале с отколотым уголком увидала своё отражение – редким гребнем причесала такие же редкие седые волосы.

Печь за ночь простыла, видать, поздновато вьюшку прикрыла, да что уж теперь...

Дрова на утро она ещё с вечера принесла, сухие; специально не из поленицы брала – из сарая. Ширтан долго запекаться должен, часов шесть, а то и восемь, да ещё хлеб испечь, вон опара-то полотенечко как над кастрюлю подняла – так что дров сегодня много надо. Ширтан – дело хлопотное: рубец хорошо промыть надо, почистить, мясо, что на фарш, мелко да ровненько порезать, печь протопить до ровного жара...

Запалила лучину мелкую, сухонькую. Пламя быстро занялось. Подождала, пока огонь в печи в силу войдёт, дров подложила. Потихоньку тепло по избе разливаться начало. Хорошо.

Баранины хорошей не нашлось нынче. Сын-то ширтан всё больше из баранины любит. Из говядины да постной свинины тоже хорошо, она в фарш побольше мелко нарезанного чесночка положит да перчика чёрного молотого – духмяный ширтан получится. Не обидится сынок-то на мамку. За окном потихоньку небо розоветь начало. Рассвет силу набирал. Поспешать надо. В ровно гудящую печь ещё дров подкинула. Ширтан огня не любит – ширтан жар от угольев любит. Прогорят дрова, тогда и ширтану время в печь.

Сухонькими, ещё и не старыми вовсе, руками набила рубец сочным, хорошо промешанным фаршем. Чесночный дух поплыл по избе. Открытый конец желудка перетянула накрепко отрезком шпатага. Красивый круглый ширтан. Почитай, как большой детский шар получился. Аккуратно, вязальной спицею, проколола его в нескольких местах – пусть воздух уйдёт, да и жиру вытекает куда-то надо. Положила ширтан на сковороду без ручки – теперь в печь.

Пока ширтан сверху подрумянивался да беловатым жирком в проколах пузырился, она хлеба в печь поставила. Хлеб – не ширтан, печётся быстро. Двух раз ширтан ещё не перевернула, а хлеба-то выпеклись. Отломил корочку от свежего каравая, макнула её в жир, что от ширтана в сковороде – пожевала – нет, не пересолила, вкус нежный, пряный. В радость сыну ширтан будет.

За окном незаметно стемнело – вечер. День-то как быстро в хлопотах пролетел. Ладно всё успела – ширтан красивый, поджаристый. За день-то в печи, считай, в два раза уменьшился – а всё одно большой да ладный получился. Завтра она с утра к сыну пойдёт. **Как все последние девятнадцать лет ходит. К сыну, на дальнее**

кладбище, туда, где на красновато-сером граните портрет его и надпись «...при выполнении интернационального долга...».

При работе с этим текстом можно предусмотреть задания, помогающие осуществить функциональный и концептуальный подход:

- прочитайте рассказ Андрея Растворцева «Ширтан»;
- выделите лингвокультурный концепт, акцентирующий **ценностный** элемент;
- назовите безэквивалентные языковые единицы, т.е. обозначения специфических для данной культуры явлений;
- подумайте, как связаны приготовление хлеба и ширтана, не является ли архетип хлеба как символа жизни, благополучия, материального достатка также представлением о хлебе как о ритуальном предмете, способном оказать влияние на различные стороны жизни человека;
- помня о том, что эталоном может быть любое представление о соизмерении мира относительно человека, содержащее в себе в скрытом виде предписания о нужном поведении, подумайте, какой можно выделить эталон, отражающий национальное мировидение и национальное миропонимание чувашей;
- назовите использованное автором рассказа синтаксическое средство, состоящее в отсутствии подлежащего в 17 двусоставных предложениях; можно ли назвать его основным текстообразующим средством этого рассказа?
- объясните, почему выделены в отдельные предложения отмеченные жирным шрифтом части текста. Как называется такая сегментация текста?

Думается, что, отвечая на эти вопросы, студенты отметят ключевые концепты прочитанного текста, такие как **мать, сын, долг** (сыновний, материнский, интернациональный). Интернациональный долг подводит к имплицитному концепту **родина**, которую надо защищать ее сыновьям.

При анализе следующего текста – рассказа Н. Павловой «Убедительная просьба» [4] – можно продолжить работу над концептами **мать, сын, одиночество, дом, мужчина** и проследить текстообразующие средства, такие как неполнота предложений (отсутствие подлежащего), видовременные формы глаголов, местоименные замены, лексические повторы и др.

Проводила мама сына на учёбу в семинарию. Молится о нём, любит, тоскует и говорит о своём одиночестве так: – Сегодня зашла в комнату сына, а разбросанных вещей там уже нет. Помолчала и снова вздохнула: – Как же грустно, когда в доме идеальный порядок. Стоим мы с этой мамой на остановке, ждём маршрутку. А рядом две женщины

говорят о своих домашних: – За мужиками – сплошная уборка! Вот, мой балбес: шестнадцать лет парню – а до сих пор бросает свои вещи, где ни попадя. – Мой муж ещё хуже. Так расшвыряет свои носки, что потом их вместе не соберёшь. – Убедительная просьба, – обратилась к ним мама семинариста, – не ругайте своих сыновей и мужей. Хуже, поверьте, тот идеальный порядок, когда вещи разбрасывать некому.

Таким образом, подобный диалог текстов может стать компонентом для ценностного освоения отечественного культурного пространства, воспитания личностных нравственных качеств обучающихся. Результатом учебных аналитических действий с текстами может быть творческая работа по созданию собственных текстов: сочинений, эссе в жанре рассуждения.

Литература

1. Воителева Т.М. Наблюдение над текстообразующей функцией языковых средств в процессе изучения лексики и фразеологии // Актуальные вопросы методики преподавания русского языка и русского языка как иностранного: коллективная монография. М.: Издательство «Спутник+», 2016. 715 с.
2. Кривошапова Н.В. Традиционные и новые подходы к изучению текста // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2019. №3(103). С. 323-103.
3. Липский И.А. Основные парадигмы воспитания / И.А. Липский // Педагогическое образование и наука. 2009. №5. С. 4-10.
4. Павлова Н. Убедительная просьба. URL: Православие.Ру.
5. Растворцев А. Тринадцатое полнолуние: рассказы. Чебоксары: Чуваш. кн. из-во, 2016. 383 с.

СЕКЦИЯ IV
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ В РОССИИ
И ЗА РУБЕЖОМ

УДК 800:81'13

Асташова Алёна Андреевна
Давлетшина Кристина Юрьева

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
astashova_89@mail.ru; milana_kris_1991@mail.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ВОЕННОГО
ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ТЮМЕНСКОГО ВЫСШЕГО ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОГО
КОМАНДНОГО УЧИЛИЩА ИМ. МАРШАЛА ИНЖЕНЕРНЫХ
ВОЙСК А.И. ПРОШЛЯКОВА)

В статье рассматривается роль русского языка в межкультурной среде военного вуза. Русский является языком межкультурного общения во всем мире, и в закрытых условиях военного вуза статус русского языка значительно повышается, поскольку военные не только общаются на русском языке с людьми из разных стран, но и обучаются на нем. Таким образом, необходимо постоянно поддерживать интерес иностранцев к русскому языку и русской культуре.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный, язык межнационального общения, военный вуз.

Современное российское общество характеризуется открытостью национальных границ, свободой общения людей из разных социокультурных слоев и разных стран. Это определяет статус русского в обществе, и русского языка как языка межкультурной коммуникации. На специальном факультете Тюменского высшего военно-инженерного командного училища (далее – ТВВИКУ) обучаются курсанты из разных стран ближнего и дальнего зарубежья. Этнокультурная мозаика представлена такими странами как Армения, Южная Осетия, Абхазия, Таджикистан Туркменистан, Казахстан, Беларусь, Афганистан, Йемен, Палестина, Бенин, Конго, Мали, Мозамбик, Нигер, Эфиопия, Лаос, Камбоджа, Венесуэла, Свазиленд и другими. Единство представителей разных национальностей складывается с помощью русского языка, который является в данном случае средством межкультурного посредничества.

Богатство русского языка и созданной на нем литературы вызывает интерес к нему во всем мире. Его изучают не только студенты, школьники, но и взрослые люди. В условиях военного вуза не только общение курсантов из разных стран, но и обучение их по специальности осуществляется на русском языке. Это обязывает преподавателей-русистов поддерживать у курсантов интерес к русскому языку и культуре, а также активно расширять профессиональный и общезыковой словарный запас будущих военных.

Русский язык – один из замечательных языков мира по разнообразию грамматических форм и по богатству словаря. Многие произведения русской классической литературы знакомы жителям большинства стран мира, творчество многих поэтов и писателей изучается в ведущих вузах Йемена, Палестины, Ливана, Туниса и др. Именно поэтому на занятиях по русскому языку как иностранному мы уделяем большое внимание знакомству с произведениями русских писателей, ведь задача преподавателя состоит не только в том, чтобы научить курсантов русскому языку, но и сформировать общекультурные их компетенции, расширить кругозор учащихся и усовершенствовать навыки общения на русском языке. Один и тот же материал курсанты воспринимают на слух, самостоятельно читают, записывают, работают с лексикой, учат тексты, воспроизводят их в устной речи. Комплексный подход к изучению русской поэзии позволяет преподавателю увидеть результаты своих трудов в будущем, когда по прошествии определенного времени обучающиеся могут прочесть наизусть произведения русских классиков без опоры на текст. Такой вид работы позволит курсантам училища не только познакомиться с русской культурой, но и разнообразить монотонность прорабатываемой на занятиях работы.

Стихотворный материал, используемый на занятиях по русскому языку как иностранному (далее – РКИ), не ограничивается произведениями русской классической литературы. Так, например, курсанты с удовольствием читают стихотворение Семёна Данилова «Мой русский язык».

Щедрое народное наследство –
Я люблю красивый наш язык.
На якутском говорю я с детства,
Словно к матери, к нему привык.
Но порой, друзья мои, бывает,
В час, когда сажу с пером в руке,
Новых слов для мыслей не хватает
Мне в моем не бедном языке.
Жизнь идёт, словарь опережая,

(Сколько новых дел, событий, чувств!),
Мысль свою на русском выражая,
Я у русских многому учусь [3].

Часто название языка обучающихся заменяют на название своего родного языка, например: «...на армянском говорю я с детства...». Это в какой-то мере поддерживает их связь со своей Родиной, так они отдают дань уважения и русскому, и родному языку.

Особую трудность для иностранцев представляет грамматика русского языка. Усвоение того или иного грамматического материала напрямую зависит от иллюстрируемого материала, его содержательностью и запоминаемостью. Таким материалом могут служить пословицы и поговорки, отличающиеся образностью и лаконичностью. С одной стороны, они отражают историю народа изучаемого языка, его моральные устои, культуру и мышление. С другой стороны, во многих языках есть близкие по смыслу пословицы и поговорки, что объясняется общностью морально-этических норм и представлений разных народов. Ежегодно военнослужащие из разных стран готовят доклады на конференции, посвященные вопросам изучения русских пословиц и поговорок их родного языка в сопоставительном ключе, при этом выбирается различная тематика фразеологических единиц: семья, работа, учеба и др. Пословицы служат универсальными жизненными ориентирами для человека. В них находит отражение широкий круг тем. Пословицы, являющиеся одним из видов устного народного творчества, заключают в себе мудрость народа, создавшего их. Они помогают лучше понять национальный характер людей, их интересы, традиции. Изучение этого вида устного народного творчества позволяет глубже понять специфику и взаимосвязь различных культур [4].

В процессе обучения преподаватели также знакомят курсантов с различными культурными и религиозными традициями и праздниками. Например, преподаватели рассказывают обучающимся про такой светлый праздник, как Пасха. Курсанты пробуют куличи и пасхальные яйца. Нельзя не сказать про то, что ежегодно на территории института отмечают День родного языка. В этот день обучающиеся приходят в своих национальных костюмах, готовят доклады о своей религии, показывают презентации о своей стране, читают стихотворения на своем родном языке. Так, проявляя интерес и уважение к культуре и языку другого народа, преподаватели русского языка как иностранного могут ждать ответного отклика на интерес к русскому языку. Ежегодно в городе Тюмени проводится Международный фестиваль дружбы народов «Поколение без границ», в котором участвуют иностранные военнослужащие ТВВИКУ. В рамках данного фестиваля участники

знакомятся с культурой и религией других народов: готовят национальные блюда, угощают друг друга национальной выпечкой, учатся писать иероглифы, постигают технику владения шашкой. Ребята получают огромное количество положительных эмоций и находят новых друзей из разных стран. Конечно, в рамках данного фестиваля общение проходит на русском языке, так как именно он способен объединить всех участников.

Особый статус имеет русский язык для представителей стран бывшего СССР. Представители стран Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в отличие от военнослужащих из стран дальнего зарубежья, не обучаются на подготовительном курсе для освоения русского языка, а сразу начинают изучать военное дело и овладевать языком специальности. Стоит отметить тот факт, что уровень владения русским языком не одинаков у представителей разных стран. Так, например, курсанты из Армении, Кыргызстана и Казахстана показывают более высокий уровень знания русского языка, чем представители других бывших советских республик. Поэтому задачей преподавателя становится не обучение русскому языку как таковому, а корректировка уже имеющихся знаний, умений и навыков. Однако, употребление в речи небольшого количества лексических или грамматических ошибок не мешает военнослужащим общаться и понимать друг друга вне стен училища. Проживая здесь, в России, курсанты ТВВИКУ в большей степени используют в своей речи русский язык, так как он, выступая в качестве языка-посредника, объединяет всех иностранных курсантов и помогает учиться, дружить, общаться и знакомиться не только с новыми людьми, но и с культурами народов, населяющих нашу Землю. Благодаря этому замечательному языку обучающиеся не только получают знания о военном деле, но и познают мир в целом, общаясь на русском языке с друзьями из разных стран.

Литература

1. Агаев А.Г. Социалистическая национальная культура. М., 1974. С. 34.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1990.
3. Данилов С.П. Голоса земли: стихи / пер. с якут. И. Фoniaкова. М.: Правда, 1977. 31 с.
4. Королев Н.С. Общие черты в народном искусстве. М., 1990. 126 с.
5. Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1991. С. 42.

РОЛЬ ИГРЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ РУССКОЙ РЕЧИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматриваются вопросы эффективности использования игровых заданий в обучении русскому языку как иностранному на начальном этапе.

Ключевые слова: игра, начальный этап, фонетическая игра, грамматическая игра, орфографическая игра, лексическая игра, коммуникативная игра.

На уроках русского языка как иностранного особое место занимают формы занятий, которые обеспечивают активное участие каждого учащегося, делают процесс обучения более плодотворным, увеличивают объем речевой деятельности. Данные задачи можно решить с помощью игровых заданий.

По определению Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина, игра – это «форма деятельности в условных ситуациях, специально создаваемых с целью закрепления и активизации учебного материала в различных ситуациях общения» [2, с. 74].

В методике преподавания русского языка как иностранного функция игры на уроках четко определена задачами, которые напрямую зависят от поставленных преподавателем целей.

Л.С. Крючкова выделяет ключевые функции игровых заданий:

- обучающая функция (развитие общеучебных умений и навыков: внимания, памяти, восприятие информации);
- развлекательная функция (создание благоприятной атмосферы на занятиях, «игра превращает урок из скучного мероприятия в увлекательное приключение» [5, с. 70]);
- коммуникативная функция (объединение учащихся, установление эмоциональных контактов);
- релаксационная функция (снятие эмоционального напряжения у учащихся);
- психотехническая функция («перестройка психики для усвоения больших объемов информации» [5, с. 70]).

Большинство методистов и преподавателей РКИ сходятся в едином мнении, чтобы игра прошла успешно, необходимо соблюдать некоторые

условия и хорошо подготовить игру:

1. Выбор игровых заданий должен быть обусловлен темой, целью и задачами обучения.

2. Игра должна соответствовать уровню языковой компетенции.

3. Правила игры должны быть понятны всем учащимся.

4. Игра не должна навязываться, необходимо учитывать национальные особенности учащихся.

5. Игра должна активизировать познавательную деятельность учащихся.

6. Игра не должна занимать много времени на занятии.

7. Игра должна сочетаться с другими видами учебной деятельности.

Одной из характерных особенностей начального курса обучения русскому языку как иностранному является трудность освоения и усвоения звуковой стороны изучаемого языка.

«Внимание учащихся направлено на правильное произношение изучаемых звуков в слогах, словах, на их различение в потоке речи» [6, с. 5]. Основной задачей преподавателя на этом этапе является развитие и автоматизация слухо–произносительных и ритмико–артикуляционных навыков, «воспитание фонетического слуха обучаемых» [6, с. 5].

И. С. Милованова в книге «Фонетические игры и упражнения» рекомендует использовать игры:

Отгадай звук! Преподаватель беззвучно произносит гласный звук, а учащиеся следят за его артикуляцией и отгадывают звук.

Слушай и смотри – быстро говори. Преподаватель показывает группе карточку с согласной буквой и называет гласную, они должны хором произнести полученный слог.

Рассыпанные буквы. Преподаватель записывает буквы на доске, учащиеся составляют слова.

Отгадай слово. Учащиеся должны соединить слоги, которые записаны преподавателем на доске, так, чтобы получились слова и прочитать их.

А ну-ка, сосчитай! Преподаватель читает стихотворение, а учащиеся подсчитывают количество слов с изучаемым звуком.

Кто быстрее? Проводится соревнование между учащимися на правильное и быстрое чтение скороговорок.

Отгадай ребус.

Давайте поговорим! Чтение диалогов-шуток, сказок, стихотворений.

А ну-ка, отгадай! Учащиеся загадывают друг другу загадки.

Фонетическая зарядка. «В основе методики проведения фонетической зарядки лежит принцип от простого к сложному: от

сопоставительного чтения слогов и слов – к чтению словосочетаний, скороговорок, пословиц» [6, с. 9].

А. С. Шкаликова предлагает в качестве фонетической разминки использовать пение. «Пение на уроках позволяет включить в активную познавательную деятельность учащихся, создает предпосылки для коллективной работы в атмосфере положительных эмоций» [8, с. 94].

Другие авторы предлагают использовать такую игру как «Фонетическое лото». Преподаватель готовит жетоны со слогами и игровые поля, похожие на карточки для игры в классическое лото. Каждое игровое поле должно содержать предлагаемые для отработки слоги. Преподаватель достает по одному жетону и зачитывает слоги, или учащиеся сами читают и закрывают клетки на игровом поле. Выигрывает тот, кто первым закрыл все игровое поле [3].

Целью грамматических игр является создание естественной ситуации для употребления «данного речевого образца» [4, с. 140], для этих игр можно использовать картинки с различными ситуациями (например, поход в поликлинику; прием гостей; экскурсия в музей и т. д.). На таких примерах можно тренировать видовременную глагольную систему; отрабатывать глаголы движения; предложно-падежную систему русского языка.

Исходя из цели орфографических игр «формирование навыков сочетания букв в слове» [8, с. 95], в качестве примера многие авторы предлагают игру «Буквы потерялись». Преподаватель пишет на листе бумаги слова, затем разрезает их на буквы и перемешивает. Выигрывает та команда, которая первой правильно назовет слова и запишет их на доске.

Для тренировки лексики можно использовать следующие игры: «Снежный ком», «Угадай слово» (диапазон загадываемых слов можно ограничить лексической темой или лексическим минимумом по изучаемой теме, например, «Семья», «Город», «Профессия»).

Е.В. Нечаева предлагает провести «Утреннюю зарядку», чтобы не только взбодрить учащихся в начале занятия, но и расширить лексический запас, «активизировать пассивную лексику» [7, с. 22].

Для данной игры необходимо подготовить списки синонимов или антонимов. Слов в списке должно быть столько, чтобы на одного учащегося приходилось 3–4 слова. Зарядка не должна занимать более 10 минут. Преподаватель читает слова из списка, а учащиеся должны по очереди называть их синонимы (антонимы). Например, да – нет, хорошо – плохо, много – мало.

В коммуникативных играх можно использовать анкетирование. Например, на последних уроках, чтобы узнать о впечатлениях учащихся, полученных от проживания в нашей стране или в конкретном городе.

Закончите предложения. Расскажите, как вы чувствуете себя в Иркутске.

1. *Мое первое впечатление от города Иркутска – это...*
2. *Когда я впервые приехал в Иркутск, мне показалось странным, что...*
3. *В общем, иркутяне...*
4. *По сравнению с моим родным городом Иркутск...*
5. *Я обязательно посоветую своим друзьям посмотреть в Иркутске...*
6. *Если бы я знал заранее, я бы взял с собой в Иркутск...*
7. *Самое трудное для иностранцев в Иркутске – это...*
8. *Если бы я был мэром города Иркутска, то я бы...*

«Немое кино». Учащиеся смотрят маленький отрывок фильма (мультфильма), желательно, чтобы это были диалоги, смотрят без звука. Преподаватель после просмотра фрагмента предлагает учащимся озвучить его. Они могут работать в парах или группах, затем читают по ролям свои варианты, только после этого преподаватель включает оригинал фильма (мультфильма).

Игра «От А до Я». Учащиеся получают лист с вертикально напечатанным на нем алфавитом. Задача данной игры – написать предложения, начинающиеся с данных букв. Но это должны быть не отдельные предложения, а связный текст с сюжетом.

Л. Е. Азарина считает коммуникативные игры «кульминационной деятельностью в обучении языку», именно в этих играх учащиеся максимально используют полученные знания [1, с. 109].

Таким образом, игровые задания способствуют повышению заинтересованности учащихся и, как следствие, улучшению качества образования в целом.

Лингвистами, методистами, преподавателями РКИ доказано, что игра имеет большой потенциал и может претендовать на значимое место в системе языковых занятий на уроках русского языка как иностранного.

Литература

1. Азарина Л.Е. Игры на уроках РКИ // Вестник ЦМО МГУ. Практикум. Центр международного образования МГУ им. М.В. Ломоносова. 2009. №3. С. 102-109.
2. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: ИКАР, 2009. 448 с.
3. Власова Н.А. 7 фонетических игр и упражнений на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному. URL: <https://www.eduneo.ru/7-foneticheskix-igr-i-uprazhnenij-na-nachalnom-etape->

obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu/. (дата обращения: 24.10.2019).

4. Коньшева А.В. Современные методы обучения английскому языку. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 176 с.

5. Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие для начинающего преподавателя, для студентов-филологов и лингвистов, специализирующихся по РКИ / Л.С. Крючкова, Н.В. Мошинская. М.: Русский язык. Курсы, 2009. 480 с.

6. Милованова И.С. Фонетические игры и упражнения. Русский язык как иностранный / И.С. Милованова. М.: ИКАР, 2017. 244 с.

7. Нечаева Е.В. Фенечки: метод. пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е.В. Нечаева. СПб.: Златоуст, 2017. 112 с.

8. Шкаликова А.С. Учебно-речевые игры на занятиях по РКИ как средство активизации речевой деятельности студентов на начальном этапе обучения (китайская аудитория) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: язык и специальность, 2011, №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/uchebno-rechevye-igry-na-zanyatiyah-po-rki-kak-sredstvo-aktivizatsii-rechevoy-deyatelnosti-studentov-na-nachalno-m-etape-obucheniya> (дата обращения: 15.11.2019).

УДК 81

Иргалина Земфира Гамировна

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
sunny.irgalina@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО АСПЕКТА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье анализируется термин «лингвострановедение», обосновывается актуальность лингвострановедческого аспекта в обучении русскому языку как иностранному. Освещается проблема недостаточного владения студентами страноведческим материалом при изучении иностранного языка.

Ключевые слова: лингвострановедение, русский язык как иностранный, межкультурная коммуникация, социокультурная компетенция.

Русский язык является основным инструментом коммуникации в поликультурном обществе. После распада СССР русский язык остается государственным языком в Белоруссии, Южной Осетии,

Приднестровской Молдавской Республике. На государственном уровне официальным языком русский является в Казахстане, Киргизии, Абхазии; на региональном уровне – в Молдавии, Румынии, на Украине. С некоторыми ограничениями русский выполняет официальные функции в Таджикистане, при этом, согласно Конституции, русский язык является языком межнационального общения в стране.

Возрастает интерес к изучению русского языка и в Европе: на данный момент им владеет около 6% населения Европы, что составляет приблизительно 30 миллионов человек, и делает русский язык одним из самых распространенных в регионе [1]. Например, в Швейцарии в качестве второго иностранного русский язык выбирают более двух тысяч человек, а программы по русскому языку представлены в 45 гимназиях и 7 университетах страны [2]. Можно отметить, что на сегодняшний день возрастает потребность в изучении русского языка не только носителями языка, но и теми, кто изучает русский язык как иностранный.

Язык – это отражение культуры и истории государства. Участники конкретной национально-культурной, а также языковой общности стимулируют развитие языка, обуславливают наличие в нем динамических процессов. Чтобы облегчить процесс изучения РКИ, необходимо провести небольшую экскурсию по миру традиций и обычаев, познакомить с жизнью и культурой того народа, язык которого предстоит изучить. При постижении самобытности данного этноса открываются мельчайшие подробности языковой действительности. Ведь язык зарождается, развивается, претерпевает изменения вместе с народом. Язык и народ это единое целое. Попадая в языковую среду другой страны, обучающийся получает новые культурные знания, хранящиеся в языке. Таким образом, студенты-иностранцы во время обучения РКИ имеют возможность узнать культурно-исторические аспекты страны.

Разделы языкознания, изучающие культуру страны, – это лингвострановедение и лингвокультурология. Впервые термин «лингвострановедение» появился в работе В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина «Язык и культура» [3]. Изначально лингвострановедение рассматривалось как часть методики преподавания иностранного языка, которая занимается изучением результативных методов и технологий ознакомления студентов-иностранцев с культурными и историческими аспектами страны.

На современном этапе развития языкознания содержание понятия «лингвострановедение» переосмысливается и уточняется. Лингвострановедение в новом понимании – это методическая дисциплина, обеспечивающая иностранных студентов, изучающих РКИ, информацией о национальных и культурных особенностях

межкультурных актов с целью формирования коммуникативной компетенции [4]. Главным носителем культуры в данном случае является изучаемый язык.

Межкультурная коммуникация не может осуществляться без реального представления и понимания национально-культурного и исторического содержания наследия страны изучаемого языка. Для этого мы должны изучать и применять различные методы формирования лингвострановедческой компетенции у студентов-иностранцев. В настоящее время лингвострановедческий подход к изучению иностранного языка занимает значительное место в лингводидактике. Изучение иностранного языка невозможно без определенных представлений и знаний о культуре и истории страны. Так, без ознакомления с культурным наследием страны обучающийся имеет возможность использовать язык в функции знакового кода. Всем известно, что при изучении иностранного языка часто применяется метод ассоциаций, он позволяет закрепить в своем сознании новый материал. Однако основное влияние родного языка выражается в процессе межкультурных актов: используя русские лексемы, англичанин подразумевает английское национально-культурное семантическое содержание. Разница в семантическом содержании представляет собой существенную проблему в дальнейшем формировании коммуникативной компетенции.

При формировании навыков межкультурной коммуникации, следует обратить внимание на национально-культурные особенности носителей языка. В трудах А.Н. Щукина и П.В. Сысоева приведены шесть аспектов, которые необходимо учитывать в процессе формирования лингвострановедческой компетенции [5].

Остановимся на каждом из них.

1. Фоновые знания – это ассоциативные и коннотативные знания, сформированные во время межкультурной коммуникации, они отражают культуру, свойственную носителям языка.

2. Средства языка, обеспечивающие межкультурное общение.

Вербальные (к ним относятся лексические единицы, которые не имеют эквивалента в родном языке).

Невербальные.

3. Нормы повседневного общения, которые отражают особенности национальной ментальности носителей языка.

Под ментальностью понимаются установки, культурные ценности, правила поведения, привычные в определенной социальной группе, в данном случае, страны изучаемого языка. Знания и представления о нормах поведения составляют основу ментальности.

4. Этикет общения.

Этикетом называют условный свод правил речевого поведения, который сформировался в определенной общности. Это отражение национально-культурного наследия страны. К этикету общения относят вербальное (приветствие, прощание, обращение и так далее) и невербальное общение (жесты, мимика).

5. Бытовая и художественная культура.

Знания о культуре страны являются неотъемлемой частью изучения иностранного языка, так как национальное и культурное наследие страны являются частью развития языка внутри социума.

6. Знание тактик речевого поведения.

Владение тактиками речевого поведения позволяет участникам межкультурной коммуникации достичь поставленных целей в конкретных ситуациях. При речевом воздействии на различные социальные группы следует учитывать, что одна и та же тактика не является универсальной и эффективной. Целями владения речевыми тактиками может быть не только убеждение, но и получение максимум информации о собеседнике, положительная самопрезентация.

К основным речевым тактикам поведения относятся:

- побуждение собеседника к совершению действия;
- реагирование на побуждение;
- выражение эмоциональной оценки;
- выражение морально-этнической оценки;
- выражение социально-правовой оценки.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в процессе изучения иностранного языка и формирования навыков межкультурной коммуникации очень важно учитывать все особенности культуры страны изучаемого языка для дальнейшей успешной коммуникации с носителями изучаемого языка. Получая знания о культурно-исторических ценностях страны, иностранный студент овладевает социокультурной компетенцией.

Таким образом, знание и владение социокультурным материалом является важной частью не только в изучении нового языка, но и в умении адекватно и корректно преподнести информацию в различных ситуациях, в том числе и на профессиональном уровне [6].

Литература

1. Русский язык в Европе. URL:<http://www.rurik.se/index.php?id=307>
2. Европейцы учат русский язык. URL:http://rus.ruvr.ru/2013_11_16/Evropejci-uchat-russkij-jazik-9968/ (дата обращения: 16.11.2013).
3. Костомаров В.Г., Верещагин Е. М. Язык и культура. М., 1973.

4. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

5. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2003. 334 с.

6. Баринова Д.О. Дидактические аспекты использования технологии интегрирования электронных ресурсов в обучении семиотике // Вопросы методики преподавания в вузе. 2017. Т. 6. №23. С. 22-28.

УДК 81

Казанцева Ирина Сергеевна

Иркутский государственный университет

kazanseva.irina@yandex.ru

ФОЛЬКЛОР НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье говорится о возможностях реализации потенциала фольклорных текстов на уроках РКИ, использование которых способствует формированию различных компетенций, в том числе и межкультурной коммуникативной компетенции как цели обучения РКИ.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетенция, лингвокультурологический подход, менталитет, фольклор, диалог культур.

Обучение русскому языку как иностранному в русле лингвокультурологического подхода ставит вопрос отбора фрагментов культуры для изучения. В ходе преподавания русского языка как иностранного, согласно И.А. Черкасс и Ю.Н. Черниковой, необходимо выбирать те элементы культуры, которые соответствуют следующим критериям:

1) критерию культурологической и страноведческой ценности, способствующему формированию основ межкультурной компетенции студентов;

2) критерию типичности;

3) критерию современности и общеизвестности фоновых страноведческих знаний в среде носителей языка;

4) требованию привлечения родной культуры и четкой дифференциации с ней для предупреждения языковой и лингвострановедческой интерференции, а также в целях развития взаимопонимания между носителями двух культур;

5) тематическому критерию, который предполагает отбор фоновых страноведческих знаний в соответствии с тематикой, предусмотренной программой [5].

Представляется, что в методике преподавания РКИ (в рамках лингвокультурологического подхода) недостаточно используется потенциал фольклорных текстов. Отражая духовную культуру, фольклор сконцентрировал в себе основные морально-этические ценности, менталитет, традиции, обычаи народа, то, что является его «корнями», его истоками.

Характеризующийся значительной устойчивостью и традиционностью, фольклор отразился как в классической, так и в современной художественной литературе, нашел в ней свое развитие и продолжение. Знакомство с фольклором облегчает понимание литературных произведений, представление о прототипе, исходном материале, который стал основой для создания образа, позволяет глубже проникнуть в содержание и идеи художественного текста.

У фольклора и художественной литературы много общего в средствах художественной выразительности (сравнения, эпитеты, гиперболы, метафоры, параллелизмы и т. д.), но в фольклорной традиции присутствуют особые формы и приемы, характерные только для устной речи (усеченные обороты речи, рефрены, алогизмы, недомолвки и т. п.). Фольклорные тексты часто содержат диалоги, на примере которых студенты знакомятся с различными средствами выражения основных интенций (желание / нежелание, совет, оценка, осуждение, восхищение, согласие / несогласие, просьба и т.д.).

Зачем, царевич, пожаловал? Если упасешь моих кобылиц, дам тебе богатырского коня, а нет, то не гневайся: головой платишься. Боюсь, Иван-царевич! – отвечает ему Марья Моревна. – Что, если Кощей нас опять догонит? Не тронь меня, Иван-царевич! Я тебе еще пригожусь. Ах, Иван-царевич, зачем же ты меня не послушался? – Ну, говорит, – на первый раз прощаю тебя за твою доброту, а в другой раз берегись, на куски изрублю [2].

Связь фольклорной и устной речи, использование фольклорных текстов дает возможность развивать и совершенствовать навыки устной коммуникации. Так, например, народные ролевые игры включают студентов в бытовые ситуации.

– Где был Иванушка? – На ярмарке. – Что купил Иванушка? – Курочку. – Где был Иванушка? – На ярмарке. – Что купил Иванушка? – Гусочку и т. д.

Иван, что ты делаешь? – Траву кошу. – А зачем косишь? – Коров кормить. – А зачем коровы? – Молочко давать. – А зачем молочко? – Сыр делать и т.д. [3].

Множественные повторы, свойственные фольклорным текстам, облегчают запоминание, способствуют корректировке фонетико-орфоэпических навыков и отработке навыков чтения.

Произведения устного народного творчества могут стать прекрасными учебными материалами, помогающими студентам освоить различные лексико-грамматические темы. Обычно эти темы отрабатываются при выполнении упражнений, а связные тексты используются реже. Между тем небольшие тексты с естественно организованным завершенным сюжетом, простым, понятным содержанием могут быть хорошим дополнением к упражнениям, способны разнообразить образовательный процесс.

Так, например, китайские студенты сталкиваются со сложностями в употреблении слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которыми чрезвычайно насыщены фольклорные тексты.

Зайч-ИК, лис-ИЧ-К-а, волч-ОК, нор-УШК-а, квак-УШК-а, побегай-ЧИК.

Помимо сложностей с восприятием русского словообразования китайские студенты испытывают серьезные затруднения в употреблении глаголов. Фольклорные тексты исключительно богаты приставочными и бесприставочными глаголами, в том числе и глаголами движения.

Мышка – бежала, увидела, остановилась, спрашивает, вошла, стала жить; лягушка – прыскала, прыгнула; лисичка – постучала, забралась; волчок – прибежал, заглянул, влез; медведь – идет, услышал, остановился, заревел, влез, уселся; теремок – стоит, затрепал, упал, развалился; звери – живут, поют [2].

Знакомство с фольклором позволяет иностранным студентам глубже понимать культуру русского народа, ее особенности и ценности, способствует формированию межкультурной компетенции, которая помогает достижению взаимопонимания между представителями разных культур. Фольклор является кладовой народной мудрости, своеобразным способом передачи представлений о человеке, природе, окружающем мире, представляющих собой основу национального мировоззрения. Для фольклорной традиции каждого народа присущи характерные сюжеты, образы, ситуации. В фольклорных текстах национальный менталитет проявляется в оценке происходящих событий, в именах героев, в традиционных языковых формулах.

Так, изучение народных сказок знакомит иностранного студента с образами, которые знакомы каждому русскому человеку с детства. *Это такие персонажи как Иван-царевич, Илья Муромец, Кощей Бессмертный, Василиса Премудрая, Змей Горыныч, Баба-Яга, Жар-птица, Чудо-юдо и т.д.* Повседневная речь богата крылатыми выражениями, происхождением которых мы обязаны сказкам. Это такие

фразы как: *в тридевятом царстве, тридесятом государстве; жили-были, пойдти туда – не знаю куда, принеси то – не знаю, что; людей посмотри, да себя покажи; полцарства в придачу; жить-поживать и добра наживать; долго ли, коротко ли; напои, накорми, да спать положи; утро вечера мудренее; пир на весь мир; по усам стекло, а в рот не попало* [2]. Для того, чтобы правильно понимать эти выражения, необходимо знать их источник. Знакомство со сказками дает представление об известных образах и выражениях, помогает иностранному студенту погрузиться в русскую культурную среду.

Еще один фольклорный жанр – поговорка, представляет собой значительную познавательную ценность для изучения русского языка и русской культуры. Такие фонетические особенности поговорок, как звуковые повторы (аллитерация, ассонанс, консонанс, рифма), открывают широкие возможности для отработки фонетико-орфоэпических навыков: *щи да каша – пища наша; мирская молва – морская волна; тише едешь – дальше будешь; где родился – там и пригодился* [2]. Синтаксис поговорок – это синтаксис живой народной речи, в них отразилось все разнообразие синтаксических конструкций русского языка. Это и простое предложение. *Волка ноги кормят. В тихом омуте черти водятся.* И предложения с составным именным сказуемым. *Бедность не порок. Семь бед – один ответ. Корень ученья горек – да плод его сладок. Родная сторона – мать, чужая – мачеха.* И все огромное разнообразие сложных союзных и бессоюзных предложений. *Кабы знал, где упасть, так соломки бы подостлал. Не все коту масленица, будет и великий пост* [4]. Поговорки представляют собой изречения, в которых сосредоточен многовековой опыт народа, оценка различных ситуаций, явлений, взгляд на человека, его место в мире. Можно сказать, что поговорки заключают в себе особый культурно-ценностный код для русского народа, они выступают как один из источников знания о морально-этических нормах.

При знакомстве с русским фольклором особую роль играет сопоставительный аспект. Предлагая иностранным студентам сравнить русские фольклорные тексты с фольклорными текстами родной культуры, обращая внимание учащихся на их различия и сходства, преподаватель способствует формированию межкультурной компетенции студентов, возникновению диалога культур. Так, например, различные человеческие типы в русском фольклоре ассоциируются с определенными животными. Лиса в русских сказках выступает в качестве отрицательного персонажа, чтобы достичь своей цели, она обманывает, притворяется слабой, манипулирует другими, и, в результате, оказывается наказана за лживость и лицемерие. Кто не знаком с такими выражениями как: *лисить, лису петь, подпускать лису, лисой пройти.* Однако в китайском фольклоре, как отмечает В.М. Алексеев, лиса наделяется

сверхчеловеческими, даже божественными способностями, она умеет принимать всевозможные формы, она предстает обольстительной женщиной, верной подругой, тонко образованным ученым. Лиса окутывает жизнь человека наваждением, обольщает своей красотой, карает за глупость и подлость [1].

Таким образом, представляется целесообразным использование фольклорных текстов при обучении всем видам речевой деятельности (чтению, письму, аудированию, говорению) на уроках РКИ. Работа может строиться, например, в такой последовательности: 1) предварительное изучение лексико-грамматического материала; 2) аудирование / чтение; 3) толкование содержания, работа над трудными для произношения звуками, лексическими единицами, интонацией; 4) говорение (устный пересказ) / заучивание отдельных строк и строф/инсценировка; 5) письмо б) дискуссия.

Литература

1. Алексеев В.М. Предисловие переводчика // Ляо Чжай. Искусство лисьих наваждений. Китайские предания о чудесах / В.М. Алексеев. М.: Эксмо, 2003. 427 с.
2. Волшебные русские сказки / В обработке А.А. Афанасьева. М.: РОСМЭН, 2008. 96 с.
3. Котомина С.С. Русское народное музыкальное творчество / С.С. Котомина. М.: Престо, 2004. 42 с.
4. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З.К. Тарланов. Петрозаводск: ПГУ. 1999. 448 с.
5. Черкасс И.А. Критерии отбора содержания социокультурного компонента в преподавании иностранных языков / И.А. Черкасс, Ю.Н. Черникова // Россия и Запад: диалог культур. М., 1996. С. 229-232.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ I

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ПАРАДИГМ РУССКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ: ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... 3

Акбулатова Г.З. ОСОБЕННОСТИ ЭЛЛИПСИСА В РАССКАЗАХ АНГЛИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЭРНЕСТА МИЛЛЕРА ХЕМИНГУЭЯ..... 3

Багаева А.А. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕНТАЛИТЕТА АНГЛИЙСКОГО И ОСЕТИНСКОГО НАРОДОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК С КОМПОНЕНТОМ «ДОБРО-ЗЛО»..... 5

Байшукурова Г.Ж., Иргебаева А.Б. СОБЫТИЕ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПАРАМЕТР ДИСКУРСА 8

Григорьева Т.В. РОЛЬ МЕТАФОРЫ СОДЕРЖАНИЯ В ВЫРАЖЕНИИ ОЦЕНОЧНОСТИ ОППОЗИЦИЕЙ *ВЫСОКИЙ – НИЗКИЙ* 13

Дробан В.В., Исаева Л.А. ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «МИР» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРОКАХ. 22

Дрянгина Е.А., Чучкин П.А. КОМПЛИМЕНТ НА ОСНОВЕ СРАВНЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ 25

Евдокимова Е.В., Тужилова К.В. ЛЕКСИКА ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА В РУССКОМ ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ 30

Зайцева М.В. АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ДИНАМИКИ КОНЦЕПТА ДЕНЬГИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ 34

Зиянгирова Е.Л. ТРАНСТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В МЕТАЯЗЫК ЮРИСЛИНГВИСТИКИ..... 39

Ишмуратова Л.Н. КАТЕГОРИЯ ОРУДИЙНОСТИ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ 41

Калёнова Н.А. ФРАЗЕОЛОГИЯ В ПАРАМЕТРАХ ДИСКУРСА..... 49

Каштанова П.В., Нестерова Н.А. ТИПОЛОГИЯ БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЭРЗЯ-МОРДОВСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ К.Г. АБРАМОВА) 54

Кирчанов М.В. РЕВИЗИОНИСТСКИЕ ДЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ИЗУЧЕНИИ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ.....	59
Кислова Е.П., Новоселова Д.А. ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	65
Макевнина И.А. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЧАСТОТНЫХ ЛЕКСЕМ <i>ЧЕРНЫЙ</i> И <i>БЕЛЫЙ</i> И ИХ ПРОИЗВОДНЫХ В ПОЭТИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА.....	69
Минеева З.И. ЗООТРОПЫ ЖЕНСКОГО РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ..	75
Мухаметшина М.И., Фомина Ю.С. ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ».....	81
Патроева Н.В. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ КОНТРАСТИВНОЙ ГРАММАТИКИ.....	85
Сидоренко А.В. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА.....	91
Старухин Е.А. АНОМАЛИЯ В ЯЗЫКЕ: К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ И СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА.....	98
Теуш О.А. ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА: ТЮРКСКО-РУССКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ).....	102
Тимирханов В.Р. МИФОЛОГИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО КАК ПРИМЕТА «ФИРМЕННОГО» СТИЛЯ И ОСОБЕННОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ДМИТРИЯ БЫКОВА (ПО РОМАНУ «ЖД»).....	107
Угольникова Ю.Р. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УРБАНОНИМОВ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ.....	116
Федотова А.А. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ УЖАСНОГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	122
Хрущева О.А. ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НАЗВАНИЯХ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	126

Чернявская Н.А. К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ МЕТОНИМИИ	128
Шайбакова Д.Д. АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛЮРИЦЕНТРИЧЕСКОГО ЯЗЫКА	133
Шигуров В.В. ЧЕТЫРЕ СТАДИИ МОДАЛЯЦИИ ГЛАГОЛА В ФОРМЕ 3-ГО ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА	138
Щербаков С.В. НАРРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ	144
СЕКЦИЯ II	
СМИ В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ... 148	
Абылкайрова Айсулу Кайрат кызы, Алпысова Ж.Е., Тулегенова М.Б. СМИ В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ	148
Асташкин А.Г. СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И СИСТЕМА СМИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	153
Ершова Н.И. ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ЖАРГОННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ СМИ	158
Жаплова Т.М., Томина В.Д. СОЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ В НОВОСТНОМ КОНТЕНТЕ ОРЕНБУРГСКИХ СМИ КАК ФОРМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА	166
Журавлева Е.А., Левченко М.А. БЛОГ В КАЗАХСТАНСКОМ СЕГМЕНТЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ФОРМИРОВАНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	173
Красноярова А.И. ПРОБЛЕМА ГИБРИДИЗАЦИИ МЕДИАТЕКСТОВ В НАТИВНОЙ РЕКЛАМЕ	179
Медведева А.П. ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ АНОНСА В НОВОСТНОЙ ТЕЛЕПРОГРАММЕ.....	185
Перова Е.А. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»	189
Терашвили Т.А. СТРАТЕГИИ ОСУЖДЕНИЯ И ДИСКРЕДИТАЦИИ В ЗАГОЛОВКАХ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПОЛИТИКА В АМЕРИКАНСКИХ МАССМЕДИА	195

Хусаинова А.Х. ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СССР – РФ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗМА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 199

Шейбак В.В. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ..... 204

СЕКЦИЯ III

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ 209

Авдеева А.Е., Дмитриева Н.М. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ НА УРОКАХ РКИ..... 209

Базылев В.Н. В ПОИСКАХ ТЕКСТУАЛЬНО ДЕТЕРМИНИРОВАННОГО ТИПА УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ 215

Величко И.В., Рябчунова К.Н. ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА..... 220

Закирьянов К.З. УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ «РУССКИЙ ЯЗЫК» В РУССКОЙ И НЕРУССКИХ ШКОЛАХ: СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ..... 226

Кабанова С.А. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ 238

Якушкина З.Н. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 247

СЕКЦИЯ IV

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ.....252

Асташова А.А., Давлетшина К.Ю. РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ВОЕННОГО ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ТЮМЕНСКОГО ВЫСШЕГО ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОГО КОМАНДНОГО УЧИЛИЩА ИМ. МАРШАЛА ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК А.И. ПРОШЛЯКОВА)..... 252

Васильева Д.Ю. РОЛЬ ИГРЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ РУССКОЙ РЕЧИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ 256

Иргалина З.Г. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО АСПЕКТА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	260
Казанцева И.С. ФОЛЬКЛОР НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	264

